

Инна Булгакова

Век кино

Инна Булгакова

Век кино

Детективный роман

2012

Инна Булгакова. Век кино. Детективный роман. 2012, 311 с., Second Edition

©Инна Булгакова, 1999, 2012

ISBN 978-1-300-00847-7

All rights reserved.

No part of this book may be reproduced in any form or by any electronic or mechanical means including information storage and retrieval systems, without permission in writing from the author. The only exception is by a reviewer, who may quote short excerpts in a review.

<http://bulgakova.org>

e-mail: ivbulgakova@gmail.com

Мне приснился сон, нечто смутное, мутное; отчетливо - лицо мальчика, он говорил что-то... как вдруг я очнулся от звуков "земных", бессознательно схватил телефонную трубку и услышал: "Не ищите мою могилу, ее очень трудно будет найти". Отбой. 3.15 утра. Не успев удивиться, ушел я вновь в блаженные объятия бога сна, словом, эпизод «заспал». Не подозревая, как впоследствии буду мучиться им, этим лицом, этой «могилой».

Окончательно проснулся в первом часу, впрочем, и заснул где-то в три: в ночном клубе «Артистико» происходило вручение новоявленного киношного приза (от благородных баронов... то есть банкиров) под девизом «Мефисто». Это дьяволово действо я и снимал - я кинооператор.

Там, очень кстати, встретил старинную свою приятельницу - режиссера Викторину Павловну Любавскую, которая предложила мне работу: новая версия «Египетских ночей». Ну, на нынешнем бездарном «безрыбье» - да еще Пушкин! - с трепетом согласился. Договорились так: сегодня я отвожу Викторину с сыном на дачу, где состоится решающий разговор с мужем ее (сценаристом) и со спонсором-продюсером. Заодно и новоселье. Любавские как-то умудрялись процветать

всегда и везде - и вот только что сдали себе в эксплуатацию новенький загородный дом.

В три, как условились, звякнул - нет ответа. В полчетвертого - тоже нет. Странно. Может, линия барахлит? Поехал наобум - на Плющиху, где не был тыщу лет... Точнее, сюда нынче ночью я ее и доставил, расстались во дворе, стиснутом неоштукатуренными стенами, мрачном мирке, где безумствовал я когда-то в любовном иступленье... по ней, по ней. Однако время - милосердный лекарь. Дом в два этажа в глубине за акациями, куда процокала она, а я поплелся назад к машине, с утомленной головой и пустым сердцем.

Полутемный, с отрадной прохладой подъезд, коричневая дверь - ни ответа, ни привета... Нет, все-таки женщины - «порождения ехиднины»! Неужели забыла и отправилась за город своим ходом? И я отправился на поиски их Молчановки - неподалеку, по словам Вики, от Кольцевой, на север; ради «Египетских ночей» я б к черту на кулички отбыл.

А жара стояла несусветная; приостановился на Садовом кольце водички купить; из салонного сквознячка вылез в уличное марево, прямо в кучку бомжей, которых гуманисты-иностранцы (бельгийцы, кажется) задарма поили кофе с булочками. И наткнулся, чуть не наступил на Викину сестру в ярко-зеленой кофте и красной юбке; она

сидела на кромке тротуара рядом с замшелым стариком - оба пили из бумажных стаканчиков. Ночью же в клубе на мой вопрос о Татьяне (из чистой любезности - ни с какой стороны эта придурковатая меня не волновала) Вика ответила: исчезла куда-то, ничего о ней не знаем, мол. Сегодня узнаете, подумал я с искренним злорадством, прямо на новоселье в загородный особняк и доставлю. Маленькая месть.

Долго уговаривать не пришлось. То есть вначале она отказалась наотрез (и старик чего-то там лопотал), потом задумалась, опустив голову; я уж было терпенье потерял; и вдруг говорит: «Да, надо ехать. Никита Савельевич, поехали». Ну, тут я совсем развеселился. «Может, еще кого прихватить? Место есть». - «Нет, мы вдвоем». Она с трудом приподнялась и, поддерживаемая стариком, побрела к моей старой «пятерке», согнутая в пояснице почти под прямым углом (как на известной иконе Серафима Саровского... ни к селу, ни к городу всплыл святой). «Что с вами?» - в тоне моем невольно проступила брезгливость, не выношу уродства. «Что-то с позвоночником, - угодливо отозвался старик. - Лечить надо, а Танюша не желает, может, вы уговорите». А она приподняла лицо, улыбнулась и сказала: «С праздником вас, Николай Васильевич!» - «А что мы сегодня имеем?» - «Троицу Святую».

Они сели на заднее сиденье; от нечего делать я стал расспрашивать; сквозь гул мотора, сквозь оранжевый блеск и суету уходящего дня два голоса за плечами поведали историю (повествовал в основном бомж). Года три назад Татьяна усыновила сироту - побирושку с церковной паперти, у которого оказалось редкое заболевание мозга - и можно было сделать операцию, за большие «бабки». Она продала квартиру в центре (еще родительскую; они с Викторией сводные, по отцу). Мальчик скончался под ножом, а Татьяна стала бродяжкой.

- Вы настолько горды, что не пожелали попросить помощи?

- Мне не нужна помощь, - был ответ. - А о своих я осведомлялась, я про них знаю.

Ну, пусть сами разбираются.

Где-то в шестом мы разыскали Молчановку - новобогатенький поселок, тривиальный шик которого несколько смягчался дикой зеленью, виллы-мухоморы выросли в лесу. Никто ни про кого ничего не знает, я чертыхался про себя, покуда в конце одной просеки на открытой веранде розовато-кирпичного двухэтажного особняка не заметил покуривающего Самсона - супруга. С нарастающим изумлением наблюдал он, как мы подъехали к воротам, выгрузились и я на руках поднес ему невестку.

- Вот вам подарок к Святой Троице!

- Клади сюда! - приказал он нелюбезно, кивнув на шезлонг. - Танюш, что случилось, где ты пропадала?

За нее ответил я:

- Они с Никитой... как вас там?.. Савельичем «калики перехожие», милостыней живут. (Самсон нахмурился) Позови-ка Викторину.

- Она еще из Москвы не приехала.

Вот тут впервые почувствовал я ноющую какую-то тревогу. И поделился ею с Соном (дурацкое это прозвище было у супругов в ходу в интимные моменты, я знал от Вики).

- Не-по-нят-но! - протянул он нервно. - Предстоят ответственные переговоры с продюсером...

- А Ванечка где? - подала голос невестка.

- Где угодно. Надеюсь, с матерью. Он сегодня в Москве ночевал.

- А ты? - поинтересовался я.

- Здесь, естественно. Вчера закончили, с рабочими рассчитались. Из-за них тут и торчал, сегодня же отбываю.

- Что так?

- Человек я изнеженный, испорченный... без горячей ванны и телефона - не человек. Мне лично этот дом не нужен!

Самсон буквально повторил жену. «Мне лично этот дом не нужен, - говорила она ночью в клубе. - Для творца нашего строим, вдохновение неразлучно с уединением...»

- Ну, хоть покажи, похвастайся.

Комнаты в английских обоях благородных темных тонов почти пустые, кое-где повстречались раскладушки, одинокий столик с магнитофоном, табуретки, гардероб с зеркалом... Впрочем, Самсонов кабинет скудно, но обставлен - диван, шкаф, кресло, письменный стол с компьютером... «Какой прогресс! Занимаешься Пушкиным на компьютере?» - «Весной освоил, соблюдение тайны творчества гарантировано». - «То есть?» - «Вносится пароль, программа блокируется, «Клеопатра» недостижима». - «А что, у тебя собратья по перу замыслы воруют?» - «Да ну... но ведь забавно!» - «И облучения не боишься?» (Мнительность Самсона мне была известна.) - «Есть приемчики. Говорили, железки помогают, но лучше всего, - Самсон понизил голос, - чистая шерсть. Покрыть голову...» Позади послышалось отчетливое хихиканье, мы обернулись: старик нищий слушает, вытянув худую длинную шею, как гусь. Сценарист усмехнулся пренебрежительно: «Вот экземплярчик хомосапиенса, а? - и забрюзжал: - Библиотеку нет смысла на лето перевозить, а без книг я не жилец на этом свете!»

На первом этаже столовая, кухня, «удобства» и гараж. «Викины причуды - прямо из кухни за руль, видишь дверцу? - сквозь Сонин сарказм проступали и горделивые, и

тревожные какие-то нотки. - Там нечего смотреть, строительный хаос...» - «Да ладно, не извиняйся, посмотрим...» - мы протиснулись в просторное полутемное помещение, за нами - Савельич неотступной тенью (подружка его осталась в шезлонге), вспыхнуло мертвенно-голубое мерцанье.

- А машина-то где?

- Пока за домом, тут еще сохнет все.

- И сам отремонтировать будешь? - недоверчиво уточнил я, заглянув в автомобильную яму.

- Научусь, - он подмигнул. - Научился же я водить.

Ага, за энное количество лет; тут ему жена сто очков вперед даст.

Выйдя на белый свет, Самсон опять закурил и пробормотал в пространство:

- Набирает людей, не посоветовавшись со мною.

-Ты что-то имеешь против моего участия в съемках?

Он не успел ответить: по широкой дорожке в разноцветных плитах, в ослепительных солнечных пятнах приближалась к нам блестящая известнейшая пара - Борис Вольнов и Рита Райт - герои вчерашнего шоу в ночном клубе «Артистико».

В какое-то мгновение меня будто позвал настойчивый взгляд, я обернулся: за столиком в глубине залы с полукруглыми арок и малиновыми занавесями незабвенная Виктория, смотрит в упор. В «перекуре» - мы снимали в очередь с напарником - подошел поприветствовать; она сидела с Львом Василевичем, сравнительно молодым, но шустрым сценаристом. «Вот, Коля, замахнулась на Пушкина, грядет двухсотлетие!» - «Прекрасно». - «Ты не хочешь поучаствовать?» - «Хочу - не то слово!»

Тут как раз окончилась «пляска чертей» (ключевой момент шоу), они рассеялись по зале, и находчивый Василевич подозвал одного из Мефистофелей: «Боря!.. Виктория Павловна, вы знакомы с Вольновым?» - «Лично - нет». - «Уверен, он вам необходим». - «А я не уверена». Она сразу подобралась и насторожилась: женственная и любезная, Вика мгновенно преображалась, коль речь заходила о работе. Но Вольнов уже подскочил, виляя хвостом, и непринужденно представился. Трехминутный разговор, о «Египетских ночах» - ни слова. И все же в Молчановку актер получил приглашение, очевидно, на «смотрины».

А хозяйки все не было. «Задержалась в Москве, - объяснял хозяин на ходу. - Будем надеяться, уже в пути, раз столько гостей назвала...» Привел он нас в уютное тенистое местечко под липами, где, оказывается, был уже накрыт стол под полосатым зонтиком и стояли вокруг узорчатые белые стулья из пластмассы. В суете знакомств про бомжей забыли, как вдруг они выросли из зарослей, держась за руки, точнее, скрюченная Танюша повисла на Савельиче.

- Где сестра? - спросила она с ужасным беспокойством.

- Если б я знал! - Самсон нервно взглянул на наручные часы. - Полседьмого...

- Семь, - уточнил я.

- Да? Остановились. - Он подкрутил колесико. - Ничего не понимаю. Главное, Ильи Григорьевича нет.

Я поинтересовался:

- Это кто ж такой главный?

- Здешний сосед наш, - отвечал Самсон уклончиво. - О! Возможно, она с ним, вместе придут...- Лицо его, довольно безобразное из-за выставленных вперед, длинных, как у вампира, зубов (впрочем, умное и тонкое), вдруг задергалось. - Голова болит смертельно... Присаживайтесь. Сестра Виктории - Татьяна Павловна. И... как вас?

- Никита Савельевич.

- Савельевич... Очень душевно. Так вот, господа, ждать не будем, требуется принять... - Душистый армянский коньяк пролился в хрустальные стопочки, пальцы Самсона чуть дрожали. - Слава Отцу и Сыну и Святому Духу, и ныне и присно и во веки веков! Аминь.

- За великий праздник! - восторженно подхватил Савельич.

Выпили, закусили. Стол великолепен: гора бутербродов с икрой, с разнообразной рыбой и мясом, украшенных тончайшими ломтиками огурцов, помидоров, укропом, петрушкой... в центре — фарфоровое блюдо с молодой картошкой. Молодец Самсон! Как приятно иногда пожить в вечерней летней истоме, ни о чем не думая, не вспоминая...

- Приятно бывает пожить, - подслушал мои мысли киноактер. - Виктория Павловна ничего вчера конкретно не сказала, но прошел слушок... - он вопросительно взглянул на сценариста.

- Уже прошел? - поморщился тот. - Вика суеверна, клялась - никому... - опять наполнил стопки. - Мы действительно задумали вольную, так сказать, экранизацию «Египетских ночей».

- Кажется, уже была, - неожиданно заявил бож. - Шницеля.

- Швейцера,- поправил сценарист со снисходительной улыбкой. - То был всего лишь эпизод в телесериале. У меня друга идея.

Кинозвезды жадно слушали, Борис сказал живо:

- Вам пришлось досочинять Пушкина! (Самсон скромно кивнул) Эх, если б я умел писать... Я бы перенес действие в наши дни.

- Из Древнего Египта? - изумился бойкий бомж. - Я, конечно, человек необразованный...

- Вот и не встречайте, - перебил Самсон строго и мрачно, закурил. - Идеи носятся в воздухе.

- Нет, серьезно? - протянул Борис с удивлением. - Действие происходит...

- Сейчас, - закончил сценарист. - Да, сейчас! Это мой замысел. - Он вдруг приободрился, заговорил, с удовольствием обращаясь к черноокой красавице Райт. - Если вы помните содержание... к аристократу-поэту является нищий импровизатор с просьбой организовать платный литературный вечер в высшем кругу, на котором вдохновенно слагает стихи на заданный символ: царица египетская предлагает «рабам своим» ночь любви за жизнь. Переспал - наутро казнь. Желающие находятся. На этом «Египетские ночи» у Пушкина обрываются, но известен еще один набросок на ту же тему - диалог некоей «роковой женщины», госпожи Вольской, с ее поклонником Алексеем Ивановичем: найдется ли в наше время (то есть в пушкинское время) мужчина, способный на такой безумный

порыв. И есть намек, что Алексей Иванович решится и дело закончится трагедией.

- Достоевский об этом писал. - Обронила убогая, загадочно глядя прямо перед собой (у нее какое-то литературное образование, вспомнил я, корректором до исчезновения работала). Самсон подхватил с увлечением:

- Совершенно верно! До какого сладострастного извращения дошел древний мир накануне явления Спасителя. Но Достоевский не продолжил свою мысль: как извратился уже христианский мир в эпоху Пушкина, где Вольская - новая Клеопатра, а русский, православный готов бросить вызов Всевышнему, рискнув своей бессмертной душой. И я рискнул. - Самсон усмехнулся. - Перенести ситуацию исторического мифа в наш бешеный век, сейчас, сюда.

- Значит, той Клеопатры не будет? - робко уточнил бож.

- Будет! Древнеязыческие сцены будут чередоваться с новоязыческими, так сказать, с современными; центральный образ, связующий два мира, разделенных тысячелетиями, - душа поэта.

- Я готов! - воскликнул неотразимый Борис с сексуальной трехдневной щетиной. - Почти бесплатно... а, совсем бесплатно!

Но тут перед нами возник громадный, как гардероб, господин в дорогом летнем костюме.

- Илья Григорьевич! - с ласковой укоризной попенял хозяин, вставая. - Ждем, ждем...

- Мне очень некогда, - процедил господин, энергично потирая красные ручищи.

- Милости просим...

- Можно вас на минутку?

- Присоединяйтесь!

- На минутку! - повторил Илья Григорьевич веско, выпучив глаза; и они с Самсоном удалились, оставив нас в тревожном каком-то молчании. Которое неожиданно прервала убогая:

- С сестрой и Ванечкой случилась беда.

Присутствующие (и я в том числе) всполошились восклицаньями:

- Что? Что случилось? О чем вы?

И разом умолкли при явлении бледного Самсона с остановившимся взглядом.

- Катастрофа! - одно слово произнес он и рухнул на белый стульчик, внятно хрястнув костями. Танюша вскрикнула пронзительно:

- Что с Ванечкой?

- При чем тут Ванечка! - отмахнулся отец. - Банк на грани разорения.

- Какой банк? - сразу заинтересовался бож.

- Да вы-то! - вскипел Самсон. - Вы-то куда лезете?.. Пардон. «Фараон». Его, его... - ткнул пальцем в воздух. - Слыхали, какая сейчас ситуация на бирже?

- Тебе-то что за дело? - удивился я.

- Он - спонсор, продюсер... то есть собирался. Словом, «Египетские ночи» скончались в зародыше.

Бомж спросил:

- А сколько надо?

Самсон с размаху выпил коньяку и обрел нормальный свой иронический тон:

- Если вы с Танюшей насобираете милостыни...

- Сколько надо?

- Если у вас есть полтора миллиона долларов, то на первых порах мне хватит.

Бомж тоже выпил и сказал жестко:

- Доллары найдутся. Но я не уверен, богоугодное ли это предприятие.

- Танюша, мы тебе всегда рады, но сумасшедших я не выношу, сам нервный.

- Верь ему, у него все есть, - отозвалась она с отсутствующим видом.

Киноактеры наблюдали за трагикомической этой сценой с веселым любопытством; Самсон стиснул руками голову.

- Кто вы?

- Я все сделаю, как скажет Танюша, - произнес бомж - или не бомж? - таинственно. - Доллары найдутся, но вот она говорит, что с вашими близкими беда.

Сценарист откинулся на спинку стула, выставив «клыки».

- Безумно болит голова... А! Наверно, Вика слышала о крахе «Фараона» и ищет нового спонсора.

- А Ванечка?

Самсон страдальчески потер лысину.

- Схожу-ка я к Илье Григорьевичу, расспрошу его дочку и заодно обзвоню всех.

После его ухода мы молча, не сговариваясь, выпили; Татьяна (она вообще не пила) сползла со своего стула и легла на траву, скорчившись как младенец в материнской утробе. «Звезды» рассматривали ее с недоумением... невозможно представить большего контраста: секс-бомба Рита (вот бы кому играть Клеопатру!) - и убогая. Борис констатировал:

- Позвоночник поврежден. Где болит?

После паузы Танюша отозвалась:

- Левая нога, в трех местах. Здесь, здесь и здесь.

- Симптомы грыжи. Нужен мануальный массаж.

- Я ее уговариваю, - пожаловался Никита Савельевич, - а она - само пройдет!

- Само не пройдет, я в этом разбираюсь.

- Взгляните! - взмолился богатый бомж. -

Прощупайте!

Мужчины занялись больной, Рита заговорила вполголоса:

- Между нами, я рассчитывала на пробу.

- На роль Клеопатры?

- Ну. Меня мой жених обнадежил.

- Вольнов - ваш жених?

Она лучезарно улыбнулась, счастливая, самоупоенная... Сегодня ночью Рита Райт удостоилась банковского приза за лучшую женскую роль (в «Страстотерпцах» - «кино, мягко выражаясь, не для всех»), а ее Бориса обделили: нашелся более бойкий.

- Поздравляю! С Вольновым обошлись несправедливо.

- Ужасно! Он, несмотря на весь свой ум, так обиделся, что напился, хотя вообще не пьет.

У этого плейбоя ум! Вот уж влюбленность застит глаза.

- Впрочем, актеры - вечные дети, - не удержалась красотка от банальности и перешла к делу: - А вы хорошо знаете Любавских?

- Лет двадцать.

- Заболвите за меня словечко?

- Как я могу устоять? - сказал я совершенно искренне; она улыбнулась уже по-другому, с чувственным привкусом, и приложила руку к сердцу - не банальный жест, а словно загадочный знак...

3

Вернулся Самсон с известием: своих нигде не нашел. Что делать - ехать в Москву

разыскивать или ждать? Уже девятый час. Порешили - подождать.

Я спросил:

- Ты поговорил с дочкой банкира?

- Безрезультатно. Со среды она Ваню не видела.

- Во сколько он уехал в Москву?

- Пошел на электричку в 22.05. Мать настояла, чтоб он помылся наконец в ванне.

- Он дружит с этой дочкой?

- У них, видите ли, роман! - с раздражением бросил отец.

У Ванюши роман? Я удивился. А впрочем... ему ведь уже шестнадцать, самое время.

- Он ко мне не заехал, - подала голос больная с лужайки.

- Куда? - Самсон дернулся на стуле, чуть не упав. - Куда это «к тебе»?

- В ночлежку.

- Ванька ездит... - отец был потрясен. - И нам... то есть мне ни слова!

Никита Савельевич вмешался смиренно:

- Ванечка славный мальчик, очень талантливый, - Глаза старика покраснели, словно увлажнились от слез. - Правда, Танюша? Сам рассказал про «травку» и дал слово больше не курить.

- И вы ночуете в ночлежке?

- Как правило. Но прошлую ночь дома провел, ждал делового звонка. А Танюше с

сердцем плохо было... вот горе-то. Он ведь в субботу обещался заехать, да.

- Да как он вообще с вами связался?

- Случайная встреча, зимой еще, на Садовом кольце - вот как сегодня Николай Васильевич... Мы как раз получали одежду из Бельгии, называется «секонд хенд» - «из вторых рук».

- Вы одеваетесь в чужие обноски?

- Нет, я свое донашиваю. (Оригинальный бомж в какой-то черной хламиде, чуть ли не в пальто.) А Танюше достался наряд, видите?

Мы все посмотрели на лежащую Танюшу в зеленой кофте и ярко-красной длинной сборчатой юбке. Убогая настолько худа, что нелепый «наряд из вторых рук» выглядит на ней пышным, как бы «старинным».

- Вообще, - продолжал «бомж», - одежду мы получали для детей.

- Каких детей?

- Бездомных. Русские еще не привыкли, после социализма-то, а у них там все налажено.

- Нищенство налажено? - пробурчал Самсон, спохватился, криво улыбнулся перспективному бродяге. - Я, конечно, уважаю эксцентричность, сам художник... в своем роде богема. Но не понимаю... - строго поглядел на невестку. - Таня, мне нелегко будет простить тебе такое вызывающее поведение, такую, прости, претенциозную позу. В конце концов, у тебя есть родные!

- Самсон, я уже не вернусь, не обо мне речь. Ванечка обещал приехать и пропал.

- Что он там у вас делал?

- Мы разговаривали, в храм ходили.

- В храм? Это уже крайность.

- «Всех Святых, в Земле Российской просиявших».

- То-то он вчера в ночной клуб с матерью отказался идти! Она уговаривала, а он, значит, в ночлежку нацелился на ночь глядя.

Я сказал:

- Кажется, он мне ночью звонил.

- Тебе? - Самсон вздрогнул. - Почему ты молчал до сих пор?

- Я не совсем уверен.

- Он твой телефон знает?

- Говорю же: не уверен. Может быть, именно после встречи в клубе с Викой (давно не виделись) мне приснился ваш сын, ну, как помню, совсем маленький. Сон прервался звонком, и как-то все это смешалось в душе.

- Что он сказал?

Я помедлил - безумные слова не шли с языка, - наконец выговорил:

- «Не ищите мою могилу, ее очень трудно будет найти».

- Да брось, Коль! Это обрывок сна.

- Нет. Я не успел ответить - короткие гудки - и взглянул на часы: было 3.15 утра. Подумал: «Ошиблись номером», - и опять заснул.

- Ты узнал голос?

- Нет, конечно, я его ребенком помню.

- Почему тогда решил, что это Ваня?

- Да сновидением, возможно, наваялось.

В странной паузе прозвенел негромкий голос убогой:

- Видение Иоанну Кронштадтскому.

Она и раньше-то была не в себе, а после несчастья с приемным сыном, видать, совсем струнулась.

Самсон, игнорируя блаженный бред, обратился ко мне отрывисто:

- Почему именно ты отвез Вику домой?

Она ведь была не одна?

- Откуда ты знаешь?

- Предполагаю. У нее всегда кто-нибудь на подхвате.

- Да, она была со сценаристом Василевичем.

- Он нас и познакомил, - вставил киноактер. - Я давно восхищался вашими фильмами, Самсон Дмитриевич.

Я пояснил:

- Сценарист уехал раньше, чем кончилось шоу, и Вика попросила подбросить ее на Плющиху.

Самсон (невысокий, щуплый, подвижный) тяжело поднялся с белого стульчика.

- Что ж, придется ехать. Извините, господа, за неудавшийся ужин.

Кинозвезды с поспешной деликатностью раскланялись; убогие пожелали остаться на даче; а я, поддавшись неясному чувству (ночная фраза постепенно, в моем сознании, превращалась в грозное предупреждение), вызвался сопровождать Самсона на Плющиху.

Приехал чуть раньше и, покуда он ставил машину в гараж (такую же, как у меня, старую «пятерку»), подождал во дворе, глядя на окна второго этажа, завешанные бледно-сиреневыми портьерами. От вечерней духоты асфальта и камня спирало дыхание, я перевел взгляд на кусты акаций, откуда-то подкрался и сжал сердце смутный страх.

- Ты к нам не поднимался? - тихо прозвучал сдавленный голос за спиной.

- Ночью? С какой стати?

Самсон промолчал, молча мы вошли в подъезд, поднялись, он позвонил, выдержал паузу и отпер дверь. Вспыхнул красненьким плафончик в прихожей... кухня... ванная... туалет... кабинет... комната Ванюши... спальня... никого, ничего подозрительного! Мы вернулись в кабинет и жадно закурили.

- Ты прав, Самсон, она, должно быть, в поисках нового спонсора и Ваня с нею.

Он отозвался сухо:

- Она не знает, что «Фараон» затрепал. Илья Григорьевич сказал: еще никто не знает.

- Ну, мало ли где задержались...

- Ты не понимаешь, какое значение Вика придавала этой встрече с банкиром. Все наши надежды были на него.

- Да ладно, Танюша нечаянно подарила вам нового чудака. Как раз для «Египетских ночей».

- А кто будет ставить? - узкие извилистые губы его растянулись в сардонической усмешке, которая тут же погасла. - Не дай Бог, попали в аварию.

- Но мы совершенно определенно договорились, что я отвезу их в Молчановку!

Самсон стремительным шагом прошел в «детскую»; я, помедлив, за ним: он рылся на полке с кассетами, обернулся.

- Ваня просил и меня, и мать привезти какой-то чертов «Пинк фloyd», а мы все забывали. Для девчонки, конечно, он классикой одержим.

- Ну и?..

- Не забрал, вот она. Хотя... они в среду с Лелей поссорились, может, надобность отпала.

- С теткой он, похоже, не ссорился, однако в ночлежку не заехал.

- Ох уж эти мне изломанные, исковерканные девицы!

- Какая же она девица?

- Старая, - проворчал Самсон сварливо, но тут же переключился на меня: - Так ты действительно привез ее с ю д а ночью?

- Самсон, какого черта!.. (он молчал) Ну-ка разберемся. Виктория была в длинном, очень открытом платье золотистого цвета и, кажется, с сумочкой, крошечной такой... тоже золотистой. Давай посмотрим.

Ни платья, ни сумочки не нашлось. В вечернем туалете за город не ездят, конечно, но Вика могла прихватить его, например, для ужина с продюсером...

- Ведь так, Самсон?.. Что с тобой?

Взгляд застывший, устремлен в одну точку на полу. Шепот:

- Ковра нет. Перед кроватью.

Деревянное обширное ложе, покрытое пестрым покрывалом из шелка, старый начищенный паркет.

- Здесь лежал ковер?

- Точнее, коврик... где-то два на полтора, легкий, из искусственного бархата, ценности не представляет.

- Может, она отдала его в чистку?

- Да недавно чистили!

- А вообще что-нибудь ценное пропало, не заметил?

- Ничего.

- Деньги?

- Вчера расплатились с рабочими за дом, остались гроши.

- В этот ковер могли завернуть... ты понимаешь?

- Трун? - прошептал Самсон. - Да иди ты!

- Надо просчитать все варианты. Или... ковер забрали, если на нем остались какие-то улики.

- Какие улики?

- Кровь.

В прихожей зазвонил телефон, мы бросились туда.

- Викторию Павловну? - переспросил Самсон (истерично гаркнул). - А кто ее спрашивает? Кто вы? - швырнул трубку.

- Кто это?

- Испугался, гад.

- Кто?

- Где-то я слышал этот голос...

- Чего он испугался?

- Черт его знает!.. Нет, не вспомнить... - Самсон набрал номер. - Лелечка? Сбегай, голубчик, к нам на дачу, посмотри, не приехали Ваня с матерью. Хорошо? А потом мне позвони. Диктую телефон... Дочка Ильи Григорьевича, - пояснил мне, задумался. - Вани в клубе точно не было?

- Нет, нет, Вика сидела с Василевичем...

- Он! - взвизгнул Самсон. - В нос говорит, гундосит... Он звонил!

- Странно. Ты не ошибаешься?

Он не ответил; лицо еще больше помрачнело. Любопытная комбинация, вдруг подумалось - «Египетские ночи» - уж не вздумала Виктория сменить сценариста?

- Сценарий уже готов?

- Практически да. Обрабатываю на компьютере. - Самсон достал из пиджака записную книжку, полистал, позвонил, послушал.

- Василевич, точно!

- Чего ж ты с ним не объяснился?

- Успеется.

Мы опять закурили, на нервах, в ожидании. Между тем я чувствовал - надежды нет. Почти нет. Меня напугала пропажа ковра - обстоятельство весьма многозначительное. Машинально я окинул взглядом желто-коричневую дорожку... за телефонной тумбочкой на полу клочок бумаги. Поднял. Половинка машинописного листа с текстом: «Приди ко мне тот, кто под землей». Над текстом нарисован паук или жучок... что-то в этом роде.

- Что это? - Самсон вырвал у меня листок.

- Что это такое?

- Тебе лучше знать. - Наши взгляды встретились; его - тяжелый, воспаленный.- Чей почерк?

- Ее... Вики.

- А бумага?

- Кажется, из письменного стола, я на такой обычно пишу... желтоватая, из старых запасов.

Мы мигом очутились в кабинете, он рванул верхний ящик: стопка, сверху аккуратно оторванная половинка листа.

- Вот, - Самсон соединил обе половины. - Отсюда. Но... я не понимаю.

- «Приди ко мне тот, кто под землей», - повторил я. - Похоже на заклинание. Виктория, случаем, не занималась черной магией?

- Да иди ты!..

- Куда ты меня все время отсылаешь?

От звонка мы оба вздрогнули. Банкирская дочка. Ни Виктория, ни Ваня в загородном доме не появлялись.

4

Не появились они и в понедельник. А мне опять приснился мальчик. Точнее, я знал, что это Ваня, но его не видел: он прятался и смотрел на меня и з-п о д з е м л и... Вот такое сюрреалистическое ощущение: взгляд из-под земли, от которого стало невыносимо страшно, такая мука охватила (земля гладкая, черная, злые колючки на ней), такая мука, что я проснулся в ожидании звонка. «Не ищите мою могилу, ее очень трудно будет найти».

Слава Богу, обошлось. Но потом, после разговора по телефону с Самсоном, я упрекнул себя в малодушии. «Обошлось!» Они, должно быть, мертвы. «Не ищите мою могилу...»

Естественно, я сразу попытался отстраниться: какое мне, в сущности, дело до сценариста и его семьи? Мы так давно не

виделись, что, встретить я Ваню - наверняка не узнал бы. И вообще, человек я черствый, холодноватый (прохладный, так сказать), уединенный. Но это сновидение, этот зов незнамо откуда, из каких-то, мерещилось, посмертных сфер, - не давали покоя. И, получив заработанные позавчера в клубе наличные, отправился я зачем-то в Молчановку. От нечего делать - новой работы пока не предвиделось, а «пушкинский» замысел, кажется, испарялся, превращался в исчезающее привидение на засвеченной пленке.

Молчановка и встретила безмолвием, дом не заперт, но пуст. Прошелся по новеньким комнатам, еще пряно пахнувшим краской, лаком, деревом... нашел вчерашнюю лужайку, на которой Танюша - с вечера, что ль? - так и лежит. Увидев меня, что-то быстро спрятала под сборчатый подол. Так большая уже девочка прячет куклу, интеллигентная дама - бутылку, ну а убогая... что-нибудь эдакое - молитвенник, четки... Сестры одной породы (темноволосые, маленькие, одна красива, другая нет). и потаенная страстность, внутренний огонь - в обеих, но разного свойства: сладострастие Виктории - и какая-то блаженная придурковатость в младшей.

- Зря вы с больным позвоночником валяетесь на земле, - сходу начал раздражаться

я; эта женщина раздражала как нечто чужеродное.

- Мне хорошо, тепло. Их нет нигде?

- Нету. - Я сел на белый стульчик; ажурная мебель так и осталась под липой символом дачного уюта и беззаботности, длинных душных дней. - Звонил Самсону, он уже побывал в милиции. Там, конечно, глухо: приходите на днях. Для «дела» нужны трупы.

- Они убиты.

- Да что вы, как Пифия! - я и сам подозревал истину, но не мог унять раздражения. - Самсон сумел связаться с одним крупным чинов: в сводках происшествий за сутки ни среди убитых, ни среди раненых Виктории с сыном как будто нет.

- Как будто?

- Ну, согласно описанию. Он обзвонил больницы и морги... у Вики всегда при себе удостоверение Союза кинематографистов, понимаете?

Она кивнула и произнесла:

- Вам же сказано было про могилу.

- А вы, помнится, к чему-то приплели Иоанна Кронштадтского.

- Это слова последнего русского императора: «Не ищите мою могилу, ее очень трудно будет найти». Святой увидел его во сне. Оба были еще живы.

У меня мурашки по спине поползли.

- Вы рассказывали об этом Ване?

- Рассказывала, он был потрясен.
- Зачем забивать голову?..
- Мы должны знать. Чтобы спастись. - Она помолчала, глаза засверкали, странно преображая лицо. - Николай Васильевич, их надо найти.

- Если они убиты, то какая разница...

- Похоронить по-настоящему. И вы должны остановить его.

- Кого?

- Не знаю. Тайное зло - самое страшное.

- Почему именно я?

- Вы добрый и умный, не возражайте. Сегодня ночью я решилась открыть вам секрет. Позвала - вы приехали.

- Знаете, все эти болезненные экстазы...

- Я говорила сестре, - продолжала она, не слушая, - это несправедливо. Ванечка - ваш сын.

Я медленно переваривал «секрет». Никогда не мечтал о детях, но вот сейчас (в свои сорок два) вдруг возмутился: и впрямь несправедливо!

- Это точно?

- По ее словам - точно.

- А Самсон знал?

- Из-за него она и молчала.

- А, прочный творческий союз! - Я отчего-то разозлился... скорее всего - на самого себя. - А если вдруг узнал?

Больная сразу уловила подспудный смысл моего вопроса.

- Возможно, отомстил бы. Но не так. Не смертельно, он слабый.

- Сильный от силы, слабый от слабости такое могут сотворить! А эта творческая личность... Хотя нет! - осадил я себя. - Неверной жене отомстить - еще туда-сюда, но чтобы мальчику... нет, невозможно!

Танюша вновь пустилась в странности, проговорив отстраненно:

- Между ними стоял страх.

Я не смог поймать «опущенный долу» синий взор.

- В каком смысле? Объясните.

- Не могу. Я так ощущаю. А вы в этом разберетесь.

- Зачем мне? - невольно вырвалось; она прошептала:

- А Ванечка?

Опять всплыла «погребальная» фраза: «Не ищите мою могилу...» - опять холодок по коже...

- Он знал, кто его отец?

- Нет, конечно.

- Расскажите о нем.

- Ваня хотел стать музыкантом, жил музыкой.

- «Пинк фloyd»? - рассеянно уточнил я.

- Нет, настоящей, - «экстаз» прошел, Танюша отвечала вполне здраво. - Уже сам

немного сочинял и пел, у него абсолютный слух.

- Как у моей матери, она была певицей... А что там ваш знакомый говорил о «травке»?

- Это произошло на той неделе, в среду. Он к нам в ночлежку приехал в четверг такой взволнованный. Постепенно успокоился, рассказал. Они действительно курили марихуану с банкирской дочкой, и их застал отец.

- Банкир?

Она кивнула.

- Возник скандал, он объяснялся с Самсоном и запретил Лелечке встречаться с Ваней. А Самсон еще с утра был наэлектризован, по Ваниным словам, у них с Викой произошла ссора.

- Из-за чего?

- Неизвестно.

- Откуда взялась марихуана?

- Ваня не сказал.

- Надо с этой дочкой побеседовать.

- А вы знаете, где они живут?

- Самсон объяснил, просил держать с ним связь. если тут замешаны наркотики... понимаете?

- Нет, я Ване верю: он только раз попробовал и дал слово, что больше не будет.

- Как можно верить мальчишке... да еще в нынешнем резвом разврате?

- Грех коснулся его, но еще не овладел. Ваня одинок и горд в своем призвании, ему самолюбие не позволит опуститься.

- Что хорошего в чрезмерной гордости и самолюбии?

- Это по юности, от неуверенности в себе, пройдет. У него живая душа, отзывчивая.

Мы заговорили о сыне моем (да правда ль это, неужели у меня есть сын?) как о живом. Да почему бы нет, почему он должен умереть в свои шестнадцать? Какой дьявол так распорядился?

Танюша продолжала:

- Конечно, Ваня сильно увлекся этой девочкой, дело зашло далеко.

- Далеко? Он рассказал?

- Как раз по его умолчаниям я и догадалась, что поначалу взбесило банкира.

- То есть он застал их... Однако здесь завязался тугой узелок! - Я помолчал, раздумывая; наконец решил: - Таня, ваша сестра никогда не увлекалась черной магией?

Убогая не впала в припадок, лишь перекрестилась и ответила спокойно:

- Никогда.

- У них в прихожей мы с Самсоном нашли листок бумаги, на котором ее рукой написано: «Приди ко мне тот, кто под землей».

- Вика жила только здешним миром, «иной» для нее не существовал.

- Ну, от неверия до суеверия один шаг, как известно. А вы ее давно не видели.

- По словам Ванечки, она не переменялась.

- И тем е менее это очень похоже на заклинание, согласитесь. Над текстом рисунок: какое-то насекомое... или не насекомое... По первому впечатлению - жук, паук.

- Паук из-под земли?

Мы глядели друг на друга с нарастающим недоумением; мне самому-то казалось диким: да чтоб Виктория, с ее здравым смыслом, вызывала какого-то демона-паука!

Больная встрепенулась.

- В прихожей на полу, вы сказали? Листок обронили нечаянно.

- Да уж, у Вики такой порядок, все на своих местах... Правда, исчез ковер из спальни.

Танюша ахнула. И словно эхом прошелестели высокие травы, по ветвям прошло волнение - и на поляне возник Борис Вольнов. Вот уж кого не ожидал встретить в здешнем растревоженном улье! Оказалось: с больной условились, киноактер - секс-символ России за прошлый год - будет делать ей мануальный массаж.

- Это дело тонкое. Вы умеете?

- Ага. Еще студентом каждое лето ездил на шабашку. Одному там позвоночник зацепило, ну, помог вправить. А потом даже курсы

специальные кончил, восточной медицины. Раз Бог дал руки, надо их использовать.

Руки прекрасной формы, сильные и нежные, с эротической рыжеватой порослью. Да и весь Боря неотразим, с головы до ног... вон даже больная не устояла.

- Надеюсь, Виктория Павловна отыскалась?

- Нет.

На подвижном лице - промельк тревоги... точнее, разочарования. Понятно, что не ради бедной Танюши он сюда прискакал: заполучить роль любовника пушкинской Клеопатры - о чем еще может мечтать актер!

Оставив их заниматься делом, я отправился на поиски семейства банкира.

5

Дом - такой как у Самсона, двухэтажный, с гаражом, но - ухоженные цветники, подстриженные кусты, почти английский газон и даже маленький бассейн - почти американский. Здоровенный красавец ротвейлер - лай, рык, беснованье, - которого уняла хозяйка, изящная женщина в сарафане в цветочек, глаза беспокойные.

Я представился: давний знакомый Любавских. Николай Васильевич - Ирина Юрьевна.

- Они так и не появились?

- Нет.

- Ужасно! Вы слышали, тут в окрестностях действует банда? Грабят и убивают.

- В доме ничего подозрительного...

- Они душат удавкой!

- Виктория с сыном исчезли в Москве, до Молчановки не доехали. В моргах и больницах как будто нет о них сведений.

- Ужасно! Хотите позвонить?

- Поговорить с вашей дочерью, если не возражаете.

- Возражаю, - с любезной улыбкой, но твердо возразила мать. - Леля не имеет никакого отношения к этой истории.

- К какой истории?

- К их исчезновению.

- Они с Ваней дружили.

- Разружили. Мы запретили ей общение с этим юношей.

Из-за декоративных кустов раздался злой голосок:

- Да кто вы такие, чтоб мне запрещать!

Перед нами возникла мокрая, почти голая нимфа (в условном купальничке) - этакий забавный коричневый от загара зверек. Мать заплакала и скрылась в доме.

- Что это вы, мисс, так круто с родителями!

- Надоели. А вы чего тут вынюхиваете?

- Ты же слышала.

- Ладно. Пойдем покурим.

- «Травку»?

- Буду я на вас тратить.

Понятно, кто кого из детишек угощал марихуаной. Она увлекла меня за кустики на клетчатый плед у самой воды, голубой от облицовочной плитки; солнечно-голубые блики дрожали от легкого ветерка, отражаясь на смуглом личике; собака прилегла рядом, положив морду на ее колени. Закурили мои сигареты.

- Говорите тихо-тихо. Правда, они сейчас разорились, с ума сходят из-за «Фараона», - сообщила девочка, мило улыбнувшись.

- Чему радуешься? И твой комфорт под угрозой.

- Себе я заработаю.

Энергия неприрученного зверька бродила в ней через край; я предостерег:

- Это грязный путь и жестокий. До смерти.

- Не боюсь. Ваня умер - и никаких проблем.

Я воззрился изумленно.

- Умер? Что ты знаешь?

Она передернула плечами.

- А что еще могло случиться?

- Может, в аварию попал.

- Об этом же нет сведений, вы сказали.

- Ну... оказался нечаянным свидетелем убийства матери, испугался и где-то прячется.

- У Ваньки были свои загибы, но он не трус.

- Какие загибы?

- У него тетка ненормальная, сдвинутая на религии. И его слегка сдвинула.

- То есть?

- Тут грех, там грех. Старая дева, меня от них воротит.

- Значит, под влиянием тетки Ваня отказался от плотских утех?

Девчонка засмеялась.

- Ну и выраженьице... Прямо отказался! Разумеется, я победила.

- Но в среду у вас была последняя встреча? Или нет?

Она взглянула исподлобья.

- Последняя.

- Из-за скандала?.. Расскажи.

- Вам-то чего надо?

- Ваня позвонил мне позавчерашней ночью и сказал: «Не ищите мою могилу, ее очень трудно будет найти».

Девчонка отшатнулась, чуть не упав в воду (пес зарычал). Потом задумалась, сдвинув бровки.

- Вот и врите! - закричала с торжеством. - У них телефона нет!

- На даче нет, но он вечером уехал в Москву.

- Кто вам сказал?

- Его отец... то есть Самсон.

Загорелое личико слегка омрачилось.

- Эти отцы... ладно, пусть живут. Ну, в прошлую среду часов в десять мы курили у них в гараже.

- Чуть ли не в присутствии Самсона?

- Он еще днем порулил в Москву. И Вика уехала.

- И все равно: другого места не нашли!

- Глупо, конечно, да ведь туда никто не заглядывал.

- А рабочие?

- Они за билетами на самолет подались. Слышим стук во входную дверь, Ванька запаниковал и стал одеваться.

- Вы голые, что ль, курили?

- В этом самый смак. И нечаянно опрокинул ведро на железный ящик с цементом. Грохот. Явление моего папаши. Сцена. Явление его папаши. - Леся принялась хохотать. - Вы б их видели! Кретины. Пришлось дать нерушимую клятву, что дружбе нашей пришел конец.

- Нерушимую? Точно?

- Под салютом всех вождей! - девочка подняла руку в пионерском жесте, потом протянула ладонью вверх. - Дай, дяденька, еще сигаретку.

А пальчики дрожат... да она вся дрожит, в такую-то жару, под тридцать! Наркоманка?.. И вдруг мне передался ее страх, острый, потаенный. Она по привычке передернула

плечами, словно стяхивая назойливое насекомое, и засмеялась:

- Самсон совсем опупел, ведь папа собирался доллары ему отвалить на кино.

- А после инцидента раздумал?

- Они вроде помирились. Тот обещал сына в столицу сослать.

- Однако Ваня уехал только в субботу. Уж не за кассетой ли с «Пинк фloyd»? - выстрелил я наугад и, кажется, попал в точку, она отвернулась. - Мне известно, что для тебя.

- Ничего вам неизвестно!

- Он любит настоящую классику.

- Ну и что?

- А то, что вы тайком продолжали встречаться.

Она отрезала упрямо:

- Я его не видела с той среды!

- Ваня тебе не рассказывал про видение Иоанн Кронштадтского?

- Он с этой историей носился... она его просто взвинтила.

- А тебя?

- Выдумки.

- Будь по-твоему. Но эта фраза - «Не ищите мою могилу, ее очень трудно будет найти» - разве не служит доказательством, что именно Ваня мне звонил?

- Во сколько?

- В 3.15 утра.

Она обхватила плечи руками, явно стараясь унять дрожь.

- Он тоже явился вам во сне?

- Да, приснился. Но звонок был реальный.

- В три утра? Да вы все выдумали, чтоб меня подловить!

- Подловить?

- Разжалобить «могилой». С чего бы он вам стал перед смертью звонить? Кто вы для него такой?

- Это странно, девочка, но это правда.

- Ага, заливайте... видения, явления! Нормальный человек назвал бы имя: «Меня хочет убить неуловимый Джо!» Разве нет?

- По логике - да. Но их исчезновение слишком необычно. Я даже не могу понять, где произошло преступление: ни на квартире, ни на даче нет никаких следов борьбы.

- Значит, по дороге.

- Я должен был вчера привезти их в Молчановку.

- Значит, кто-то другой повез.

- Виктория позвонила бы мне, предупредила. Она человек обязательный, отнюдь не забывчивый. И их было двое!

- Ну и что?

- Мотив совершенно непонятен. Ограбление - у Любавских почти все наличные ушли на строительство дома. Сексуальное домогательство - маньяк не напал бы на двоих.

- От Самсона сбежали, он такой зануда.
- Куда, на какие шиши? Их документы дома... И ты не представляешь, как Виктория горела будущим фильмом, она им жила.
- Представляю. Жить - это длить кайф.
- Глупо, примитивно.
- А кино? Тот же наркотик. Что - нет?
- Обычно - да, к сожалению. Но ведь надеешься - а вдруг?..
- Вы тоже киношник?
- Кинооператор. Идея у Самсона как будто любопытная... а, да что теперь!
- Неужели он талант?
- Вообще-то средненький. Вот Виктория - да, она всегда фильм вывозила.
- А чего она не сменила его?
- Самсон не только сценарист, но и муж, - ответил я рассеянно, подумав: «Необходимо повидаться с Василевичем!»
- Да мужа еще легче турнуть, тем более такое страшилище. Вика - шикарная женщина, любого может сманить, правда?
- Правда, - согласился я, помянув в душе молодость.

Эта бесцеремонная девица походя, простодушно коснулась каких-то «болевых точек» в разворачивающейся - медленно, замедленной киносъемкой - картине... преступления? Да, они мертвы, пришла откуда-то окончательная уверенность, уколов сердце. Вот откуда: «Ваня мертв - и никаких проблем»,

- как уверенно произнесла она! Не простодушие, а бесчувствие, констатация факта. Что-то скрывает, и не я ее допрашиваю, а она меня.

6

Впереди по бетонным плитам шел старик с узелком, как-то странно крался, прижимаясь к живой, сомлевшей от жары изгороди из кустов и деревьев. Дышать нечем, а этот весь в черном, тяжелом, чуть ли не в пальто... Вдруг обернулся. Это же Никита Савельевич!

Раскланялись, он, конечно, засыпал меня вопросами, на которые ответов толком не было. Нет, не нашлись. Не знаю. Не представляю!.. «Ванечка», - повторил он раза три и всхлипнул. Вчера мне было не до бомжа, сейчас я пригляделся к нему внимательно, заинтересованный некоей двойственностью облика его, манер и речи. Шаркающие шаги, иссохшее тело, седины, сутулость, робкий взгляд слезящихся глаз... Меня внезапно осенило: не приметы возраста, а следы какого-то душевного надрыва. Он не старик.

- Никита Савельевич, извините за любопытство, сколько вам лет?

- Осенью пятьдесят стукнет. Я выгляжу постарше, правда? Все от одиночества, точнее, от недостижимости идеала.

- Какого идеала?

(Уж не Танюшу ли он имеет в виду?)

- Вам открою, Николай Васильевич. Танюша говорит, вам можно. Я должен жить и умереть праведником.

Эге! Крыша-то у нас далеко отъехала.

- Благородное стремление, - осторожно поддакнул я.

- Но для меня, ирода, почти недостижимое! - яростно, в духе «пророка» пророкотал Савельич.

- Отчего же?

- Безумно люблю деньги.

- Да зачем вам праведность-то?

- Как зачем? Ведь в ад попаду!

- Это вас Танюша настроила? - спросил я уже шепотом (мы выходили на лужайку, где на одеяле лежала она, и киноактер возвышался над ней на коленях). Савельич прошептал:

- Своим путем дошел, а она укрепила.

Да, дурдомчик... который тут же получил новое развитие: бомж развязал свой белый узелок, развернул на травке перед больной - буханка и пучок зеленого лука.

Борис весело поинтересовался:

- На паперти насобирали?

- Так она, кроме хлеба, не ест ничего. А вы здесь на земле делали массаж?

- Мануальную терапию. В кабинете Самсона Дмитриевича, на диване. Таня, я предупреждал: земля пока полностью не прогрелась.

- Пойду еще одеял принесу.

Она кивнула, не открывая глаз, Савельич резво удалился, я спросил:

- Борис, это ваш джип на улице стоит?

- А что, мешает?

- Да нет. Мощная машинка. Вы хорошо знаете Василевича?

- Ну, вместе учились, он на сценарном, на шабашки ездили. И хобби у нас общее.

- Какое же?

Киноактер засмеялся.

- Коллекционируем женщин. Пardon, Татьяна Павловна, шутка.

Положим, о победах Вольнова легенды слагаются. Из многолетней своей практики я вынес убеждение: врожденному лицедею вовсе необязательно (и даже вредно) быть магнатом ума, именно пустота может стать многоликой. Мое убеждение несколько поколебалось, когда Борис заметил серьезно, уловив умысел моих расспросов:

- Не знаю, что их связывало с Викторией Павловной, но Лев уехал из клуба рано, это я помню. А вот с кем она отбыла, не знаю.

- Со мной. Я отвез ее на Плющиху.

- Она там живет?

- Да. Сценарист женат?

- Сейчас находится в состоянии развода.

- А вас, кажется, можно поздравить?

Восхитительная девушка.

- Ведь правда? Я счастлив.

Борис улыбнулся нежно, даже застенчиво, а из кустов подкрался к нам старик. То есть бомж. Не старик и не бомж, а весьма загадочная личность в черном.

- Долго вы одеяло искали, - заметил я, он смутился. - Так и не нашли?

Бесцветные глазки хитренько блеснули.

- Я позволил себе... немножко увлечься, - с таким сладострастием говорят о тайном пороке.

- Коньячку хлебнули?

- Я не пью! Ну, вчера за святой праздник. Соскучился по компьютеру, не удержался, включил.

- Вы - компьютерщик?

- Профессионал.

- А сейчас чем занимаетесь?

- Спиртным торгую.

О Русская земля, каких сынов ты только не рождаешь!

- Вы там программу не стерли? Самсон на компьютере сценарий обрабатывает.

- Боже сохрани! Только не он последний на нем работал.

- Не понимаю.

- Как бы попроще?.. Прежде всего: компьютер был выключен некорректно.

- Как это?

- Кто-то варварски выдернул вилку из розетки, предварительно не выйдя из системы, так нельзя...

- Понятно. Дальше!

- Я заинтересовался, просмотрел записи о событиях в системе. Некто запустил программу «преферанс» 6 июня в 23 часа. И играл до 23.40, после чего грубо выдернул...

- Да, да! Может, Самсон устал от Пушкина и так заигрался в карты, что...

- Исключено! В «преферанс» играл Ваня.

Присутствующие шевельнулись, больная открыла глаза, я сказал с досадой:

- Ваня в десять уехал в Москву. Вы так доверяете технике...

- А вы профан! - отрезал кроткий Савельич, обидевшись. - Для специалиста очевидно, что программу «преферанс» запускал пользователь под логином «Иван». У отца свои координаты.

- Какие?

- Пароль «Клеопатра» - я по его намеку в воскресенье догадался. Так вот, игра была оборвана внезапно. Это самые последние данные, больше компьютер не включали.

После паузы киноактер, наморщив лоб, выразил мое мнение:

- Черте что!

- Никита Савельевич, - вмешался я. - вы полностью отвечаете за свои слова?

- Стопроцентно.

- Неужели так просто вычислить последнего пользователя?

- Нет, конечно. Но в данном случае... Ванюша говорил в четверг, что после скандала отец запретил ему играть на компьютере.

- Он хотел убраться от греха подальше в Москву.

- Ну да! И, получается, поставил на программу «преферанс» аудит.

- Запрет?

- Нет. Своего рода фиксация событий в системе, понимаете? Он хотел проследить, нарушит ли сын его запрещение. Вот и проследил.

- Потрясающе! - воскликнул Вольнов. - Значит, сын вернулся потихоньку поиграть, а отец, видимо, заснул...

Я перебил:

- Он спит в кабинете возле компьютера.

- Ну, прогуляться пошел.

- Самсон сказал, что допоздна работал над сценарием.

- Да может, перерыв сделал! Мальчик услышал его шаги и выдернул вилку из штепселя.

- Ага, Самсон рассердился, - подхватил я, - и убил его. Заодно и жену.

- Но если Ваня успел спрятаться... за шкаф, например. Потом улучил момент и сбежал на станцию.

Я задумался (за шкаф... или из окна сиганул?), так что вздрогнул, услышав голос Танюши:

- Николай Васильевич, добейтесь от Самсона: где действительно он провел ночь с шестого на седьмое июня.

7

Любавскийпил коньяк в кабинете, в сиреновом сумраке штор (жарко), что было мне на руку: сварливый нрав сценариста несколько размягчался «огненной водой».

- Ты безвылазно сидел на стройке из-за рабочих, да, Самсон?

- Ну, хозяйский глаз необходим, почти не выезжал.

- А в среду куда мотался?

Он задумался.

- А, ты общался с Лелей. Надо было в библиотеке покопаться. - Широким жестом обвел он богатые стеллажи, окружавшие нас мировой словесностью с трех сторон. - Потом в «Артистико» заехал, пообщался кое с кем...- Самсон вздохнул. - Дети, цветы нашей жизни, нынче даром время не теряют. Я думал, банкир меня убьет, честно. Темперамент бешеный, честь невинной дочери, юного подонка ликвидировать немедленно... гав-гав-гав! Похож на своего пса. Пришлось унизиться - и, самое смешное, зря.

- Почему ты сразу Ваню в Москву не отослал? На карту были поставлены доллары для «Египетских ночей».

- Я выговорил условие: до субботы сын нужен на строительстве. Но вообще, не очень-то он меня слушается, - проворчал Самсон. - Ну, в субботу мы вдвоем с матерью навалились. Ты ведь знаешь, - он, что называется, вперил в меня воспаленный взгляд, - Вика всегда умеет настоять на своем. Женщина-режиссер - это же волк на псарне... Впрочем, *de mortuis aut bene, aut nihil*.¹

- Ты их уже похоронил?

- Хороню. - Сценарист разлил по рюмкам «Арарат». - Выпьем, Коль.

- Я за рулем.

- А, по маленькой. Голова болит жутко.

Выпили, закурили.

- Значит, Ваня около десяти ушел на станцию, а ты допоздна сидел за компьютером.

- В принципе, не люблю технику, но удобно.

- И занятно, - подхватил я. - Столько всяких игр.

- Я еще в детство не впал.

- Скажи-ка, Ваня знал, куда ты по ночам мотаешься?

- О чем ты?

¹ О мертвых следует говорить или хорошо, или ничего (лат.)

- 6 июня последним за компьютером сидел не ты, а он. Играл в «преферанс».

Сценарист съехался в кресле, словно собравшийся в комок паучок, однако не запаниковал, спросил по делу:

- Время игры зафиксировано? Какое же?

- Может, я тебе и скажу, если ты поведаешь о с в о е м времени.

- Нет, ты скажи, какой это деятель залез в мой компьютер!

- Никита Савельевич.

- Кто это?.. А, божж! - Самсон растянулся в кресле, закатив глазки в потолок. - Ладно, сдаюсь: у меня есть женщина, у которой я провел ночь с шестого на седьмое.

- Ты-то, надеюсь, не станешь вопить о невинной чести? Кто она?

После паузы н признался с каким-то отчаянием:

- Кристина Каминская. Ты ее должен знать.

Кто из киносфер не знает эту пронырливую журналистку!

- Очень интересно! Во сколько вы с ней встретились?

- Поймать меня хочешь? - Все то же усталое отчаяние в голосе. - Да, она была с вами в клубе.

- Вот именно! Торчала до двух, до окончания шоу.

- Знаю. Я у нее был, у меня есть ключ от ее квартиры.

- Ты сможешь это доказать?

- Доказать? Ты подозреваешь меня в убийстве жены и сына?

- Почему бы нет?

- Вот это сказанул! - Самсон засмеялся нервно. - Почему бы нет... Потому! За что?

- Докопаюсь.

- Ишь ты, гробокопатель нашелся!

- Между вами стоял страх.

- Что-что? Это она говорила? Она тебе говорила? - Я держал паузу, как рыбак рыбку на крючке. - Все ложь! Какой страх? Никого и ничего она не боялась.

- Этот нюанс пока пропустим. Есть у тебя настоящее алиби?

- У меня есть, а у тебя нету! - огрызнулся он, побледнев.- Когда я поднялся к Кристине, на площадке плакал котик. Я позвонил в соседскую дверь, в которую он царапался.

- Во сколько?

-В одиннадцать.

- Надо же, по минутам рассчитал...

- Соседка, хозяйка котика, поинтересовалась, я ответил.

- Мало ли что ты мог ответить...

- Она сверила время по часам в прихожей! Во сколько же Ваня играл в «преферанс»?

- С 23 до 23.40.

- Нет, правда? - поразился Самсон, словно факт этот только что дошел до него. - Правда? Он был в Молчановке?

- В 23.40 Ваня - или кто-то другой - не выключил компьютер по правилам, а просто выдернул вилку из розетки.

- На радостях! - выпалил Самсон. - Девчонка пришла.

- Или убийца. Хотя... нет. Вика была еще в клубе, а Ваня звонил мне в четвертом часу.

- Да очевидно же, что преступление (если оно было) совершено тут. Сюда ты доставил Вику... ковер... наконец, записка эта жуткая!

Я задумался.

- В окрестностях Молчановки, кажется, орудует шайка грабителей.

- Откуда сведения? - прошептал Самсон.

- Позволь не раскрывать мне пока своих информаторов, - построил я из себя «детektива»... вдруг почувствовал, что «подозреваемый» на пределе от страха и добавил: - Они душат удавкой.

- Но оставляют трупы. - Самсон улыбнулся весьма странновато. - Оставляют трупы. Понимаешь? Оставляют...

- Остановись.

Я и сам чего-то испугался.

- Выпей. (Он послушно, как дитя малое, последовал моему совету.) - Будем рассуждать логически.

- Не выйдет! У него другая логика, не наша.

- У кого?

- У того, кто из-под земли.

(Черт! Как-то внезапно он напился.)

- «Логически!» - фыркнул сценарист; нет, не с коньяка он пьян - со страху; беспокойные бесцветные глазки вновь вознеслись «горе». - Не могу! У меня сын погиб, а не у тебя! - оскалился прямо-таки вампирской улыбочкой - и почудилось: он з н а е т, знает про меня и Ваню. Но час полной откровенности между нами еще не пробил.

- Удивляюсь, - продолжал Самсон, - просто удивляюсь, как спустя годы ты опять вошел в нашу семью.

- Меня Танюша попросила: отыскать сестру с племянником. Ты что-то имеешь против?

Он расслабленно пожал плечами.

- Давай-ка, Самсон, к делу. Опиши вечер той субботы, не упуская подробностей.

Злосчастный дом возводился почти три года, переживая периоды подъема и спада; менялись рабочие; шестого июня в семь часов Виктория наконец рассчиталась с последними (два молдаванина, сразу отбывшие в аэропорт с билетами на руках). Вслед за ними уехала в Москву и она - на электричке, машину зуршировал капризный сценарист.

Мать уговаривала сына (и Самсон, понятно, угрожал и подзуживал) отправиться вместе с нею. Однако тот уперся - «Дайте спокойно дослушать «Вечерню» Монтеверди!» - и ушел на станцию к московской электричке на 10.05.

- А потом и ты к своей подруге полетел?

Прозвучало грубо, я извинился. Он сказал:

- Я ее любил.

- Каминскую?

- Жену. Но с Викой трудно, сложно... -

Самсон усмехнулся. - Вот я и нашел мирок, «где оскорбленному есть чувству уголок».

- Чем же Вика тебя оскорбила?

- Цитата! - взвизнул он злобно. - Подходящая почти к любой семейной ситуации. Сам небось не святой...

- Вика изменяла тебе?

- Может быть, - он сбавил тон. - У нас давно сложились отношения свободные, в сексуальной сфере. Вульгарной ревности места не было.

- Творческий, значит, союз?

- Не только. Оставались совместно прожитые годы, взаимная симпатия, наконец, сын - разве это мало?

Чем глаже и проникновеннее вещал он, тем больше сомневался я в этой самой «взаимной симпатии». Заимствованные словечки, мертвые, а вот цитатка из «Горе от

ума» вырвалась нечаянно и живо, отражая «милльон терзаний».

- Во сколько ты уехал от Каминской?

- Рано утром.

- А точнее?

- Точнее... не помню. Она еще спала.

- А тебе не спалось?

- Да, нервничал. Ответственный день, как я полагал - встреча с продюсером.

- Ты сразу поехал в Молчановку?

- Сюда на Плющиху не заезжал, - отрезал Самсон. - Я был в Москве инкогнито. И ведь не догадался заглянуть в компьютер!

- Что бы это изменило?

Он ответил не сразу:

- Ну... раньше начал бы поиски. Естественно, меня бы заинтересовало, что там делал Ваня, якобы уехавший в десять в Москву.

- Твои предположения.

- Вероятно, у него было назначено свидание с этой отвратной девчонкой. Проследив мой отъезд, он отправляется в дом, ждет ее, играет в «преферанс». Она является в 23.40.

- А во сколько отходит последняя электричка?

- Кажется, около часа.

- Короткое свидание.

- Понимаешь, - Самсон вдруг вскрикнул, - он дал нам слово уехать - и никогда не нарушил бы! Это был его принцип...

- Да брось! Шестнадцать лет, любовная горячка, какие тут принципы... Впрочем, - перебил я сам себя, - мне он звонил из Москвы - это факт. Может, их опять банкир с места сорвал?

- Черт его знает!

- Когда и при каких обстоятельствах ты запретил Ване пользоваться компьютером?

- В прошлую среду.

- После скандала?

- Да.

- А до этого он имел свободный доступ?

Самсон ухмыльнулся и глотнул коньяку.

- Я вообще не подозревал, что он умеет обращаться с этой машинкой.

- Странно.

- Ну, я начал выговаривать (папаша с дочкой уже спинули): никчемный ты тип, ничего кроме своей музыки знать не хочешь и т.д. А он похвастался: я сам, мол, компьютер освоил! Наверняка мать помогла. Все подпольно, все тайком от меня...

- Вика умела?

- Не знаю, но теперь никому не верю! Я поднялся наверх и поставил на программу «преферанс» (оказалось, он по-тихому поигрывал) «аудит».

- Чего ты, собственно, боялся - что твои домашние ознакомятся со сценарием «Египетских ночей»?

- А, рассвирепел из-за девчонки. Просто хотел, чтоб он убрался из Молчановки.

- А из-за чего вы поссорились с Викторией утром в среду?

- Пойду освежусь, - неожиданно заявил Самсон и исчез.

Я понял, что коснулся некоего нерва этих сумасшедших событий... Если от своей подруги ранним утром субботы он отправился не в Молчановку, как утверждает, а сюда? Крутой разговор (в продолжение той ссоры?) с Викторией, которая провоцирует мужа на убийство. Появление мальчика, борьба, побеждает взрослый... Затем убийца замечает следы, переносит трупы в ковре в машину, увозит и закапывает... понятно, не в Молчановке... в каком-то укромном уголке Подмосковья.

А по-умному ему и надо бы переправить трупы на дачу и свалить убийство на профессиональную шайку грабителей... Господи, вообще не трогать! Взломать замок квартиры, имитировать ограбление. Самсону в уме не откажешь... Тут он явился, в махровом халате, с мокрой головой, длинные пряди прилипли к лысине. Вид мрачный и решительный, да я его не боюсь!

- Что она тебе наговорила про нас?

- Вика?

- А от кого еще ты мог узнать про ссору?

- От нее, - соврал я. - Рассказывай, сверю ваши «показания».

Ночной клуб «Артистико» - некий частный аналог Дома кино и расположен неподалеку, в переулке за Тверской; киношники курсируют туда-сюда, тем более что местный бар работает круглосуточно. Именно здесь во вторник утром мне посчастливилось встретиться с Каминской; на мой зов по телефону она примчалась мгновенно; конечно, «в курсе», глаза горят, платиновые волосы дыбом стоят, ноздри раздуваются от аромата сенсации; только помела не хватает. Да, да, вчера она виделась с Самсоном и он ей все рассказал.

- Что «все»? - поинтересовался я; у стойки американизированного бара я пил кофе; она - ледяную кока-колу; Москва была заморожена жарой.

- Что Виктория с сыном убиты.

- Убиты? Он сказал?

- Это мое предположение. Куда еще они могли деться?

- И кто же, по-вашему, убийца?

Кристина передернула плечами, пробренчав стекляшками разномастных бус на плоской груди, и отделалась газетным штампом:

- В столице каждый Божий день совершаются десятки преступлений.

- Да, из хулиганских побуждений, корыстных, сексуальных, наконец, по пьяному делу.

- Не годится! Бульварщина. В нашем деле - возьмете меня в подручные? не пожалеете! - в нашем деле мотив гораздо страшнее и оригинальнее, поверьте моей профессиональной интуиции.

- Вы работали в уголовной области?

- Только в художественной, так сказать. Но она всего стоит. - Журналистка улыбнулась тонкими сиреневыми губами. Чем она пленила сценариста? Ультрасовременным шиком, откровенно вульгарным, что даже как-то располагало к ней - дешевое вино, но крепкое, видно по этикетке. - В искусстве есть все.

- Тривиально, но любопытно, - я действительно начинал ей верить. - Главные действующие лица - люди искусства.

- Вот именно. Отсюда - повышенная эмоциональность, экзальтации, галлюцинации...

- Это вы про Самсона?

- Я рассуждаю теоретически - о почве, на которой могло быть совершено преступление. Вы же не станете отрицать, что Виктория привлекала мужчин творческого типа.

- Вы думаете, я настолько близко знал ее?

- Еще стакан кока-колы! - приказала журналистка бармену.- Думаю, что близко.

- Вам что-нибудь Самсон говорил?

- Я наблюдала за вами в ночном клубе.
- Зачем? Чтоб мужу донести?
- Мне не нравится этот глагол!
- Уверен, вы сказали ему, что Вика уехала со мной.

- Кажется, я не давала клятву хранить ваши тайны.

- Какие там тайны... просто подвез старую приятельницу. Но если, по вашему тонкому замечанию, почва для преступления была подготовлена - любое неосторожное слово могло ускорить катастрофу.

Кристина в великом возбуждении завертелась на высоком табурете; говорили мы почти шепотом.

- Вы знаете Василевича?

- Знаю. Жуткий ходок. Он сидел за столиком с Викторией.

- Я их заметил не сразу. Не помните, она с ним в клуб пришла?

- Пришла с ним, а ушла с вами. Он удалился где-то около одиннадцати. При чем здесь Василевич?

- Вы говорили о «почве искусства». Зачем режиссеру два сценариста?

- Может, Василевич был нужен ей как мужчина.

- Тем более он замешан... Расскажите о своих наблюдениях той ночью.

- Они явились около десяти... Любавская, ну, вы знаете, маленькая, немолодая,

неказистая, была в шикарном, цвета золота, платье, почти голая. В общем, подать себя она умела. Заняли столик, оживленно переговариваясь... можно сказать, шушукались, склонившись друг к другу. И покуда он заказывал кельнеру бокал шампанского...

- Для себя?

- Для нее. Он, по-моему, в тот вечер не пил. Она вдруг, не улыбнувшись, махнула рукой, точнее, пошевелила пальцами - и возникли вы.

- Кристина, вы дьявольски наблюдательны.

- Говорю же - профессионал. Тут окончилась пляска чертей, и к вашему столику подвалил один из Мефистофелей в маске.

- Борис Вольнов.

- Да? На минутку. Вскоре сценарист встал, Виктория тоже. Я решила, что они уходят вместе, но она вернулась к вам.

- Все так и было. Василевич познакомил Вику с актером как с претендентом на главную роль в «Египетских ночах». Чем она осталась недовольна... узнаю ее самостоятельность и хватку. Борис отошел, мы втроем бегло обсудили его достоинства...

- Правда великолепный актер, - вставила Кристина.- Несправедливо, что не ему присудили приз за «Страстотерпцев» - так я и написала в своем обзоре.

- Что ж, в киношной тусовке, да как и в любой другой, все заранее распределено.

- Приз должен был достаться Вольнову, все знали, - донесла журналистка в упоении. - Но он разругался с председателем жюри, случайно получилось. Это настоящая мафия...

- Да, да, согласен. Вернемся к «нашим баранам». Василевич собрался уходить, сославшись на какие-то дела. Вика сидела в глубоком раздумье, вдруг встала вместе с ним. «Сейчас приду», - и вернулась через минуту. «Пригласила протеже Василевича завтра на дачу. Надо к нему присмотреться». И меня пригласила, по делу. Она придавала такое значение этой встрече с продюсером, что...

- Что только смерть помешала бы ей явиться, - округлила журналистка мой словесный период афоризмом из боевика. - Итак, возле героини крутилось пятеро претендентов. Настоящий убойный детектив!

- Пятеро?

- Вы, Василевич, Вольнов. Мужа исключаете?

- Наоборот! Кто пятый?

- Думаете, продюсер прекрасному Самсону полтора миллиона отвалил бы? Нет, уж скорей его роковой Далиле.

- Поворот перспективный, - задумчиво согласился я. - Еще кофе и кока-колы, Жорж! - бармен, давний знакомый, перешедший сюда из Дома кино, подмигнул и усмехнулся

одновременно, перекосивши физиономию. - Но наш Самсон под колоннами устоял, а вот бедная Далила...

- И сына за собой увлекла, - констатировала Каминская хладнокровно. - Инфернальная женщина.

- Ну, не надо демонизировать...

- Надо, Николай Васильевич! Только в таком, адском отблеске, вы что-то увидите и поймете.

Она зловеще ощерилась сиреневым, как у покойницы, ртом. И эта туда же! Обе женщины - Танюша и Кристина - ощущали ход событий в мистическом уклоне, но с противоположных точек зрения. Я решительно отбросил пресловутую, с истерическим привкусом, «женскую интуицию».

- Что ж такого Самсон вам про жену наговорил?

- Не в этом дело. Я сужу о человеке по его творчеству - вот главный критерий. Бешеные страсти, эротика и кровь.

- Ну уж нет! Никакой «чернухи» и «порнухи» - у Виктории в высшей степени развито чувство меры и гармонии.

- Опасное сочетание: ледяной разум и подпольный огонь. Вы ее любили? Сознайтесь.

- Это было слишком давно и уже не имеет значения, - отмахнулся я рассеянно, тут же

поймав себя на мысли: «А Ванечка? Ужасен мир, где все связано, повязано тугой удавкой на горле...» - Поговорим лучше о романе «первой свежести». Извините за нескромность - когда вы сошлись с Самсоном?

Прежде чем ответить, она задержалась взглядом на верзиле Жорже; тот отвернулся.

- Не извиняйтесь, я сама предложила вам сотрудничество. Это произошло в прошлую среду.

В тот день, когда Любавские поссорились. Горячо!

Кристина продолжала:

- Знакомы - издали, так сказать - мы были давно. Когда-то я даже брала у него интервью. «Горячее лето» помните? И вот в среду случайно столкнулись здесь - вот за этой стойкой.

Ага, понятны «ужимки и прыжки» многоопытного сердцеведа Жоржа.

- Самсон пил?

- Ну... выпил. Он был нервный и страстный. Мы поехали ко мне.

- Вот это быстрота и натиск! Прошу прощения.

- А если это любовь? - вновь бледно-сиреневая улыбочка (или усмешка?). - Люди, умудренные испытаниями, потерпевшие крах в жизни, имеют право на свои маленькие радости. Таково мое кредо...

- Понятно. Самсон сказал, что потерпел крах?

- Я говорю о себе. Сейчас я живу в состоянии развода.

Где-то я уже слышал эту дурацкую фразу... Ах да, Василевич - в том же состоянии. И я когда-то был, давно. Все есть, были или будут, везде у нас разлад, распад, развод.

- Вы дали Самсону ключ от своей квартиры?

- Ну и что? В субботу кончались его обязанности надсмотрщика над строителями, и мы договорились, что он приедет ко мне на всю ночь.

- Долго же ему пришлось ждать.

- Я рассчитывала вырваться пораньше, но программа была довольно забавная.

Еще бы: слезка за женой любовника!

- Вернулась где-то в третьем, изнемогая от усталости. Не помню, как заснула.

- Но Вику и меня успели заложить.

- Вы ж говорите, и закладывать нечего: старые приятели...

- Как на ваше сообщение прореагировал Самсон?

- Да никак... промолчал... впрочем, мне было не до психологических наблюдений, рухнула в постель как мертвая.

Журналистка врала, особо не утруждая себя и притворством: уже откровенная усмешка кривила губы, поблескивала в глазах.

- Поднапрягитесь, пожалуйста, вспомните.
- Может быть... потом, когда пройдет стресс.

- Стресс?

- Естественно, меня потрясло их исчезновение, особенно ребенка.

- И вы не слышали, как утром ушел Самсон?

- Что-то такое смутное, сквозь сон... шаги, голос.

- Голос? Он звонил по телефону?

- Ничего определенного не могу сказать.

- Во сколько примерно он вас покинул?

- Коля, - прошептала она интимно, я аж вздрогнул, - если мне хоть что-то удастся вспомнить, я с вами немедленно войду в контакт. А вы - держите меня в курсе! - и унеслась на невидимом «энергетическом» помеле в поисках новых радужных пузырей сиюминутной сенсации.

9

- Жорж, будь добр, холодного пивка.

-Айн момент, босс!

В этот ранний для возлияний час клиентов почти не наблюдалось; бармен - с красной рожей, но во фраке - оперся о стойку напротив меня.

-Чего рыщешь, Ник?

- Преступника ищу.

- В нашем баре?

Посмеялись.

- Знаешь эту журналистку?

- Тыщу лет.

- В прошлую среду она была тут со сценаристом Любавским.

Он подумал.

- Тощий, бледный, безобразный.

- Точно. О чем они говорили?

- Ты равнодушен к этой бабенке?

- Она тебе не нравится?

- Дело вкуса. - Двухметровый столб этот по роду профессии дипломат, а попутно - вышибала. - На того карлика накатила депрессия, и нет близкой, понимаешь, души. Ну, нормальный охмуряж.

- А еще что?

- А в чем дело, Ник?

Разъяснить «дело» я поостерегся; ни в каких таких делах осторожный Жорж участвовать не станет.

- Романтическая история... Надо сценариста слегка прищемить.

- Я ничего не слышал.

- Само собой.

- Пили коньяк, он принял прилично... и она прилично.

- Во сколько?

- Днем, народу не было. Вообще я не прислушивался. Говорили вроде о кино... про Элизабет Тейлор.

- Про «Клеопатру»?

- Ага. Маленький был ею недоволен. Своими руками, говорит, задушил бы. А чего, нормальный фильм... О, гляди! Секс-натура плавает.

Я оглянулся: Рита Райт, покачивая бедрами, приближалась к нам. Царица египетская.

- Невеста Вольнова. - машинально шепнула я.

- Да? - удивился Жорж. - Не слышал.

Я продекламировал, глядя в черные очи:

- «Что есть красота и почему ее обожествляют люди? Сосуд она, в котором пустота, или огонь, мерцающий в сосуде?»

Красавица оценила изысканный комплимент, подплыла к стойке и причалила к табурету рядом со мной. Поздоровались.

- Жорж, томатный сок, пожалуйста. Николай Васильевич, вы - последний романтик...

- Не последний, этого добра в России навалом.

- О Любавских так и нет известий?

- Как сквозь землю провалились.

- Господи, вот ужас-то! - прозвучало так искренне, сострадательно. Актриса. - Вы здесь Борю не видели?

- Нет. Вчера он занимался мануальной терапией с Танюшей.

- Знаю. Молодец. Я не выношу физического уродства. А вы?

«Я тоже», - ответить бы честно, но отчего-то стало обидно за убогую, и я отозвался правоучительно:

- Нравственное - страшнее.

- Так принято говорить, но... Я лично собираюсь жить до сорока, дальше - неинтересно.

- И сколько вам уже набежало?

- Двадцать пять.

- Стало быть, через пятнадцать лет руки на себя наложите?

- Положусь на случай.

- Кстати о смертоносных случаях. Сегодня один человек сказал, что возле Любавской вертелось пятеро мужчин.

- Одновременно?.. Вот это размах! Впрочем, она была интересной, загадочной женщиной. И по-вашему, кто-то из них убил ее с сыном?

- Кажется неправдоподобным, да?

- Ну... страсть непредсказуема, не знает удержу. Кто они?

- Во-первых, муж.

- Да, говорят это правило такое: первым подозревать мужа. У него безобразное, злое лицо.

- Далее: сценарист Василевич, продюсер, я...

Она перебила изумленно:

- Вы сами себя причисляете...

- Объективности ради. У меня не было причин, но, возможно, я последний, кто видел ее в живых. Кроме убийцы, разумеется.

- А кто пятый?

- Ваш жених.

- Вы шутите! До той субботы Боря не был с ней знаком.

- Опять-таки ради объективности. Он один из тех, с кем она общалась перед исчезновением: со мной, Василевичем и Вольновым.

- А когда исчезла?

- В половине третьего я подвез ее домой на Плющиху. У Бориса есть алиби?

- Нет, - выдохнула она как зачарованная. - Он обиделся, ушел, напился, пришел...

- В клуб?

- Ну, мы еще отмечали... Вы знаете, премии достались Гофману и мне. Как водится, был банкет. Примерно в пять утра явился Боря.

- Где он пил?

- На Тверском бульваре с каким-то бродягой.

- Да, это не алиби.

- Нет, вы серьезно? - Рита очнулась от «зачарованности» и рассмеялась волнуящим смехом, прижав руку к сердцу - ее собственный, очень выразительный жест. - Он

так загорелся играть в «Египетских ночах», что режиссера прикончил?

- С мотивом у меня туго, - признался я.

- Вы же не сыщик, а кинооператор. Но вообще интересно... Почему вы взялись за это дело?

- Меня сестра Викина попросила, - в который раз уже сослался я на Танюшу, прикрывая собственный мой жгучий азарт, возрастающий час от часу в «сопротивлении материала» - действующих лиц, ведущих свои игры. - Хотите мне помочь?

- Конечно. Но что я могу... Лучше Борю попросите, я глупенькая.

Это было умилительно: какие-то детские комплексы в «секс-натуре» - и подтверждало мою догадку о пустоте лицедейской души. «Сосуд она, в котором пустота»? И мне вдруг страстно захотелось, в продолжении поэтического стиля, возжечь «мерцающий огонь».

- Общайтесь с умными людьми, - я улыбнулся с ласковой иронией. - Со мною, например.

- С удовольствием.

- И телефон дадите?

- А почему бы нет? (Она продиктовала телефон, я записал в книжку.) Жорж, еще соку!

- А может, чего покрепче?

- Мне нельзя... ни пить, ни есть. Надо держать форму. Так чем я могу помочь?

- Расскажите о своих отношениях с женихом. Давно вы с ним знакомы?

Она взглянула с каким-то проницательным удовлетворением. «Ума, может, и немного, но женское чутье в наличие, - подумалось. - Уж не из внезапной ревности, вправду, я ее расспрашиваю?»

- Познакомились несколько месяцев назад, на съемках «Страстотерпцев». Отношения самые близкие. Седьмого июня утром он мне сделал предложение.

- Пьяный?

Тут заметил я, что Жорж скорчил зверскую рожу, и обернулся. Великолепный Вольнов - лихой и мужественный в затрапезной тельняшке и джинсах. Белогвардейца бы ему играть... впрочем, он играл.

- Скьюз ми, дарлинг, В Молчановку ездил пораньше отделаться. - Перевел взгляд на меня. - Я был не «в хлам», но в градусе. Вот и погорячился.

Рита поинтересовалась лукаво:

- То есть ты берешь свое предложение назад?

- Никогда. Я твой раб. Жорж, апельсинового соку!.. Как следствие, Николай Васильевич?

- Безнадежно пытаюсь найти мертвых.

Жорж вылушил глаза, застыв с жестянкой в могучих лапах. Гнетущая фраза повисла в воздухе.

- Если мы очень постараемся, - заметил Борис серьезно, - то найдем бродягу с бульвара, с которым я надрался в ту ночь.

- Думаю, в этом нет необходимости.

- Вообще-то я не злоупотребляю, но обиделся.

- Что «Мефисто» не дали?

- Да ну, этих премий у меня... Поражает человеческая мелочность и мстительность. Этот хам, председатель жюри, облил виски одну даму. Я потребовал извинений.

- Ну, не то что бы хам, - вставил Жорж примирительно, - а мой хозяин. Нечаянно задел ту самую журналистку, - и подмигнул мне многозначительно.

- Борис, а разве вы не знали, что он председатель жюри?

- Кабы знал, - киноактер рассмеялся, - может, и придержал бы язык!

- Во сколько произошел эпизод?

- Черт его знает... А, я был еще в костюме Мефистофеля, значит, сразу после второй пляски, около часа. Да ерунда все это! Минутное раздражение, к утру прошло.

- И вы вернулись в клуб?

- Да я тут машину оставил.

- А кто после вел?

- Я вела.

- Гретхен - мой путеводитель. - Вольнов мельком нежно улыбнулся ей. - Понятно, Николай Васильевич, что вы хотите восстановить все подробности происшедшего, но я не сексуальный маньяк и с Викторией Павловной только что познакомился.

- А что она вам тогда сказала?

- Да ничего. Это ж при вас было.

- Нет, потом.

- Вы на что намекаете? Больше я ее не видел и с ней не разговаривал!

- Ну как же! - удивился я. - Она поднялась с уходящим Василевичем, вскоре вернулась и сказала, что пригласила вас на дачу в воскресенье.

Борис глядел в полном недоумении.

- Но я же не мог забыть про такое!

- Очень странно. Вы действительно приехали в Молчановку в воскресенье.

- Тактический ход. Утром от Риты я позвонил Ваське...

- Какому Ваське?

- Да Василевичу! Прозвище, еще студенческое... Ну, спросил про Любавскую: чего, мол, знакомил, роль есть? И услышал про «Египетские ночи». Шанс уникальный. Что делать? Он говорит: советую поспешить, у нее уже есть один претендент. Я решился на наглость, а он объяснил, как проехать.

- Но почему Вика мне солгала? Кто этот претендент?

-Васька не выдал.

- Все замыкается на этом сценаристе! А я никак не могу его поймать.

- Лови! - и сверхосторожному Жоржу как будто передалась моя дрожь азарта; он достал из-под стойки телефон.

Длинные гудки. Зато с первой попытки удалось поймать обанкротившегося банкира и договориться о встрече в Молчановке.

10

В особняке-двойнике обстановка, естественно, на должном новобанкирском уровне, и ворс ковров, как писали в романах про высший свет, заглушает шаги. Илья Григорьевич, здоровяк с выпяченными губами и глазами навывкате, вел беседу с солидной обстоятельностью, восседая в кожаном кресле рядом с сейфом. Я - через массивный письменный стол напротив - чувствовал себя мелким клерком перед боссом.

- Я человек занятой и принял вас только потому, что имею сочувствие.

- Спасибо.

- Но не мыслю, чем могу поспособствовать.

- Видите ли, необходимо восстановить подоплеку происшедшего во всех подробностях. Случается, и незначительная на

первый взгляд деталь сможет озарить «момент истины», как выражаются разведчики.

- Понимаю. Я не контактировал ни с кем из Любавских в субботу и в воскресенье - до семи вечера, когда вы меня видели.

- А когда вы их видели в последний раз?

- В среду. Полагаю, вам известно про гнусную сцену в гараже.

- Кто достал марихуану, знаете?

- Ну не Леля же! Более кроткого и послушного ребенка я не знаю.

Он что, серьезно? Я уставился в невозмутимые рачьи глаза и осознал, с каким сильным противником имею дело. Именно «противником» - такое возникло ощущение. И по причудливой ассоциации заинтересовался:

- Илья Григорьевич, у вас есть оружие?

- Пистолет Макарова, зарегистрированный где надо. У меня вредная работа. Вы имеете право на иронию: отработался, мол... Хотите пари: я еще поднимусь!

- Я и так верю.

Банкир совсем не производил впечатления человека раздавленного, а предложение насчет пари выдало вдруг натуру азартную и страстную.

- Верю. Когда вы познакомились с Любавскими?

- В апреле. Поехал осмотреть дачу к сезону и на въезде в Молчановку помог

женщине справиться с зажиганием. У них такая таратайка, что...

- Виктории? - перебил я.

- Именно. Знакомство продолжилось семьями. Ее искренне жаль.

- А Ваню?

- Он пытался изнасиловать мою дочь. Не подоспей я вовремя, случилось бы непоправимое.

- Это вам Леля сказала?

- Призналась. У нее был шок.

М-да, и разоблачать бойкую лунью перед таким папашей с пистолетом рискованно.

Он продолжал:

- Викторию Павловну, несмотря ни на что, я ценил за силу и крепость характера. Она была мне ровней.

- Вы ею увлеклись?

- Не имею такой привычки - увлекаться чужими женами.

- Но вы согласились дать немалые деньги на «Египетские ночи».

- Этим она меня увлекла - не развратом, а творчеством. Тут большая разница, если вы понимаете. - Банкир взял со стола белоснежный носовой платок, вытер лоб и мясистый, очень красный рот. - Я Пушкина не читал.

- Серьезно?

- Ну, в школе что-то там...- Банкир подумал. - «Я вас люблю, хоть я бешусь!» Так?

- «Хоть это труд и стыд напрасный», - машинально подхватил я. - Это не из школьной программы.

- Не помню, но красиво. Про Клеопатру не читал. Виктория Павловна разъяснила и предложила сотрудничество.

- И вы, деловой человек, согласились на такую авантюру?

- Сначала навел справки: их фильмы, как правило, окупались.

- Но в нынешней ситуации...

- А двухсотлетний юбилей? А эффектный замысел? А слава? Заграница бы купила.

- Пожалуй. И после скандала в среду не передумали?

- Эмоции эмоциями, а дела делами.

«А тщеславие тщеславию», - продолжил я мысленно.

- Я слышал, вы были в бешенстве.

- Николай Васильевич, у вас есть дети?

- Кажется... точно не знаю, - ляпнул я, не подумав.

- Вот что терпеть не могу в этой вашей богеме - бесконечный, бестолковый крутеж! Как по обязанности! Вот что ведет к катастрофе. Я, например, про своих детей все знаю, так как у меня и есть одно законное дитя.

Мы свирепо смотрели друг на друга. Ну не объяснять же ему про Ваню! Время пришло.

Насладившись меткой стрелой, банкир продолжал:

- Хотел, хотел я это дело похерить, но Виктория Павловна меня уговорила. Любавские дали слово проследить за сыночком.

- Так вы с ней после среды виделись?

- Общались по телефону, ну а потом мне было уже не до Клеопатры. Свое кино завертелось.

- Что вы делали в субботу?

- Работал в банке. Допоздна.

- Ночевали в Москве?

- Здесь. Нужно было кой-какие документы из личного сейфа забрать.

- Во сколько вы приехали в Молчановку?

- В районе двенадцати.

- До или после?

- После. Минуты не засекал.

- Мне известно, что в 23.40, - я сделал паузу, Илья Григорьевич схватился за платок, - кто-то побывал в кабинете Самсона.

- Кто?

- Там был Ваня.

- Ну и?..

- Его кто-то спугнул.

- В каком смысле спугнул?

Я молчал, мстя за «детей», чувствуя, как возрастает напряжение между нами. Илья Григорьевич не выдержал:

- «Спугнул» - в смысле задушил?

- Что-что?

- У нас тут промышляет банда.

- Они оставляют трупы.

Мы говорили почти разом, почти себя не контролируя.

- Вы знали, что Виктория собиралась в клуб «Артистико»?

- Я должен был пойти с нею, я - один из учредителей «Мефисто». - Банкир вытер губы, заговорил размеренно: - Но вам известны мои трагические обстоятельства. Угроза банкротства - это трагедия. С искусством покончено. И по телефону я известил Виктория Павловну, что не смогу сопровождать ее.

- Вы ей сообщили о банкротстве?

- Нет, еще лелеял иллюзии.

- Понятно. - Я вернулся к предыдущей, явно нервной теме: - Кто может подтвердить, во сколько вы приехали на дачу в ночь с субботы на воскресенье?

- Жена. Леля уже спала.

- Вы уверены?

- Абсолютно, потому что мы заглянули в ее комнату.

- Зачем?

- Попрощаться на ночь. Так принято, знаете, у любящих родителей.

- Да что вы говорите!.. - Я опять рассвирепел и нагло пошел напролом: - У детей в тот вечер было свидание. Потому Ваня и не уехал в Москву, как требовали Любавские.

- А где шляется его отец?

- Какой отец?

- У него их несколько?

- Самсон отъезжал... по своим личным делам.

- Черт же меня дернул связаться с такими охальниками!.. Ириша! - рявкнул глава семейства в открытое окно. - Пошли ко мне Лелю!

Нимфочка явилась тотчас с баннным полотенцем в руках, мокрая, в том же условном купальничке, точно вода и впрямь была ее природной стихией.

- Прикройся! - рявкнул законный отец на той же ноте; она завернулась в полотенце. - Вот человек утверждает, будто у тебя было свидание с тем порочным мальчишкой в субботу.

Девочка выдала с прелестным простодушием:

- Папа, я же дала тебе слово!

- Что скажете? - тяжелый отцовский взгляд нацелился мне в лицо.

«Не уступай! - приказал я сам себе. - Ваня только из-за нее бы остался!» - и произнес небрежно:

- Их видели вдвоем.

- Противный карлик! - выпалила девчонка; слишком молода она была для столь изощренных игр, я правильно рассчитал.

Отец сориентировался в момент.

- Николай Васильевич, милости просим к нам в другой день.

- Но я...

- Нет, сначала я сам разберусь!

Эта перспектива напугала, должно быть, школьницу больше, чем допрос «сыщика» - она защебетала:

- Да папочка же! Я все объясню. Не было никакого свидания, что ты! Просто я вывела на прогулку Сатрапа и случайно встретила Ваньку, он перся на станцию. Да, он меня начал уговаривать, но я домой ушла. Мама подтвердит.

- Твоя мама? Не сомневаюсь, - процедил банкир, он словно закоченел. - Кто такой карлик?

- Самсон. Мимо на машине промчался. Ведь он вам донес? - девочка с беспокойством взглянула на меня.

- Нет, Леля. Он и не подозревал, что Ваня вернулся поиграть на компьютере в ожидании тебя. Ты явилась в 23.40?

Банкир не сводил с дочери налитых кровью глаз. Вдруг очнулся.

- Кто ваш свидетель?

Я повторил криминальный штамп:

- Пока не могу раскрывать своих информаторов.

- Надеюсь, вы не думаете, что моя дочь убила этого... - Илья Григорьевич сделал над собой усилие, - этого юношу?

- Он после уехал в Москву.

- Кто?

- Ваня.

Хозяин истерически хохотнул.

- На сегодня достаточно... этих уловок, подвохов и лжи! - и величественно поднялся; белый лоскут в его руках не выглядел знаком капитуляции.

Пришлось откланяться, я ничего не понимал, но чувствовал... то же самое - уловки, подвохи и ложь. В этом респектабельном доме бродил страх, возможно, обусловленный позором банкротства.

За дверью задержался. Голоса: «Я лишаю тебя своего доверия навсегда!» - «Папочка!» - «Вон, потаскушка!» - «Смотри, пожалеешь!» Коричневый зверек пронесся мимо меня вниз по лестнице; в саду стояла мать, ломая в волнении пальцы; увидев меня, бросилась в дом; ротвейлер зарычал; меня, в свою очередь, ветром сдуло за калитку. А когда я уже проходил по улице, то услышал тихий зов из-за ограды: «Эй, сыщик!» - Леля притаилась в подстриженных кустах, я приник к железным прутьям.

- Все так и было, - зашептала жарко. - Ваня сидел перед компьютером. Было ужасно страшно.

- Почему?

- Он сидел неподвижно. Вдруг стало темно.

«Он сидел неподвижно»! Эта фраза заледенила меня. Слегка светлеющее окно в ночи... Я мысленно представил кабинет - кресло, шкаф, письменный стол... Ваня сидел спиной к двери и из сада был виден в профиль. Внезапно гаснет экран, однако не он выключил компьютер, «он сидел неподвижно». Но кто? Кто грубо, в спешке выдернул вилку из розетки? Зачем?.. Девчонка выдумывает или ошибается! А если нет? 23.40. Самсон уже у Каминской (в одиннадцать его якобы видела хозяйка котика). Мы с Вольновым и Василевичем в клубе... А ведь сценарист ушел после первой пляски чертей, то есть в одиннадцатом. Уверен, у него есть машина (и алиби есть - если виновен!). Раз. Два - Илья Григорьевич. Ну, стала бы дочь клепать на отца... Да может, она и вправду толком не рассмотрела... только момент - просверк света и тьмы. Значит, банкир и Василевич. И Савельич (у меня вырвался нервный смешок) - он будто бы ждал делового звонка у себя дома.

Успокойся. С компьютером ложная тревога. Виктория, живая и пленительная, сидела в это время рядом со мной за столиком в клубе, а Ванечка позвонил мне в 3.15. Все так. Но это вдруг погасшее окно... он сидел неподвижно. Жутью несет.

Прояснив эпизод с компьютером, я разгадаю и другие загадки. Их слишком много, подумалось в припадке уныния; спрессованные в ночи, они окружают плотной черной стеной... Э нет, в ней должны быть дыры! И из всей круговерти нынешнего дня всплыло претенциозное высказывание вездесущей журналистки: функционируют «творцы», преступление на «почве искусства». «Египетские ночи», тайна пленительной Клеопатры... Кого я только что назвал про себя - нечаянно вырвалось! - «пленительной»? Не Риту - прообраз знойного обольщения. Не нимфочку (не вправе повторить Набокова: «нимфетка» выросла, можно сказать, постарела в свои шестнадцать). Не изящную, женственно испуганную (то есть с собственной загадкой) жену банкира. Не Кристину (и имечко претенциозное) с ее ненасытной установкой на сенсацию. (Однако как много тут замешано женщин... вон еще убогая Татьяна.) На роль «Клеопатры» психологически могла претендовать только Виктория, по которой сходил я с ума лет эдак семнадцать назад. Цифра точная - 17, подтверждение ее точности - Ванечка, мой сын.

И самое таинственное (с мистическим оттенком) - его зов ко мне: «Не ищите мою могилу...» Тут я опомнился, осознав себя в реальности обезображенного домами-мухоморами леса, оглянувшись - некто,

просверкнув в вечеряющем воздухе, свернул за угол предыдущего «проспекта». Проделки «подсознания» не вычислишь - я ринулся за ним, «аки лев». Тоже свернул, он оглянулся - давно чаемый Василевич, «упакованный» в серебристый спортивный костюм, нечто «авангардное», из космических триллеров, облик «пришельца» колоритно оттеняется рыжими волосами и усами. Он подошел, скупо улыбаясь.

- Вы как тут, Лев...- взглянул с вопросительной любезностью.

- Эдуардович. Но милее без отчества.

Хм, милее. В подростковом американском стиле («отличные ребята - плохие парни»), все похотливо жаждут быть молодыми хоть в девяносто. Впрочем, Василевичу где-то за тридцать.

- Встретил в «Артистико» Борю Вольнова, он сообщил, что вы меня срочно разыскиваете.

- В Молчановке? - словно бы простодушно удивился я; быть мудрым, как змея - отныне мой девиз.

- Он сказал, что вы к Любавским отбыли, но так бестолково объяснил дорогу, что вот хожу, ищу...

- Дорогу вы ему сами в воскресенье объяснили.

- Я только теоретически знал, от Виктории Павловны.

- А машину где оставили? Вы ведь на машине?

- Да вон она, я уж собирался восвояси.

- Рядом с моей, почти у их дома.

- Надо же, какое совпадение.

Сценарист поддерживал пустой диалог отстраненно, едва цедя слова (и впрямь гундося в нос), будто бы не пустился в незнакомую даль на мои поиски, не рыскал тут по сельской местности.

- Вы всегда так поспешно-учтиво откликаетесь на приглашения?

- Никогда. Но то, что Боб рассказал... невероятно!

Боб и Вася - охотники за женскими скальпами.

- И не говорите! - подхватил я словоохотливо. - Столько невероятного, что я теряюсь. представьте, в воскресенье вечером с супругом Викторией обыскиваем их квартиру: и в самый кульминационный момент - телефонный звонок.

- И...что?

- А ничего. Некто швыряет трубку.

- Самсон Дмитриевич меня узнал?

- Разумеется. перезвонил вам, проверил. У вас весьма своеобразный носовой выговор.

- А что за кульминационный момент?

- Обнаружили пропажу ковра.

- Ковра? Очень ценный?

- Дешевка. Но в его можно завернуть трупы.

Василевич быстро, исподлобья взглянул на меня, такой хищный интеллектуал, заматеревший уже в рыночной толкучке.

- Они действительно убиты?

- Мертвые пока не найдены.

- Изощренное преступление.

По приглашению сценариста мы уединились в его «шестерке» - попримичнее, чем у нас с Самсоном, поновее.

- Какой на вас костюмчик своеобразный.

- Что?.. А! Клубный, мы с Бобом занимаемся восточной борьбой.

- Теперь моя очередь задавать вопросы. Согласны?

- Я готов.

- Прекрасно. Какие отношения связывали вас с Любавской?

- Ничего меня не связывало. Я любил ее фильмы - не гениальные, но эффектные, нервные. В том смысле, что некий нерв нашего безумного времени она умела затронуть. Ненавязчиво, без «чернухи». Лет пять назад мельком познакомились в Доме кино, с тех пор я с ней здороваюсь.

- А она?

- Кивала в ответ. Ну, известная иерархия: знаменитый режиссер - пробивающийся сценарист. В прошлую субботу (я получил приглашение на вручение «Мефисто») заехал

на минуту в клуб «Артистико». Выхожу из машины - Любавская, в смелом вечернем туалете, направляется туда же. И в ответ на мое почтительное приветствие вдруг говорит: «Приглашена на прием, а мой спутник отказался сопровождать меня». Естественно, я выразил готовность

- Вы же заехали на минуту.

- Ну и что? Элементарная любезность требовала предложить даме услугу. Вскоре и уехал, если вы помните.

- Куда?

- В «Художественный», на премьеру фильма «Страсти по доллару», режиссера вы, конечно, знаете, - Василевич назвал известнейшее в кином мире имя, да и про ленту я слышал. - Вас, должно быть, заботит мое алиби: там меня видели и смогут мое присутствие удостоверить.

- Сколько шел фильм?

- С одиннадцати до двух. Две серии.

- Ночная премьера?

- Для рекламы. Для столичного бомонда в пользу бедных. Режиссер занимается благотворительностью.

«За три часа, - размышляя я, - можно смотреть в Молчановку и обратно и еще время останется. Только зачем? Чтобы компьютер выключить?..»

- Вы позвонили Любавским в воскресенье вечером.

- В клубе Виктория Павловна дала мне домашний телефон и попросила позвонить: у нее ко мне есть дело.

- Именно седьмого позвонить?

- Да нет, вообще... Глупо получилось: я услышал мужской голос... какой-то истеричный, и положил трубку.

- Почему?

- Как-то импульсивно.

- Решили, что не туда попали?

- Наверное... Неудобно признаваться, но я ощутил страх, точнее, мне передался чужой ужас и трансформировался в неопределенное, но сильное чувство тревоги. Следом раздался звонок, я схватил трубку - молчание в ответ.

- Вы догадались, что это Любавский?

- Я не узнал его голос, хотя мы слегка знакомы по Союзу кинематографистов, но он кричал так истошно, странно.

- Больше вы Любавским не звонили?

- Нет.

- Лев Эдуардович... то бишь, Лев. По вашим словам, вы не имели никаких особых отношений ни с Викой, ни с Самсоном, по сути, вообще никаких.

- Верно.

- Однако впечатление складывается иное. Откуда столько эмоций? Страх, тревога, любопытство... меня вы у черта на куличках разыскали.

- Рассказ Бориса... он потрясен, как ребенок сказкой, но и меня пробрало.

С чего бы так? История, конечно, захватывающая, но для меня, для меня (словно некто встряхнул и откупорил склянку со старинным настоем «любовного напитка»), а для постороннего... Я искоса посмотрел на сценариста за рулем, то есть обеими руками держался он за руль, так что костяшки пальцев побелели; квадратный подбородок целеустремленно выдвинут вперед. Я пробормотал, проверяя его реакцию:

- Два сценариста и режиссер.

- Что? - он шевельнулся, руки соскользнули с руля.

- Виктория ничего не делает просто так. Она увлекла вас в клуб, попросила позвонить... Вы ей понравились как мужчина.

- Нашелся поинтересней, - он усмехнулся, - ведь почти сразу она переключилась на вас.

- Это да. А что если вы понадобились ей в качестве профессионального литератора?

- При живом-то муже?

Он опять усмехнулся, но в зеркальце я поймал его глаза - холодный зоркий блеск, беспощадный... Внимание, крутой поворот!

- За воскресным ужином ваш друг проговорился: прошел слушок, идеи носятся в воздухе... Вы задумали экранизацию «Египетских ночей»?

- Толку-то! Кому из режиссеров ни предлагал - все отказались. Денег нет.

- Действие происходит в наши дни?

- Да, да, задумал! Именно в том аспекте, о котором рассказал мне сегодня Боб... Точнее, Рита, ей безумно понравилось.

- Плагиат?

- Исключено! О моих планах никто не знал.

- А Боря с Ритой?

- Никто!

- Вы удивились, когда в клубе Виктория заговорила с вами о пушкинской экранизации?

- Да нет, идеи действительно носятся в воздухе... Но вот их конкретизация: перенос основного действия, чередование «древних» сцен с современными, наконец - «душа поэта», осуществляющая связь времен... Уникальное совпадение.

- А что Любавская сказала вам в клубе?

- Я поинтересовался: над чем сейчас работаете? Она улыбнулась: «Под большим секретом: замахнулись на «Египетские ночи». Я воспринял нормально: что ж, опередили. Даже, помните, познакомил ее с Вольновым, он бы справился.

- Помню.

- А когда пошел на выход, она тоже поднялась, говорит: «Пообщаться, что ли, с вашим Борисом...»

- Вы, однако, великодушны.

- В работе я жесток, как волк, но умею вовремя отступить. Все было нормально, пока я не узнал подробностей...

- Не совсем нормально, Лев. Вернувшись через минуту к столику, Вика сказала, что пригласила Вольнова на дачу. Но, по его словам, она не подходила к нему, они не виделись. Как вы думаете, кто соврал?

- Борьке-то зачем? Наоборот, он в воскресенье попросту навязался... Впрочем, а ей зачем?

- Например, скрыть прощание с вами, какой-то общий ваш секрет.

- Никаких секретов! Когда мы проходили между столиками, я, в продолжении разговора о Вольнове, назвал его «гением перевоплощений». Она говорит: «У меня уже есть кое-кто на примете, надо сравнить, подумать, позвоните мне на днях».

- Она назвала другую кандидатуру?

- Нет.

- У вас уже готовый сценарий?

- Готовый! - проговорил он с едва сдерживаемой яростью, глубоко задевший, видать, болезненное самолюбие. - Держа в уме грядущее двухсотлетие, я почитывал Пушкина. В марте вдруг пришла идея, заложил ее в компьютер. Ну, стал работать и искать режиссера.

- Но если вы искали, то раскрывали замысел.

- Э нет, палишь! В нашем обезьяннике только так: самое время экранизировать «Египетские ночи», никаких подробностей. Об этом и Боб слышал: «прошел слушок».

- Кто-нибудь имел доступ к вашему компьютеру?

- Боже упаси, нет! Я живу один.

- В состоянии развода?

Василевич рассмеялся, почти беззвучно - гримаса смеха.

- Семейная жизнь мне противопоказана.

- Извините за нескромность - почему?

- А вы женаты?

- Разведен. Давно.

- Так чего спрашиваете? Знамо дело, надоело.

- Ладно. Вы будете выдвигать против Любавского обвинение в плагиате?

- Что теперь докажешь? Вам же сказано было: идеи носятся в воздухе.

12

На лужайке ее не оказалось, я подошел к дому. Едва слышное монотонное бормотанье откуда-то изнутри, из открытого окна, наверное... Я постоял в нерешительности, зачем-то отворил незапертые железные дверцы гаража. Никого в полумраке, бормотанье усилилось... ага, из кухни, дверь чуть

приоткрыта, падает узкий луч света и доносится негромкий голос: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас грешных...» Она все повторяла одну и ту же молитву, а я все стоял, словно застигнутый врасплох, словно боясь себя выдать.

Наконец - почудилось, через вечность - голос смолк, а впечатление осталось - узкого скудного света не от мира сего... Я осмотрелся рассеянно: обширное пространство с автомобильной ямой посередине, будто бы с отверстой могилой (ассоциация, явно навеянная скорбным «молитвенным» голосом), вниз ведут шесть ступенек, бетон (потрогал) застыл прочно. Я машинально спустился (яма неглубока, впрочем, Самсон, в отличие от меня, коротышка), озирая из «бездны» просторный закуток с полками по стенам, на которых инструменты; свежесколоченная лавка у входа, деревянные ящики, ведра, железную бадью, водопроводную раковину... Здесь курили ребята, с веранды раздался стук во входную дверь, Ваня бросился к одежде, задел ведро, с грохотом ударившее по железу... возник благородный «законный» отец!

Раздался глухой вскрик, от неожиданности я взметнулся и вознесся. Скрюченная Танюша в светлеющем проеме кухонной двери, руки прижаты к горлу.

- Что вы делаете?

- Осматриваюсь. А вы?

- Я иногда тут... сижу. В прохладе. Вдруг вижу голову на полу в темноте, как будто отрубленную!

- В том-то и дело, - заговорил я ворчливо-назидательно, отгоняя, так сказать, «демонов гаража», - что нигде нет следов насилия, борьбы, крови, наконец!.. Ни в квартире, ни на даче.

- Они мертвые, - завела свою упрямую песнь Танюша, которую я тут же и оборвал.

- Можно чаю? С утра ничего не ел, выполняя ваши инструкции.

- Есть чай и хлеб.

Мы прошли на кухню.

- Здесь вы и спите? - я кивнул на распыленную раскладушку с «думочкой» и тонким одеялом. - А Савельич?

- В кабинете Самсона.

- Небось допоздна балуется с компьютером. Ложитесь, я сам заварю.

Она послушалась, свернулась в комок, морщась, видимо, от боли. Стало мне ее жалко. Узкое бледное лицо, недлинная косица, красно-зеленый наряд «из вторых рук» своей вызывающей яркостью наводит на сравнение с ряженой на карнавале... нет, на простецких крестьянских святках. «Ряженая», потому что богатый друг у нее есть, могла бы и приодеться.

- Он несчастный, - заявила Танюша.

- Кто?

- Никита Савельевич. В прошлом году у него погибли жена и сын, а других близких нет.

- Убийство? - Устал я дико, а все-таки встрепенулся, как загнанный конь, услышавший зов заветной трубы... Ну, однако, вошел во вкус «криминала»!

- В катастрофе: автобус, на котором ехали они, разбился. А что Самсон? Так и скрывается в Москве?

- Да не скрывается, пьет на Плющихе. Значит, пока вырисовывается такая картина, - я жадно хлебнул крепчайшего чая, приходя в себя. - События начали стремительно раскручиваться в среду, третьего июня. Утром сюда приехала Вика: был назначен расчет с рабочими, но они еще не покончили с гаражом (расчет отложился на субботу). Она решила побыть со своими и переоделась в дачные тряпки в спальне, где ее застал Самсон.

- Как застал?

- Полуголую. И засек острым взглядом мужа разноцветный синяк - след от укуса - у нее под грудью, прямо где сердце.

Больная отчего-то испугалась, глядела на меня, затаив дыхание.

- Господи, да пошлейшее обстоятельство...

- Нет, Николай Васильевич, жутко.

Я тоже вдруг заволновался: эта убогая постоянно втягивала в некую «иную» сферу бытия, А я желал оставаться «на земле».

- Словом, он засек синяк, и начался, естественно, скандал.

- Да, Ванечка в четверг упомянул.

- Без подробностей?

- Просто упомянул: сумасшедший денек начался и кончился скандалами.

- Самсон не признался, но возникло подозрение - уж больно негативные эмоции я у него вызываю, - что она упомянула и про меня (в связи с Ваней). В общем, оскорбленный муж пригрозил разводом.

- Вика согласилась?

- По его словам - да.

- Как же вы его разговорили?

- Сумел спровоцировать на откровенность.

Он решил, что Вика мне доверилась в клубе - вот еще один штришок: наверное, он знает о нашем с ней прошлом. Потом Вика спустилась вниз к рабочим, Самсон, чтобы успокоиться, сел за компьютер. Работа отвлекла, но не совсем, в общем, он помчался в Москву и в клубе «Артистико» встретил журналистку Кристину Каминскую, которая в тот же день стала его любовницей. Две, понимаете ли, одиноких падших души... и т.д. Вечером Самсон нарывается здесь в гараже на еще одну сцену и обещает банкиру, что в субботу, с окончанием строительства, Ваня уедет от греха подальше.

- Он был нужен на стройке.

- Да. Самсон осуществлял стратегический надзор за рабочими, а Ваня был на подхвате, например, в четверг ездил в Москву за какой-то особой эмалью.

- И в последний раз побывал у нас в ночлежке.

Я внезапно взорвался.

- Черт! Кто мог убить его? - Татьяна перекрестилась, и я, под влиянием ее жеста, закончил: - Главное - за что, Господи?

После паузы она спросила:

- Самсон в ту субботнюю ночь ездил к журналистке?

- Ага, даже алиби подгадал: ее соседка видела его в одиннадцать. Выходит, не он некорректно выключил компьютер.

- Ваня?

- Нет. Мне удалось сегодня подловить его девчонку на вранье. И вот что она рассказала. Они будто бы случайно (или не случайно - не суть важно) встретились на улице около десяти, когда Ваня направлялся на станцию. И увидели промчавшегося на машине Самсона. Леля отправилась домой отвести собаку и улучить момент, когда можно будет улизнуть на свидание. Ваня - к себе - и в ожидании принялся играть в «преферанс».

- Как он мог быть уверен, что Самсон вскоре не вернется? Или, наоборот, не подъедет на московскую квартиру, где не настанет Ваню?

Переходы Танюши от «экстаза» к «трезвомыслию» не в первый раз удивляли меня.

- Самсон уже в пятницу мотался к «одинокой душе» (точнее, к телу), неуклюже соврав, будто всю ночь работал над сценарием. Ваня наверняка сделал соответствующие выводы, сам был одержим.

- Как можно их равнять в грехе?

- Я не равняю, но подоплека одна: Виктория превращала близких в рабов, всегда готовых уйти из-под власти. - Я усмехнулся. - Тяжелая тень «Клеопатры». Танечка, не возражайте, я сам едва спасся.

- Не возражаю, я тоже, в конце концов, сумела уйти.

- Так вот, без двадцати двенадцать девочка из сада увидела Ваню при свете экрана. Вдруг - кто-то выключил компьютер.

- Она не рассмотрела?

- Якобы нет. Просто экран погас, а розетка под столом, надо нагнуться. Однако Ваня сидел неподвижно.

- «Сидел неподвижно», - повторила она откинувшись плашмя на раскладушку, заметная дрожь - все сильнее - сотрясала тело. Припадок? Я, не зная, что делать, бросился на колени, схватился руками за шею ее и ноги, рванул; она замерла и ослабела, прошептав:

- Боль в позвоночнике прошла.

- Тебя же шикарный экстрасенс обслуживает.

- Не экстрасенс. Вдруг сейчас прошла.

Я благоразумно отдалился от больной на табуретку; такие, знаете, встряски в вялой нашей жизни влекут к обладанию. Закурил. Она выговорила:

- Он был мертв.

- Мертвые не звонят по телефону.

- А вы уверены, что то был реальный звонок, что...

- Я не страдаю мистической манией: была произнесена фраза из вашего, так сказать, «предания» о святом и императоре.

- Но Ваня мог рассказать кому угодно, вон с Никитой Савельевичем они горячо обсуждали...

- Стало быть, это Савельич меня попугал?

Она промолчала, задумавшись.

- Этот ночной звонок - такой несуразный, абсурдный.

- А вдруг Ваня подслушал сцену в среду и узнал, что я его отец?

- Возможно, но загадка остается. Если он хотел предупредить о грозящей ему смертельной опасности, то почему не сказал прямо?

- «Меня хочет убить неуловимый Джо». - вспомнил я вслух Лелину фразу.

- Ну да, назвать имя, а не кощунствовать, не ерничать в такое мгновенье! Юноша был

потрясен моим рассказом, а тут... искусственность, игра.

- Да, но зачем убийце, например, драматизировать ситуацию, привлекать мое внимание к чему-то... сверхъестественному?

- Чтобы набросить покров на «естественное».

- Слишком изощренно.

- Это изощренное преступление... и впрямь «пляска чертей». «Приди ко мне тот, кто под землей».

13

Словно в ответ проскрипели ступеньки под осторожными, шаркающими шагами, «прочмокал» линолеум в прихожей... Мы, замерев, глядели на дверь, в которой возник Савельич в мрачной своей хламиде и с белым узелком.

- Добрый вечер, - робко пробормотал он, продвинулся бочком к раскладушке, разложил перед Танюшей скудную снедь. Его угодливая, искательная манера раздражала меня. Что за трагикомедию разыгрывают эти ряженные побирушки?.. Несчастные, выбитые из колен люди - тотчас одернул я сам себя.

- Николай Васильевич, - предложил старик-, свежего хлебушка, а?

- Спасибо, я уже перекусил.

- Есть новости о бесследно канувших?

- Есть.

- Они нашлись?

- Не нашлись. Кстати о канувших. - Раздражение меня не покидало. - Николай Савельевич, что вы делали в ночь субботы, уйдя из ночлежки?

- Вы меня в чем-то подозреваете?

- Я не понимаю вашего поведения. Зачем богатому человеку занимать место бедняка?

- Так ночлежка моя собственная! Это богоугодное заведение, меня Танюша надоумила.

- Хорошо. Сегодня я как раз занимаюсь установлением алиби. Меня интересует окружение Вани.

- Но я же говорил. Сидел дома и ждал делового звонка.

- Дождались?

- Нет.

- А сами не позвонили?

- Куда?

- Вот я и интересуюсь: куда? От кого звонка-то ждали?

- От одного знакомого.

- Это не ответ.

Наступила пауза. Глазки старика беспокойно перебегали с меня на Танюшу. Да что я все: старик, старик... ему пятидесяти нет.

- Смелее, - подбодрила его подружка. - Николаю Васильевичу можно доверять.

- Я доверяю, но...

- Ну так я скажу.
- Танюша! - взмолился странный тип. -
Ладно, я просто сидел и смотрел на доллары.
- На что? - удивился я, большая пояснила:
- Время от времени ему необходима такая вот психологическая поддержка.
- Чего ж он ее в богоугодных молитвах не находит? - ядовито осведомился я.
- Застарелый синдром Скупого Рыцаря. Но рецидивы случаются все реже.
- Николай Васильевич! - воскликнул бомж пламенно. - Только вы никому!
- Бойтся, как бы тайник его не обнаружили.
- Вы не в сейфе деньги храните?
- В сейфе, в сейфе, в тайном, потаенном.
- Положите в банк и успокойтесь.
- Христос с вами, Николай Васильевич!
Кто ж потом отдаст? Грядет Апокалипсис.
- Да зачем вам тогда доллары будут нужны? В День Гнева защитит только то, что безвозмездно отдано.
- Это я понимаю, я ж фигурально выразился: Апокалипсис - биржи рухнут. Вот-вот! А до настоящего Судного Дня еще надо дотянуть (сроки же неизвестны). Вот тут и пригодится валюта.
- «Страсти по доллару», - вспомнил я субботнюю премьеру в «Художественном».
- Впрочем, - добавил Савельич животрепещуще, - и доллар ненадежен. В

настоящее время я обдумываю план обращения «зелененьких» в валюту вечную - золото.

- В вечности, по идее, и вечная не поможет. Если вы, конечно, верите в вечность.

- Верую. А «Фараон» действительно лопнул.

- Вы что-нибудь слышали о его владельце?

- Специально навел справки: весной он перенес инфаркт, но вообще человек сильный, жестокий, нормальный.

- В каком смысле?

- Любит женщин, имел связи.

- Вот как! Обычно эти любвеобильные чрезвычайно подозрительны и щепетильны по отношению к собственным дочерям. Что еще?

- Уже порядочный, то есть состояние давно «отмыл». Я вот думаю и думаю: кому мог помешать мальчик?

- Только в связи с матерью, - сказала Танюша сурово, в синих глазах вспыхнула искра. - Но ведь он... а если он убит раньше сестры?

- Убит? - переспросил Савельич и задрожал мелкой дрожью; какие-то все кругом припадочные. - Раньше? Тело найдено?

- Да не найдено, - с досадой отмахнулся я.

- У детей действительно было свидание в субботу. Леля из сада видела Ваню за компьютером...

- Я ж говорил, а вы не верили!

- Вдруг экран погас.

- Правильно! Некорректное выключение.

- Но вилку выдернул не Ваня. Он сидел неподвижно.

- Пресвятая Богородица, помилуй нас!

- Вот и все, в сущности, что она мне рассказала.

Танюша спросила:

- А почему она не вошла в дом, не узнала, что случилось?

- Темный пункт. Твердит: чего-то испугалась. Хотя девчонка не из пугливых, в папочку своего. Словом, ее свидетельство, даже если правдиво, слишком расплывчато... Может, мальчик был просто оглушен ударом, потом очнулся и уехал в Москву.

Савельич возмущился:

- Но зачем так варварски обращаться с вполне приличным, девяносто шестого выпуска, прибором?

- А ведь он прав, Николай Васильевич, - встала Танюша. - Ударил, оглушил при свете... так бы все и оставил.

- Да о ком вы? Кто этот варвар?

- Леля как будто не рассмотрела, - ответил я. - Значит, он хотел удалиться впотьмах.

- Вот вам и свидетельство смерти, - сказала она тихонько. - А почему девочка умолчала об этом при первой вашей встрече?

- Боялась отца. Действительно серьезный дядя, даже чересчур. Папа с пистолетом. Ну а

когда я уж дознался про свидание... Разговор был при нем. Он меня быстренько выпроводил, но мне удалось подслушать под дверью их нервные реплики: «Вон, потаскушка!» - взревел благородный отец. А она в ответ: «Смотри, пожалеешь!» Потом позвала меня из кустов и рассказала.

- Разве вы не видите связь...

- Вижу, а толку-то? - перебил я Танюшу. - Илья Григорьевич «в районе двенадцати», по его словам, приехал сюда из Москвы. Допустим, она обнаружила присутствие отца на даче у Любавских по каким-то приметам: машина, силуэт в окне... И сейчас пригрозила. Темперамент у папаши бешеный, в то же время и хладнокровия не занимать, Ваню он искренне ненавидит, а тот еще, может, спровоцировал... Ну а дальше что? Куда делась Виктория, которую я доставил на Плющиху в половине третьего? Предположить, что ее убил муж, а Ваню банкир... ни в какие ворота! Толкучка какая-то. Между тем это двойное убийство тонко спланировано и организовано, что подтверждает бесследное исчезновение трупов.

- Бесследное исчезновение, - повторил Савельич; мы посмотрели на него выжидающе, но он отстраненно и бессмысленно уставился в окно, в душные золотистые сумерки.

Большая прервала паузу:

- У вас есть еще данные на Самсона?

Савельич очнулся и завопил:

- На отца? Тарас Бульба - персонаж искусственный, придуманный!

- Вот вам из жизни,- забормотала она,- Иван Грозный, Петр Великий...

- Они сумасшедшие! Нормальный отец, не алкоголик, не может убить сына.

- Моего сына. Ваня - мой сын.

- И вы уступили... отдали этому неприятному типу самое дорогое - свое дитя?

- Самое дорогое для вас - доллары, - отрезал я и тут же раскаялся. - Никита Савельевич, я не знал про Ваню, вот Танюша мне вчера рассказала.

- Какая трагедия! Как замолить, как искупить смерть близких?.. - Его причитания внезапно оборвались, он спросил с любопытством: - А Самсон Дмитриевич знал?

- Возможно, узнал в прошлую среду от Вики, они крупно поссорились. И с горя он завел себе подругу - журналистку Кристину Каминскую. У которой и провел ночь с шестого на седьмое июня. Каминская призналась, что следила за Викой и мной в клубе «Артистико» и донесла Самсону: мы отбыли вместе. Представляете, какое это произвело впечатление на мужа после ссоры. Журналистка якобы во сне слышала некий голос.

- Голос? - прошептал Савельич. - Внутренний или извне?

- Может, Самсон по телефону с кем-то говорил. Вы, случаем, сценариста раньше не знали?

- Только от покойного Ванечки про него слышал.

Эпитет «покойный» меня уколол, я закончил урюмо:

- В общем, она спала и будто бы не знает, во сколько возлюбленный ее покинул.

- Потихоньку смылся?

- Да. В Молчановку, но я не исключаю, что на Плющиху.

- И его собственная любовница была с вами так откровенна?

- Уверен - не до конца. Журналистка горит сенсацией и явно не прочь стать героиней уголовного процесса.

- Вот радость-то!

- Для кого как. С мужем разводится, может, хочет доказать ему: кого, мол, теряешь... Я ее еще дожду. Подумайте, какая убедительная версия: распаленный ревностью муж, жуткая сцена, мальчик пытается защитить мать, Самсон расправляется с обоими, увозит и прячет трупы... кабы не этот проклятый компьютер! Самсон не мог выключить его, значит, кто-то еще был тут.

- Почему не мог?

- В одиннадцать он разговаривал с соседкой Каминской по площадке. Если верить Леле, компьютер выключил человек, не

желавший, чтоб его увидели из сада при свете экрана. Вероятнее всего, - я помолчал, - убийца.

- Убийца, - приглушенным эхом откликнулась больная. - И у него есть ключ.

- Необязательно. По рассеянности... в любовной горячке Ваня мог не запереть входную дверь.

- Но если преступление подготовлено заранее...

- Вы правы. Некто должен был иметь доступ в дом.

- Чтобы убить ребенка?

Сакраментальный вопрос повис в удушающем воздухе жаркого вечера: из открытого окна (из которого услышал я давеча вечную мольбу «помилуй нас грешных» и чуть не умилился), из окна ни дуновения... И в унисон в сотый раз взмолился: Господи, за что? Бессмысленно, абсурдно! Если только... если разгневанный банкир в припадке отчаяния - «Фараон» рухнул - поднял руку на «порочного мальчишку»... Занятный ассоциативный ряд: «Египетские ночи», «Фараон», гробница Тутанхамона, в которой замурованы «мощи», не святые, конечно, но юные, тоже почти мальчика... «приди ко мне тот, кто под землей».

Вот так, «под землей», во тьме пытался я нащупать связь событий, загадочных для меня, как древний узор иероглифов. Нераскрытая до

конца тайна Пушкина, которую русские, по мысли другого гения, все разгадывают и разгадывают... за компьютером, я усмехнулся. «Ночи напролет над сценарием просиживает», - сказала Вика про мужа. И в который раз вообразилось слабо освещенное окно, «творец» перед умной машиной...

- Клеопатра, - сказал я вслух, - наверняка знала или догадывалась, кто ее любил с такой болезненной страстью.

- Кто? - удивился старик.

- Как-то я нечаянно обозвал... Знаете, самому режиссеру, самой Виктории, вернее всех подходила главная роль в экранизации Пушкина. На собственной шкуре испытал я когда-то ее беспощадность, холодный огонь, если можно так выразиться.

- И кто так любил? Банкир или муж?

- Черт их знает. Илья Григорьевич после убийства Вани мог вызвать Вику сюда (по телефону, например). Ну, понимая, конечно, что мать не простит.

- Само собой! Значит, двое на примете?

- Диапазон широкий. Номер три - сценарист Василевич, подозревающий Любавского в плагиате.

- «Египетские ночи»?

- Они самые. Алиби сомнительное с половины одиннадцатого. Кстати, Танюша, у вашего лекаря - с двух часов. Значит, как и

Самсон, актер в 23.40 компьютер выключить не мог.

- Он утверждает, что не был знаком с сестрой раньше.

- Да, при мне в клубе познакомились. И тут великая странность. После беглого обсуждения кандидата на роль она пошла пригласить актера на дачу - так было сказано мне и Василевичу. Однако Вольнов клянется, что не подходила и не приглашала.

- Кто же лжет? - уточнила Танюша напряженно.

- Да никому из них вроде нет смысла... Он так загорелся играть в «Египетских ночах», что наутро достал сценариста: как ему эту мечту воплотить? Тот посоветовал действовать напролом, потому что у Вики уже есть претендент на роль.

- А претендент кто?

- Боб и Вася не в курсе. Может, Самсон знает, может, они уже подобрали предполагаемых участников... - Я задумался: «удачливым соперником на приз «Мефисто» явился общеизвестный Виктор Гофман, тоже отечественный плеябой, тоже мускулы играют... Виктор и Виктория - победитель и победа».

Утром в среду я приехал на Плющиху к Любавскому, долго звонил, стучал - безрезультатно; между тем накануне по телефону мы договорились о встрече в десять. Где его носит?.. Ситуация так болезненно напоминала ту, воскресную, что я не решался уйти, топтался на площадке, наконец плюнул, вынырнул из прохлады подъезда в ранний зной, нырнул в кусты в зной сквозной, с дрожащими светотенями; как высоко и пышно разрослись акации за эти годы... Когда-то тут стояла скамейка и объяснялись мы с Викторией в последний раз (есть скамейка - нет, конечно, с двумя бабулями, которые настороженно проследили, как я присаживаюсь на другой краешек). В последний раз. Для нее все было решено, доводы мелкие, меркантильные... а впрочем - редкая удача - только что творческая пара заключила договор на первый свой фильм. «Мы будем встречаться как раньше». - «Со мной встречаться, с Соном жить? Не будем». - «Я люблю тебя, я тобой больна, - она рассмеялась радостно и повторила: - Я тобой больна». - «Кином». - «Нет, тобой, ты не знаешь!» Должно быть, она уже знала, что беременна, а я уперся: или - или. «Снимай кино!» - «Это я и собираюсь делать, а ты

вызовешь Самсона на дуэль». - «Ага, обязательно. Прощай, радость моя!»

Эта пижонская, по молодости, поза впоследствии мне дорого стоила: я действительно был болен ею, с ума сходил, вечера просиживал перед телефоном, но не позвонил, торчал по ночам вот тут, в сиреневых кустах, но не окликнул... «Я вас люблю, хоть я бешусь, хоть это труд и стыд напрасный...» Постепенно бешеная боль прошла, но тайный роман, как я теперь понимаю, повлиял на мою жизнь глубоко. В горячке женился, бесстрастно расстался и остался - в одиночестве. Однако ни о чем не жалею - она бы сломала меня, но не смогла. А вот Самсона...

Где ж этот... по Достоевскому «вечный муж»? И вдруг я его увидел сквозь листву, он шел к дому стремительно, как таран, опустив голову. Я сделал движение, но остался на месте, услышав:

- Самсон побёг, совсем нервный стал, - говорила бабушка в платочке; вторая, в кокетливой соломенной шляпке, отозвалась живо:

- Надо думать. В нашем нищенском существовании возводить загородную виллу, знаете...

- Стало быть, денежки есть.

- Вот я и спрашиваю: откуда?

- А, при такой-то шустрой жене... Вика из-под земли достанет.

- С панели, что ль, извините?

- Ну, она не прости Господи какая-нибудь, а мужики обхаживают, то один провожает, то, глянь, другой.

- Безнравственная семья, жаль ребенка, вырастит наркоман и бандит.

- Марковна, вы прям уж! Тихий, не матерится, не пьет. Хотя нынче ни за кого не поручишься. Вон ходила я на уголок за дешевым молоком...

- По два тридцать?

- Уже два сорок. Цистерну привезли. Вхожу во двор с бидоном, из подъезда парень... или мужчина, не разобрала, совсем слепая стала.

- Очки носите.

- От них давление поднимается.

- И что парень?

- С набитой сумкой, увидел меня - и шварк сюда в кусты!

- К сообщникам? - ахнула в шляпке.

- Не, один. Я занервничала, подхожу к кустику-то и заглядываю потихоньку, а оттуда шепот страшный: «Катись отсюда, бабка, куда жива!» Я и покатила, думаю: террорист.

- Бабка... Хам!

- Да это-то ладно, я и вправду бабка... только так страшно сказал! Хотя воскресенье,

утром дело было, окна у всех от жары открыты, а жуть берет. Я к себе Николаю Угоднику помолиться за спасение. Голос отчаянный, а не слышать, чтоб кого-то у нас обчистили.

- Сумка большая?

- Громадная. Главное, как меня-то он испугался, от меня ведь в кусты сиганул. Понятно, не знал, что подслеповатая.

Старушки отвели душу и удалились, удостоив на прощанье и меня оценивающе-опасливым взглядом. Однако сведения могут представлять ценность; очень жаль, что бабушка в платочке «слепа глазами стала».

За ними хлопнула дверь подъезда, я вышел на солнцепек: у окна стоял Самсон, уставившись сквозь стекло во двор расширенными белесыми бельмами (игра света), как сумасшедший! Какое-то время глядел на меня, словно не узнавая, кивнул, спину, я было двинулся к дому, но он опередил, сбжав по ступенькам. Молча мы вошли под ту же ажурную сень, сели, он пробормотал:

- Черт! Голова раскалывается...

- Где ты был?

- В милиции.

Ах да, ведь уже три дня прошло.

- Есть новости?

- Никаких. Подал заявление, едва всучил.

У них своя логика: вдвоем, как правило, не

исчезают, а уезжают. Им трупы подавай. А где я их возьму?

- И в сводках происшествий...

- Никаких данных! - взвизгнул Самсон; судя по всему, он был на пределе. - Труп исчез... встал и уехал!

- Что за бред?

- Я живу в бреду. - Он оглянулся по сторонам. - Жду явления Вани. Ваня все объяснит.

- Он тебе уже являлся?

- Издеваешься?.. Ты, подонок... (я рефлексивно взметнул руку) Ударь, ударь, а я повторю: ты развратил мою жену и все разрушил!

Ну не драться же с больным! Я покорно принял удар (словесный, конечно).

- Я любил ее, но она меня бросила. Много лет назад.

- Сейчас-то хоть не лги! Вика во всем призналась. Ты укусил ее в сердце...

- Тьфу, я не бешеный пес... да и ты не сумасшедший. Давно забытая история, Вика соврала тебе, кого-то прикрывая.

- Да ну? Ты отвез ее из клуба в Молчановку?

- С чего ты взял, что в ту ночь она была не здесь, а в Молчановке?

Он поскреб обеими руками лысину... действительно сумасшедшего разыгрывает?

- Может, меня хотели убить? - прошептал.
- Вы оба хотели...

- Идея дельная, - перебил я с иронией, - но не от меня исходящая.

- Дельная?! - опять взвизгнул Самсон.

Нельзя раздражать его в таком состоянии!

- Неудачно пошутил. Ведь ты предложил ей разумный выход - развод. - Я помолчал. - Или не ты?

- Что?

- Таких женщин, как Виктория, не бросают. Скорей наоборот...

- Что она тебе еще рассказала?

- Кое-что. - С этим бесноватым поневоле пойдешь на хитрости!

- Ну... да, она предложила. Но я согласился!

- Так за что тебя убивать?

- Николай, не бери меня на пушку!

- Я хочу помочь.

- Не нуждаюсь! Я тебя ненавижу.

- Взаимно! - сорвался и я; Самсон было привстал, я его дернул за руку, он свалился на скамейку, как мешок с трухой.

Поговорили, в общем. Какое-то отвращение нахлынуло на меня душевным смрадом... к нему, к себе. Но я справился.

- Она мертва, Самсон. Не истлевшие истории нужно колыхать, а поймать убийцу.

Он странно, тихонечко засмеялся.

- А почему я знаю, что убийца не ты?

- Да ладно тебе!
- А почему ты знаешь, что убийца не я?
- Признаешься?
- Э нет, не поймаешь!
- Так не дергайся.
- Да пошел ты! - Самсон пять привстал, я опять почти насильно усадил его.
- погоди, надо прояснить кое-какие моменты. Вы с Викторией уже выбрали претендентов на главные роли в экранизации?
- Нет.
- Но обсуждали этот вопрос?
- По существу, нет. Она говорила: «Я думаю».
- Когда у тебя возник замысел новой версии «Египетских ночей»?
- В марте.
- В марте? Интересно!
- Уже и в замыслы мои лезут! - очередная метаморфоза произошла с Самсоном: не «трухлявый мешок», а иронический сценарист. Тут я и взял его на пушку:
- Идею переноса действия из пушкинской эпохи в нашу, а также чередование сцен древних и современных...
- Ну, ну? Чего тянешь кота за хвост?
- «Душа поэта, осуществляющая связь времен» - тебя цитирую.
- Ну и что?
- Все это тебе подсказала Виктория.

- Много же она успела за ресторанным столиком выложить! Разумеется, композиция выстраивалась в итоге наших с ней разговоров, обсуждений, но основа - моя!

Я понял, что мало чего добьюсь в этом направлении; затронута профессиональная честь (и репутация), сценарист будет стоять насмерть. А возможно, его заблуждение искренне: Вика, с ее умом и ловкостью, могла тонко и незаметно внушить своему подкаблучнику любую идею. Стало быть, связь между нею и Львом-Васькой недоказуема? Оба творца будут стоять насмерть.

- Ладно, Самсон, выскажусь начистоту... только между нами - в твоих же интересах. Эти художественные изыски зафиксированы у одного литератора в личном компьютере.

- Да ну? Когда зафиксированы?

- Тоже в марте, говорит.

- Больше верь! Литератор - Василевич?:

- Как ты догадался?

- Звоночек в воскресенье вечером!.. Он обвиняет меня в плагиате?

- Нет, но он изумлен.

- Не больше моего! - огрызнулся Самсон. - Кто ему рассказал о моем проекте?

- Ты сам на публике выдал творческие секреты.

- Да уж, не к месту и не ко времени.

- Те самые секреты, - продолжал я, пристально взглядываясь в застывшее

безобразное лицо, - которые профессионалы обычно утаивают. Чтоб никто не опередил.

- Коньяк язык развязал... вообще я был не в себе.

- А может, хотел «застолбить» приоритет перед киношной публикой.

- С какой стати мне...

- Ты знал, что Василевич и Вольнов приятели?

- Не знал... Так вот откуда вечер дует. Интересно! А почему бы не предположить обратное: не мне, а этому чертову Василевичу Вика рассказала о моих планах?

«Да потому что он талантливей тебя», - ответил я мысленно, а вслух произнес:

- Этот тип - прагматик. Кабы сценарист присвоил чужой замысел - стал бы он претендовать на первенство сейчас, коль речь идет о мотивах уголовного преступления!

- О мотивах... Господи, помилуй! - Самсон усмехнулся. - Кто-то из сценаристов убил режиссера, знающего о каком-то плагиате!

- Самсон, не придурайся. Мне не интересны писательские претензии и дразги. Однако вспомни скандал в среду - укус в сердце - Вика назвала меня. Прикрывая истинного «искусителя». Если она знала о таком секретном замысле...

- Моем!

- Хорошо, хорошо, передала твой. Кому? Выводы делай сам.

- Василевич - убийца?

- Назовем осторожнее - «любовник». А может, кто-то из его окружения.

- Этот идиот Вольнов?.. Покойница, если ты помнишь, предпочитала мужчин умных.

- Помню.

- И потом: за что убил-то?

«Вот именно: за что? Ни у кого нет мотива, только у мужа...» Я начал вслух:

- Если Ваня погиб как свидетель...

- А если наоборот? - перебил Самсон вкрадчиво. - Банкир расправляется с мальчишкой, а потом вынужден убить мать.

- А трупы?

Белесый «рыбий» взгляд его враз обрел бессмысленное выражение.

- По плану, - продолжил я, жадно наблюдая, - их надо бы оставить в доме и свалить убийство на местную банду.

- Откуда ты знаешь?

- Про что?

- Про план... то есть про банду, - пробормотал Самсон завороченно; и я, по наитию, соврал в третий раз:

- От Виктории.

- Значит, она умела пользоваться....

Его жуткий шепот потряс меня.

- Чем? (он молчал) Компьютером?

Молчание.

- Ты, урод! - Я схватил его за плечи и принялся трясти. - Ты заложил план убийства в компьютер!

Он резво освободился и сиганул за кусты.

- погоди! Иначе тебе придется сегодня же о своих планах «органам» поведать. Стой, говорю! Каминская слышала, как ты разговаривал той воскресной ночью по телефону. Ты позвонил мне и сказал: «Не ищите мою могилу, ее очень трудно будет найти»?

15

После столь горячего (на грани истерики) диалога в кустах я жаждал встречи с Каминской, но не смог до нее дозвониться, и, поразмыслив, отправился на "перекресток путей" - в бар клуба «Артистико», пустой в полдневный час. То есть кое-какие деятели забегали, принимали, но из «интересных» персонажей не проявился никто. Зато за полчаса, что я провел у стойки, удалось убедить архисторожного Жоржа в безвредности моего следствия для его шкуры: героев дня - гангстеров, рэкетиров, киллеров, капиталистов, террористов и политиков - это приватное дело не касается. Пропал мой сын. Я чуть не вышиб слезу, но, оказалось, перестарался. «Киднэпинг? - испугался бармен, поднаторевший в криминальных мелодрамах. -

«Требуют выкуп?» - «Нет, нет, пропал вместе с матерью, подозреваю убийство из ревности». - «Серьезно? Не знал, что у тебя есть сын». - «Я и сам до понедельника не знал». - Мое чистосердечное признание смягчило чувствительное сердце вышибалы, и он достал из-под стойки телефон.

- Звони куда надо.

Позвонил - с прежним результатом.

- Тут Каминская сегодня не пролетала?

- Не было. И этих двоих - Вольнова с Райт - тоже не было.

- Жорж, расскажи мне про тот скандалчик с твоим боссом. Помнишь?

- Еще бы! Я их уж разнимать собрался. Дым коромыслом стоял, журналистка подлетает, аппарат просит, срочно приспичило.

- О чем говорила, помнишь?

- Не, как проклятый вертелся. Тут Вольнов стакан апельсинового сока просит, душно, и маску снял. Это его и погубило. Но ведь в маске не выпьешь? Гляжу, наш Зюзя (так мы хозяина между собой зовем) через всех лезет, я, понятно, переключился на него. Два виски, он с девочкой. А Каминская по телефону верещит, он ее с табурета сдвинул и виски в декольте пролил. - Жорж со смаком захохотал.

- Она взвизгнула, за грудь схватилась: «как вы смеете!» По-моему, он даже хотел извиниться (хватаемши был, но не вдрызг) да не успел.

Разворачивается Вольнов, сребает босса за жилетку и говорит: «Вы что себе, козел, позволяете?» - Жорж опять заржал. - Нет, ты б слышал! Так вежливо, с таким, извини за выражение, достоинством: вы, козел... Главное, девчонку его смех разобрал.

- Чью девчонку?

- Хозяина. Из мюзикла. Ну, такое стерпеть при бабах. Потребовал извинения за «козла», а Вольнов: «Да пошел ты!» Я уже перегнулся через стойку разнимать, но Зюзя вдруг совсем протрезвел, отстранился и отрезал (тип, между нами, злопамятный): «Сильно, говорит, пожалеешь ты об этом инцин...денте!» А когда отошел, я Борису разъяснил, с кем он поймел дело.

- Что Вольнов?

- Ясно, не обрадовался. «Не узнал, зрительная память, говорит, слабая, частенько подводит».

- А журналистка?

- Ее уж след простыл.

- Жорж, ты знаешь режиссера Любавскую?

- Лично незнаком, но помню.

- А не помнишь, она подходила к Вольнову у стойки?

- Не, один был.

- Во сколько случился инцидент?

- Поздно уже...Ага, Борис сок допил и пошел переодеваться, Отплясали, значит, премии начали вручать.

- А, уже к первому часу шло.

- Вот «Мефисто» и достался Гофману, он вторую главную роль играл, но Борис - главное. Мстительный мужик, моментом отреагировал. Вольнов жутко расстроился, я предложил выпить с горя. «Это идея, говорит, только не в вашем поганом заведении!»

- Ты с Гофманом знаком?

- А ты, что ль, нет? - Жорж подмигнул. - По-моему, с ним все знакомы.

- Я - нет.

- Я вообще на тебя удивляюсь, не киношный ты человек, одинокий ты... а ведь простой, не выпендриваешься.

- Спасибо. С кем Гофман в ту ночь был?

- С чертями-собратьями. Тоже Мефистофеля плясал.

-Как бы мне с ним связаться?

- Мое правило: никаких контактов с клиентами вне бара. - Жорж подумал. - Через Риту Райт, они ж в одном фильме снимались, в этом... не выговоришь.

- В «Страстотерпцах».

Прелестная перспектива!

«Новое русское кино» (обманчивое обозначение) вызывало во мне тошноту. «Новое» - голое (голые тела). «русское» - два часа дрящящая истерика, пародия на минувшую

«мировую скорбь», на чувство «вековой вины». на «сердешную» жалость-усталость. Но я это кино снимал ради хлеба насущного (то есть по большому счету права на критическую позу не имел) и изредка смотрел в ожидании - когда же минует нас «чаша сия»? - и ее лицо помнил. А вдруг не «пустота», а вдруг «огонь, мерцающий в сосуде»?

В общем, через час я сидел перед шелковой кушеткой, на которой полулежала восходящая звезда в просторной пижаме со звездно-полосатым рисунком американского флага. Заметив, как я таращусь на священные символы демократии, Рита пояснила:

- В Штатах приобрела, там все просто, без предрассудков.

- Америка не так уж примитивна, вот Голливуд, космополитическая пена, вапша то есть среда... она везде одинакова.

- Наша, Ник. - Рита блеснула белейшими, будто с рекламы, зубами. - Разве вы не наш?

Я поддался этой жемчужной улыбке и сказал в тон:

- Не ваш, но твой.

- Ты хотел меня видеть?

- Хотел.

- По делу?

- Просто хотел. Но есть и предлог.

- Давай сначала покончим с предлогом.

- Как мне связаться с Виктором Гофманом?

- Ноу проблем. - Рита взяла с низенького стеклянного столика шкатулку, порылась в ней, нашла визитку (там их целая колода - крошечные игральные карты). - Записывай телефон. Обойдешься без моих рекомендаций?

- Надеюсь.

- Зачем тебе Гофман? - потаенное лукавство послышалось в голосе.

- Если твой Борис не соврал и Вика не подходила к нему в клубе...

- Ой, вот уж не отрекся бы, наоборот! Он ужасно хотел сыграть возлюбленного Клеопатры. А с чего ты решил, что тайный претендент на роль - Гофман?

- Хватаюсь за соломинку. Судя по всему, у Вики были секретные дела или с Василевичем, или с кем-то другим. В клубе она, так сказать, подставила Вольнова, в ссоре с мужем - меня.

- У вас с ней что-то было?

- Много лет назад, в твоём возрасте.

- Загадочная женщина. Зачем кого-то подставлять?

- С мужем-то понятно, он засек такую эротическую мету...

- Какую? - живо заинтересовалась секс-бомба.

Я усмехнулся.

- Призрак поцелуя. Можно так сказать?

- Странно звучит, но кажется, я понимаю.

«Господи, да пошлейшее обстоятельство...» - сказал я Танюше. «Нет, Николай Васильевич, жутко».

- О чем задумался?

- Так вот, с мужем понятно, но в клубе...

- Действительно, зачем подставлять? - перебила Рита. - Пошла якобы в дамскую комнату.

- Конечно, сгодился бы любой безобидный предлог. Нет, она специально акцентирует наше внимание на Борисе.

- Но почему именно Гофман?

По прихотливой ассоциации вдруг вспомнились «бомжи» - Танюша в ало-зеленом из «секонд хенд» и богатый друг ее в ветхом «лупсердаке».

- Какие-то ряженые кругом мерещатся, - пробормотал я.

- Ты про Мефистофелей? - нечаянно уточнила наивная Гретхен подспудное движение моих мыслей. - Их было тринадцать, в том числе и Боря.

- Если б Вика состояла с ним в сговоре, он бы каждое ее слово подтвердил. А Гофман... просто всплыл как неожиданный и удачливый соперник Вольнова.

- По премии «Мефисто», - она рассмеялась волнуящим смехом, - но не по жизни.

- То есть?

- Виктор иной ориентации, будь с ним поосторожнее. Ты кажешься неприступным, это возбуждает.

- Надеюсь, не мужчин, - пробормотал я рассеянно. - Теперь понятны ухмылочки Жоржа.

- Бармена? А что, он тоже...

- Да ну. Я у него о Гофмане расспрашивал.

М-да, «в нашем обезьяннике» - как выразился сценарист (кстати, «обезьяна» с персидского буквальный перевод - «отец блуда»). Сей лингвистический изыск я тут же, в качестве «умного человека», выложил прелестной даме.

- Какой ты умный! Ты изучал персидский?

- Нет, ты прелесть! Ничего я не изучал, окромя, кое-как, русского.

- Прелесть в обезьяннике?

- Ну, не обобщай, я же не про тебя. Ты ведь нормальной ориентации.

- Хочешь, докажу?

Меня как обожгло, опасный флирт вырвался из-под контроля.

- Считай, что ты меня пригласила на свадьбу. Кстати, когда?

Она радостно рассмеялась, зашевелилась на кушетке, пожав босые ножки с пурпурными ногтями, придвинувшись ко мне (звезды и полосы замельтешили в глазах); я, понятно, ринулся навстречу, принял в руки душистый подарок, прижал к сердцу.

- Еще не скоро, - шепнула она. - Что такое «призрак поцелуя»?

- Зачем я тебе нужен? - прошелестели во мне остатки совести.

- Затем! Ты мне очень понравился, очень...

Лепетанье прервал телефонный звонок - спохватился Ангел-хранитель Боба. Я закурил, усмиряя плотский порыв, и прислушался:

- Боря, привет!.. Да ничего, у меня Ник. Какой? Сыщик!.. Ведем следствие, дух захватывает!.. Так поздно?.. А, в Молчановку... Понятно, до вечера!

Она положила трубку, я поспешил откланяться, усиленно соображая: уж не избрали ли меня опять в качестве громоотвода... С другой стороны: станет ли «звезда пленительного счастья» ревновать к убогой «лучинушке», образно выражаясь?

Уже в дверях мы постояли - нам не хотелось расставаться, честно! - она попросила меня приехать «скоро, может, завтра?» Да зачем, черт подери! (Я все-таки не совсем остыл!) Просто хочу тебя видеть.

Я учтиво отрекомендовался по телефону: кинооператор Смолин, снимал вас на вручении «Мефисто», надо бы повидаться. Он про меня слышал, фильмы мои видал, будет счастлив и т.д. Сошлись на пресловутом

«Артистико», что устраивало меня: авось залетит журналистка.

Мы сидели за столиком у стеклянной стены в переулок - гул столицы и мельтешенье лиц словно подстегивали, словно и я в толпе спешил, - между тем, степенно пил кофе, а Гофман рот не закрывал: от кого исходил заказ, когда покажут по «ящику», по какой программе, как получилась «пляска чертей»... Отлично! Правда? Нечто ренессансное, отзвук венецианского карнавала, вы не находите? Нахожу. И в то же время германский дух в сумрачно-темных костюмах на серебристой - вы, конечно, отметили! - на серебристой подкладке: чередование черноты и блеска молний. Я отметил. И как прекрасно, что шоу подгадали ко дню рождения Пушкина - 6 июня. Я обожаю Пушкина - воплощение мужественности! Вот каким эстетом оказался Гофман - беленький, крепенький и румяный, как красна девица; и все охорашивался, поправляя кружево у ворота шелковой рубахи, встряхивая пышными манжетами. По понятной ассоциации он представлялся мне Нижинским в воздушном пируэте.

Представилось с усталым цинизмом, сквозь который вдруг, как «грозная заря». проявился блеск новизны, и подумалось: Господи, к чему (к кому) я только в свои сорок два и в своей профессии ни притерпелся, ни принял, так сказать, со смирением

(красивое старинное слово, в моем случае прикрывающее боязнь жизни и равнодушие к ней)! Но вот произошло и с ч е з н о в е н и е, воздушный мирок вздрогнул и лопнул, опали, обнажились покровы сна наяву; и жалко стало до боли - любовь мою, молодость, всех их жалко, и этого подростка тридцати с лишком лет.

- А в каком плане я вас интересую?

Ладно, к делу; сантименты с меня слетели.

- Вы ведь знаете режиссера Любавскую?

- Не имею чести.

- Странно. А мне говорили... - я сделал паузу, но Виктор не попался, с ним мои уловки не сработали.

- Нет, я у нее е снимался, хотя всегда готов.

- Но вам известно, что Любавская собиралась экранизировать «Египетские ночи»?

- Правда? Замечательно! Она хочет через вас сделать мне предложение?

Я внимательно рассматривал мнимого претендента. Мнимого, потому что по своей фактуре, да и по психическому складу, Гофман на роль раба великой царицы, кажется, не тянул. Точнее, на робкого раба как раз тянул, но если переносить мистерию в современность...черт его знает! На экране, насколько помню, и в жизни - разноплановая, двусмысленная личность, словом, лицедей...

Под моим взглядом актер распружинился, расцвел, голубые глаза засверкали, и произнес с нежной дрожью в голосе:

Скажите: кто меж вами купит
Ценою жизни ночь мою?

(Ну, ежели на женскую роль...)
А он продолжал самоупоенно:

Страстей неопытная сила
Кипела в сердце молодом...
И с умилением на нем
Царица взор остановила.

Актер вдруг неуловимо «повзрослел», подвижное лицо затвердело, брови грозно сгустились на переносице, он проговорил проникновенно, приглушенно:

- «Вы думаете, что в наше время, в Петербурге, здесь, найдется женщина, которая будет иметь довольно гордости, довольно силы душевной, чтоб предписать любовнику условие Клеопатры?..»

Эге, да он истинный профессионал, не стоит вычеркивать его - пока - из списка подозреваемых; у человека с исковерканной психикой и соответствующим окружением могут быть самые неожиданные мотивы.

- Недурно, Виктор Карлович, очень даже недурно.

- ВиктОр, для вас ВиктОр.

- Вы уже подготовили роль Алексея Ивановича, как вижу.

- Нет проблем, у меня патологическая память на слово, за считанное время не то что краткого Пушкина - пудового Толстого одолею.

- Для кого ж вы так постарались?

- На всякий случай - быть в боевой позиции. Для сценариста Василевича - знаете такого? - подготовил, надеялся увлечь.

- Увлечь?

- На пробы. Прошел слух, что он ищет режиссера для экранизации, но проект сорвался из-за денег. Из-за их отсутствия.

- Когда прошел слух?

- А вот с датами у меня туже...в марте или в апреле.

Итак, Васька-Лев не соврал: замысел у него, во всяком случае, был.

- Но сценарист, насколько мне известно, прочил на роль любовника Клеопатры своего друга Бориса Вольнова.

- Ну, мало ли... могут быть и другие мнения. Например, у режиссера.

- Или у жюри «Мефисто». Вас не удивило, что приз получили вы, а не Вольнов?

- Удивило, потому что последняя собака знала, кому дадут. Что ж мне теперь - скорбеть

за него? Нет, я им искренне восхищаюсь, но главное - мой рейтинг поднялся. И вот - пожалуйста! Вы ведь, как я понимаю, от имени Любавской говорите?

- В некотором смысле, вышшем, от ее имени.

- Она взялась за экранизацию?

- Она было взялась, но исчезла.

- Как это? Куда?

- Ее, наверное, убили.

Сакраментальный глагол, киношники - народ нервный, подсознательно созревший для геенны огненной - обычно вздрагивают и бледнеют. «немецкий романтик» Карлыч вздрогнул и побледнел. Созрел, значит.

- Я расследую убийство, - прогремел я. - Любавская в субботу тут в клубе разговаривала с вами?

- Никогда... С чего вы взяли?

- Вы были в маске Мефистофеля.

- Нас было двенадцать!

- Тринадцать. Да кто считает...

- Я слаб на цифры, но...

- Но помните, что в половине второго получили премию?

- Всего пять миллионов по-старому и хрустального беса.

- Потом в разогретой компании отмечали.

- Ну! До шести утра.

- Видите, и с цифрами у вас как будто все в порядке. А потом?

- Суп с котом! - по-мальчишески
огрызнулся Гофман.

- Кто этот кот?

- Так мы в детстве дразнились. В жизни
ничего нет лучше детства, правда?.. - Он
помолчал. - Домой поехал.

- Один?

Небольшая заминка.

- Один. Честное слово, я не имел никаких
сношений с Викторией Павловной!

- Однако имя-отчество знаете.

- Все знают. Странно, я ее запомнил за
столиком...и кажется, с вами.

- Да, в полтретьего я подвез Викторину
домой на Плющиху, и после этого никто из
свидетелей ее не видел.

- Это не доказывает убийства!

- Доказательств нет, но обстоятельства
исчезновения загадочны.

- В редкие разы, когда я ее видел, она
обычно была с мужчинами.

- Но исчезла не одна - с сыном.

- А, помню, красивый подросток - на
какой-то премьере мне их показали. - Гофман
призадумался. - Вот так история! Осмелится
кто-нибудь теперь осуществить «Египетские
ночи»?

- Желающие найдутся, главное - деньги.

- Не только, - прошептал он суеверно. - Я
вот сейчас подумал: а что если лучше не
трогать? Сам Пушкин не закончил - где уж

нам! Боб рассказывал: кто в ихние гробницы ни проник, все погибли, археологи англичане сгинули бесследно.

- Вы хорошо знаете Вольнова?

- Вместе в «Страстотерпцах» страдали. И вот что я вам скажу: эманация смерти требует особых заклинаний!

«Приди ко мне тот, кто под землей». Оригинальная точка зрения (или глупейшая), которую не успел я осмыслить и развить: перед нами, как из-под земли, возникла Каминская.

- Привет, мальчики! Воркуете?.. Сама я человек широких и глубоких взглядов и убеждений...

Я прервал «толерантный» бред, пригласив журналистку за столик, а голубой ковбой ляпнул:

- Так вы мне делаете предложение или нет?

Она не унялась.

- Вторгаясь, может быть, в интимные сферы...

- Кристина, угомонитесь, пожалуйста, - я постарался расставить все и всех (этих недоделанных) по своим местам. - Вам тут нечем поживиться, мы говорим о кино. ВиктОр, вы ж боитесь египетских гробниц.

Он прореагировал разумно:

- Безработица еще страшнее, годы летят.

А я - ядовито:

- Вам она не грозит, к кому-нибудь прислонитесь.

- Вот раскрыл человеку душу, - пожаловался Гофман Кристине со слезой в голосе, - а он изгаляется, - вскочил изящно и пронесся кружевным сквознячком по зале, по переулку мимо стеклянных стен, затормозил, уже полускрывшись, и показал нам розовый, как сосиска, язык.

- Вот придурок, а?

- Как можно так неделикатно! - возмутилась Каминская. - Бог есть любовь, и если этому мужчине предопределена любовь иная...

- Ой, только не впутывайте Всевышнего в игры дегенератов, они находятся в распоряжении иного ведомства. Вы мне очень нужны, Кристина.

- Да, Жорж сказал! - она молниеносно переключилась на тему более животрепещущую. - Что новенького в нашем деле? Я ночи не сплю!

- Все более проясняется роль вашего возлюбленного.

- Нет, невозможно!

- Оставьте патетику для эссе об искусстве. В ту воскресную ночь после клуба вы слышали голос. Так? Самсон звонил по телефону, потом сразу уехал.

- Он убийца? - со сладострастным всхлипом осведомилась возлюбленная; сейчас она была почти красива.

- Вопросы задаю я, - дубовые милицейские штампы, как правило, срабатывают. - Во сколько он уехал от вас?

- А что Самсон говорит?

Она явно колебалась между последним шансом (а вдруг замужество? - сомнительно) и профессиональным инстинктом (а вдруг сенсация? - вероятно); я ее подпихнул:

- В общих чертах он признался.

- В чем?

- Вопросы задаю...

- Тогда же, сразу, десять минут четвертого утра.

- Точно? Необходимо сверить показания. - Я беззастенчиво сыграл на самых низменных струнах тщеславия: - Ради вас он пошел на убийство.

Каминская ахнула, как-то осев на стульчике - должно быть, сбывалась юная мечта о ненасытной славе...и сама героиня бестселлер выдаст, - но возразила с сожалением:

- Не из-за меня, он составил план раньше... - тут совесть слабо шевельнулась в костистой плоти; в районе грудной клетки взметнулись и опали костяшки бус. - Господи, я совершаю предательство!

- Самсон вас просил молчать?.. Но прежде всего вы гражданка, Кристина, - подбодрил я.

- Не издевайтесь, вы циник как все мужчины. А я женщина, мне страшно, мне снятся трупы!

- Вы видели мертвых? Где они?

- Вы что, совсем уже!..

- Когда он сообщил о плане убийства - в среду?

- Нет, совсем не так, всего лишь теоретически... Как творец сублимирует негативные порывы в художественную фантазию. Оскорбленный, сценарист разработал убийственный план и несколько успокоился.

- Дальнейшие события показали, что не успокоился. Будьте осторожны, Кристина, будьте на людях, не ночуйте одна - вы для него очень опасны.

- Господи, за что мне...

- Я постараюсь эту мину разминировать.

- Как?

- Сообщив ему о ваших показаниях.

- Что вы!..

- Вам жалко убийцу?

- Да может, он не...

- Тогда вам не о чем беспокоиться.

В горячке азарта я покинул ее, не попрощавшись, пронесся к стойке; Жорж, как сметливый связной, моментом сообразив

(воспаленный взгляд мой, целеустремленное движение), протянул аппарат.

17

Его, гада, дома не оказалось. К тому же, размышляя я, остыв, выйдя уже из «Мефистико» - тьфу, черт, из «Артистико»! - к тому же этого мужа насмерть к стенке не припрешь, куда не прояснен важнейший эпизод: кто выключил компьютер, когда Самсон любезничал с хозяйкой котика. На горизонте загадки возник банкир-банкрот с его семейством. Туда, туда, к солнечному бассейну с нимфочкой... а потом - я как-то устало прибодрился - к прохладному ручью, образно выражаясь. В потемки гаража, где узкая щель-свет и целебное бормотанье.

А Самсона прищучу к ночи - и к стенке! В кровожадную мою мечту ворвался гундосый голос из автомобиля (опять припаркован рядом с моим, опять случайная встреча - уже в «Мефистофельском» переулке).

- Николай Васильевич, добрый день! Как наши дела?

«Наши»! Все подозреваемые лезут в долю.

- Как сажа бела, - отделался я прибауткой и в ответ на гостеприимно распахнутую дверцу проник на заднее сиденье (отчего и не покалякать, коль выпел случай), Василевич,

как рыбка в аквариуме, развернулся ко мне серебристым туловищем.

- Полный мрак?

- Ну, кое-какие просветы постепенно проступают.

- Нашли мертвых?

- Вот в этом плане - полный мрак. Не могу усвоить логику преступника. В окрестностях Молчановки под покровом ночи промышляет неуловимая банда: душат удавкой и оставляют трупы. Понимаете? Проще всего - инсценировать ограбление.

- Но убийца мог про эту банду не знать.

- Неважно, работать под некую, абстрактную. Сколько их сейчас функционирует и в Подмоскowie, и в Москве.

- Так где произошло убийство?

- И это тоже неизвестно.

- Пропажа ковра - неспроста, - напомнил сценарист, - наверняка какой-то хитрый ход.

- Но специально заезжать за ковром в густонаселенный дом, чтоб навести на ложный след - идиотство... Вообще какой-то бред: возиться с мертвыми телами (не с одним - с двумя!), тащить в машину, куда-то их везти, закапывать, ежеминутно рискуя нарваться на свидетелей. Он или идиот-везунчик, или мудрый демон.

- Но нет тела - нет и «дела».

- Да его б, по сути, и не было. В нынешнем беспределе все свалили бы на уголовников.

Сценарист кивнул и после паузы заявил загадочно:

- Значит, он боится самих мертвых.

- Привидений-явлений?

- Плоти, на которой остались какие-нибудь знаки.

- То есть?

- Следы пыток, необычного способа убийства, что может навести на маньяка.

Я ощутил укол (укус) в сердце. Бедное, обезображенное дитя, слава Богу, что я тебя почти не помню. Отдышавшись, вымолвил:

- Умозаключение ваше не лишено смысла.

- Не лишено, - подтвердил Василевич хладнокровно. - Иначе зачем прятать?

- Но тут действует не серийный убийца, нет, он хорошо знал Любавских.

- Из чего это следует?

- Жертвы в ту ночь пребывали в разных местах: сын в Молчановке, Викторину я доставил на Плющиху.

Сценарист отвернулся, повозился в бардачке, закурил; теперь мы подглядывали друг за другом в зеркальце. Если глаза - зеркало души, то она у него как сизая льдинка. Он выдавил:

- Что-то в этом есть... ужасающее. Протяженность во времени и пространстве

состояние аффекта, так сказать, расхолаживает, разряжает. Но если преступление планировалось заранее, то почему выбрана именно эта, с целесообразной точки зрения, «неудобная» ночь?

Последняя ночь Любавского в загородном доме: «Вчера закончили, с рабочими рассчитались. Из-за них тут и торчал, сегодня же отбываю». Последняя ночь в одиночестве: домочадцы спроважены в Москву. Однако Самсон все переиграл, и вместо него у компьютера остался Ваня. Обстоятельства цепкие, но пока не проясненные; и делиться своими смутными соображениями с Львом-Васькой я не собирался.

- Да, непонятно, нет у меня ответов. Обратимся на минутку к вашему творчеству.

- По-моему, эту тему мы в прошлый раз исчерпали. Я не настолько самоуверен, чтоб считать свой замысел гениально-уникальным. - Сценарист самолюбиво поморщился. - Совпадение - да, уникальное, но в принципе возможное.

- «Душа поэта, осуществляющая связь времен», - процитировал я... уж не знаю кого из сценаристов. - У Виктории была связь с мужчиной.

- С кем конкретно?

- Она сказала мужу: со мною.

- Сочувствую. Женщина необычная, пленительная.

Эге, мой эпитет повторил: пленительная.

- Про меня она солгала. И тот эпизод, когда необычная женщина напросилась к вам в компанию, кажется мне надуманным.

- И я солгал?

- Я не сказал: придуманным, но для нее нехарактерным. Она не нуждалась в провожатом, в клубе было полно ее знакомых. Или вы для нее больше, чем знакомый, или кто-то из вашего окружения.

- Тот, кто залез ко мне в компьютер, - с усмешкой констатировал сценарист. - Идея фантастическая: надо знать мой абсолютно секретный пароль.

Тут кстати поведал я вкратце историю секретного пароля Самсона - как ловко разгадал его богатый бомж (историю, конечно, абстрактную, без имен, без «ключа» - «Клеопатра»). Василевич мрачно задумался.

- Таких ловкачей среди моих знакомых нет, - наконец процедил.

- Вы бы предложили на главную роль Бориса Вольнова?

- Господи, он не сообразит, на какую кнопку нажать, не то что пароль угадать!

- Да я не в этой связи спрашиваю.

- На роль - да, годится.

- А не Виктора Гофмана?

- В голову не приходило. - Льдистые глаза в зеркальце мигнули раз, другой, прикрылись веками, но что-то успело отразиться в

них...мгновенное смущение или - пуще - страх? Следующую свою реплику мне пришлось повторить дважды:

- Он слышал о вашем проекте, даже выучил текст.

- Мало ли кто слышал. - Василевич распахнул очи, вновь сосредоточился. - Я ж разговаривал, в общих чертах, кое с кем из режиссеров. Но если вы решили, что Виктор спал с Викторией...

- Отпадает, знаю. Просто я подумал, не он ли тот самый, первый ее «претендент».

- Почему именно он? Алчущих актеров сейчас - да и всегда - как собак нерезаных.

- Виктории был нужен лучший.

- Потому что «Мефисто» вместо Боба оторвал? - Лев-Васька уставился в боковое окошко, глаза из зеркальца исчезли; пауза; развернулся ко мне, просверкав серебром костюма из триллера (из спортклуба). - Вспоминал фильмы с его участием: придурок этот в руках режиссера воск. В принципе вы правы, они по-честному могли бы потягаться.

Как и два сценариста? - подумалось. Занятный квартет профессиональных соперников, свита Клеопатры, где каждой твари по паре. Нормально, обычная стервозная атмосферка пред-съемок и съемок - клубок столкновений, самолюбий, интриг - и все-таки необычная в свете (мраке) бесследного исчезновения режиссера.

За железно-узорчатыми прутьями калитки мотался милый Сатрап с кровожадно оскаленной пастью; на открытой веранде бледной лилией возникла мать, прищурилась на низкое солнце, вглядываясь. «Ирина Юрьевна!» - заорал я сквозь лай и рык. - «Их нет!» - невразумительный нервный ответ. «Где они?» - и я впал в тот же телеграфный стиль. - «Илюша в Москве, Лелечка в магазине!» - «Можно ее подождать?» - «Ждите!» - «Войти!» - уже взревел я, и она сдалась. «Фу! Свой!» Последний зубовой щелк и тишина. Мы уселись в дачные кресла на веранде, откуда хорошо просматривались подходы к дому (калитка и ворота).

- Вы внесли раздор в наш дом, - проговорила хозяйка быстро, вполголоса, в сторону; характерная особенность прелестной этой дамы - я еще в прошлые разы заметил - избегать глаз собеседника. Сатрап же, прижавшийся к ее коленям, напротив, следил за мной чревоугодно.

- Поверьте, не по своей воле. Исчезли, возможно, убиты очень близкие мне люди.

- Вы разве Любавским родственник?

- Ваня - мой сын.

Не то чтоб я сознательно сыграл на «материнской струне», как будто нечаянно

вырвалось и дало эффект: круглые, как у дочери, птичьи очи сопряглись с моими - на секунду, но я успел засечь испуг, даже ужас...

- Нет, правда?

- Правда.

- Вы собираетесь мстить?

- Убийце? Так далеко я не заглядываю. - я сказал правду - азарт охоты заслонял цель - и вдруг ощутил инстинктивную ненависть к таинственному монстру; но не приоткрылся, продолжая в чувствительном ключе: - Надо сначала найти и похоронить их.

- Вы - смелый человек.

- А кого мне бояться? Скажите - кого?

- Смерти. Увидеть в какой-нибудь яме их изуродованные трупы...как потом жить с этим духом разложения?

- У вас болезненные реакции.

- Нет, я бы лучше осталась в неизвестности и всю жизнь ждала.

- Вы женщина, а мужчине я сказал бы: трус.

- Да, я трус. Если вы думаете на мужа...он обожал ее.

«Что как раз против него и свидетельствует, - явилась закономерная мысль.

- Обожание, как любая разновидность страсти, может вмиг оборотиться своей противоположностью - отвращением». Вслух же спросил:

- По какой причине я стал бы подозревать вашего мужа? (она молчала, глядя в подстриженный сад) Ирина Юрьевна, вам, конечно, нелегко живется между Содомом и Гоморрой...

- Что?

- Образно выражаясь.

Она слабо засмеялась, я захохотал - нервная разрядка напряжения.

- Нет, серьезно, ваши домочадцы - какие-то пороховые бочки, они на вас катят, катят... гляди, задавят.

- Да нет... я люблю их.

- Вам уже известно, что у Лели с Ваней было свидание в субботу?

- Я слышала... вы так как кричали втроем в кабинете.

Мягко уточним: прислушивалась; не так уж мы и кричали.

- Они ведь случайно встретились.

Придется разбить иллюзии, а девчонку, с такой кроткой матерью, я не подведу.

- Уверен, вы умеете хранить секреты.

- Да.

- Что делала Леля, вернувшись тогда с собачьей прогулки?

- Мы с ней смотрели телевизор.

- До которого часа?

- В полдвенадцатого она ушла спать.

- Нет, она ушла к Ване. Не возражайте, я знаю от нее. Это, конечно, секрет.

- Леся Бог знает что может наговорить в пику отцу!

- Они ненавидят друг друга?

- Что вы, наоборот! Но ваше сравнение с пороховыми бочками удачно.

- Тогда такой вопрос: как своим признанием она может повредить отцу?

Птичий взгляд метнулся испуганно и ускользнул

- Не навредить, вы не поняли! Назло изранить его чувства к ней.

- Это уже произошло. Вы, так сказать, взлелеяли его иллюзии насчет дочери и вот расплачиваетесь.

- Они теперь все такие, - прошептала мать с горечью, - злые, издерганные.

- Дети новых богачей тоже платят налог на прибыль...

Она перебила:

- Новых нищих, Николай Васильевич, мы нищие.

- Ваш Илюша выкарабкается, если...- я вовремя заткнулся.

- Если что?

- Если энергично возьмется за дело, - концовка фразы скомкалась в глупое наставление, ведь чуть не ляпнулось: если «срок» не схлопочет или «вышку» за Викторину с сыном. - Илья Григорьевич приехал в прошлую субботу неожиданно?

- Да, за какими-то документами.

- Во сколько?

- Где-то в районе двенадцати...после двенадцати.

Буквально повторила мужа, ну да, «прислушивалась».

- Вы, конечно, безумно расстроились.

- Из-за чего?

- Как! Разве муж не сказал вам о банкротстве?

- А, ну да.

- И сразу вдвоем отправились в комнату дочери пожелать ей спокойной ночи?

- Не то чтобы сразу...

- Но помилуйте, первый час, Леля в поддвенадцатого спать ушла, вы только что узнали, что стали нищими, по вашему выражению...какие уж тут спокойные пожелания! Да и выросла она из колыбельной песенки. Ирина Юрьевна, сознайтесь, вам нужно было проверить, дома ли дочь.

- Она спала.

- Она только что от Любавских примчалась, притворилась спящей. У кого возникла идея проверки?

- Господи, «идея проверки»! - Дама зябко, как дочь, передернула плечами. - Как вы странно выражаетесь.

- А вы странно себя ведете. Любавские дали слово, что в субботу Ваня уедет в Москву, и Илья Григорьевич им поверил. Раз. Два: вы оба в отчаянии от краха «Фараона»...

Она перебила:

- К чему этот допрос?

Я спросил шепотом:

- Он видел Ваню, да? Без двадцати двенадцать в кабинете Самсона.

- Нет!

- Я ж не говорю: убил...

Последнее слово ее будто подбросило, она вскочила, ротвейлер зарычал, лязгнула калитка, возникла Леля в шортах, крича еще издали:

- О, сам сыщик, какая честь! Убийцу поймали?

- Ловлю.

- В нашем доме?

- Леля! - материнская (неудавшаяся) строгость в голосе. - Отнеси на кухню продукты и не возникай, у нас с Николаем Васильевичем конфиденциальный разговор.

Девчонка шваркнула на хлипкий столик матерчатую сумку (Сатрап, отвлекшись от меня, ринулся обнюхивать) и заявила со смешком:

- Шуры-муры завели? Фигли-мигли устроили? - словечки выбраны старомодные, для нас, престарелых. - Нет, не уйду!

- Хорошо! - Ирина Юрьевна очевидно на что-то решилась. - Этот господин обвиняет твоего отца в убийстве Вани.

- Ух ты. Вот это крутизна!

- Ирина Юрьевна преувеличивает. Я пока еще...

- Во сказанул! «Преувеличивает»... убил-недобил?

В наступившей паузе мы втроем невидяще глядели, как Сатрап терзает сумку; хозяйка, спохватившись, вырвала ее с возгласом «Фу!» и скрылась в доме; на миг уловился скорбный слезный взор. Я не сдержался, рывкнув:

- Перестань кривляться! Неужели тебе ее не жаль?

Она плюхнулась на материнский стульчик, закинула ногу за ногу и задумалась. Я прошипел:

- Вы с папашей доведете ее до больницы.

- А зачем она все терпит? - быстрый шепоток. - Унижается перед ним?

- Любит, дура! Ты-то хоть не унижай.

- Он правда убил?

Любопытство. В гордом своем отъединении ото всех я и не заметил, какие бесчувственные твари повыврастали. Было больно ощущать чужую боль, слышать страдание тут, рядом, за неплотно прикрытой дверью.

- Иди попроси прощения... пожалуйста! А потом меня немного проводишь.

- Это надо для конспирации, да?

- Иди, а то убью.

Ротвейлер (вот тварь простая, неизвращенная) прочно уселся на верхнюю

ступеньку, глядя на меня с чувством: не то что уйти, шевельнуться страшно. Взрывы восклицаний, рыданий в семейных недрах... Слава Тебе, Господи, не обременил Ты меня... еще как обременил - стукнуло в голову - у тебя был сын, и его кто-то убил! «Вы собираетесь мстить?» - «Собираюсь!» - беззвучно взревел зверь во мне, тут и она явилась с ангельски-невинным лицом. А я должен, обязан ее подловить - какая, однако, гнусная роль! - заставить ее родителей заложить, семейные тайны раскрыть... Ну и что? Ну а если это тайны убийства?.. Мы пронеслись за калитку, и пес заскулил оскорбленно вслед, не взяли на гулянку.

- Ишь, какого телохранителя к тебе папочка приставил.

- Это мой френд.

- «Дружок» еще тот. Они тебя как маленькую баюкают.

- Уж прям!

- Ну знаешь, только к малолеткам в спаленку заходят пожелать спокойной ночи.

- Кто вам такую глупость сказанул? - возмутилась простодушная школьница. - Все эти «сю-сю» я еще в детстве пресекала.

Не сомневаюсь, они удостоверились в ее присутствии. Зачем это понадобилось в столь неуместное - призрак банкротства, позор нищеты - неуместное время? Ответ сам собою напрашивается.

- Когда ты подходила к дому Любавских...

- Когда?

- Шестого ночью. Ты увидела там отцовскую машину?

- Нет. Разве там папа был?

- А чем ты пригрозила ему в прошлый раз, а? «Смотри, пожалеешь!»

- Подслушивал? Иди ты, дядя-шпик, на фиг!

Нет, не выдаст, все-таки она нормальный ребенок. Упустил я момент, отослав ее к плачущей матери.

- Не уходи! Еще минутку!

- И не собираюсь, мне жутко интересно.

Мы стояли на углу «проспекта» в реденькой тени тополя; сердце сжималось от вечерней духоты, а она ловила обеими руками нежнейший, легчайший пух.

- Хорошо, его там не было. Но кто-то был, кроме Вани, ведь не он выключил компьютер.

- Может, я ошиблась, может, он, - выпалила Леля; ага, старается обрести взрослую осторожность.

- Нет, детка, ты б не убежала со страху и не притворялась бы спящей, когда тебя родители проверяли.

- Вам мама сказала?

- Папа. Мама подтвердила. Вот сообрази: к чему эта проверка? Илье Григорьевичу было твёрдо обещано, что в субботу Ваню сошлют в

Москву. Он поверил, субсидировать фильм не отказался.

- А если он мимо дома на машине проезжал и тоже видел Ваню в окне?

- На таком расстоянии и при таком слабом свете?

- Ну, не знаю!

- Чего же ты тогда испугалась? Чье присутствие обнаружила?

- Ничье.

- Ощутила, уловила подсознательно...

- Я боюсь.

- Подвести отца?.. - У меня вдруг вырвалось: - Ужасно, что я тебя об этом расспрашиваю!

- Это было ужасно.

- Что? Что именно?

- Мертвец.

19

На вечеряющей лужайке, где ажурные стулья, ждущие дачников, и стол с полосатым куполом, ничком лежала женщина. Распущенные темные волосы, синее платье в белый горошек. Почудилось - в нервном моем переутомлении - Вика. Кажется, я ахнул, больная быстро перевернулась навзничь... Да, сегодня ей гораздо легче, обострение прошло, она смогла искупаться и даже постирать свои ало-зеленые одежды «из вторых рук». Ай да

плейбой Вольнов, ай да сукин сын, чудеса творит! А это старое платье Вики, из дачного барахла. Да, да, помню, редкие наши, случайные встречи все помню - лет пять назад, на подходе к киностудии Горького, возле Мухинской колхозницы с рабочим, она куда-то спешила, я тоже, разошлись, я оглянулся: целеустремленная маленькая фигурка, милый горошек - так и запечатлелось на пленке памяти.

- Я вас в дом отнесу?

- Я уже могу сама... Давайте еще немного в лесу побудем.

Я кивнул, сел на стульчик, на минуту закрыл глаза - в мозгу мельтешенье лиц, слов, сказанных и несказанных, и еще надо приноровиться к новому образу молодой женщины с влажными волосами, как будто вместе с вызывающим нарядом убогой она сбросила прежнюю кожу.

- Самсона видели? Что он говорит?

- Всех видел, все что-то говорят и скрывают, а муженек зреет для полного признания - вот-вот созреет, если с ума не сойдет.

- Значит - он?

- Если б не компьютер (некорректное выключение) - стопроцентно. И помешался он еще в прошлую среду - от «укуса в сердце», так сказать. Впрочем, в воскресенье, может по инерции, выглядел обычным нервным занудой.

- Или заледенелым, - уточнила она. - Убийство - акт, леденящий душу.

- И постепенно «заморозка» оттаивает, хотите вы сказать? Возможно. Это он позвонил мне в 3.15 ночи и сказал ту трансцендентную фразу: «Не ищите мою могилу, ее очень трудно будет найти».

После паузы, которую мы выдержали глаза в глаза, больная пробормотала:

- Конечно... конечно, не Ваня!

- После звонка, весьма вероятно, Самсон отправился в Молчановку.

- Он правда помешанный?

- Без комментариев, как говорится. Самсон подтвердил мою догадку (про святого и императора узнал от Вани), умчался к себе - мы во дворе с ним сидели - дверь не открыл, затаился.

Танюша сказала сурово:

- Пусть перебесится, за свою шкуру трясется.

- У меня возникло такое же впечатление. «Может, меня хотели убить?» - вот что его тревожит.

- Самсона? Кто хотел?

- На меня покатило: «ты отвез ее из клуба в Молчановку!» Прозрачный намек: с больной головы на здоровую.

Она свернулась калачиком, изредка вздрагивая.

- Танюша, я не видел их обоих тыщу лет, не бойтесь меня.

- Не вас. Зло. Мы на земле заблокированы злом.

Чтобы вернуть ее на землю, я поинтересовался:

- А почему, собственно, вы так во мне уверены? Я с ума сходил по вашей сестре.

- Не сошли.

Какое-то время мы пристально смотрели друг на друга. Я сказал:

- Самсон придумал план убийства жены и Вани. Есть свидетельство.

- Господи! Он признался?

- Проговорился. Иногда он будто впадает в бред, будто не по своей воле выдает подсознательные душевные импульсы. Фиксация на болезненной идее: трупы. где трупы? Будто забыл, где захоронил.

Танюша сосредоточенно, трижды перекрестилась. Я подытожил:

- В сущности, его уже можно сдавать «куда надо», «тепленького» быстренько расколуют.

- Подождите.

- Жду. И вот почему: расколоть-то расколуют, да вдруг не тот орешек.

- Вы сказали: есть свидетельство.

- Показания Кристины Каминской: еще в среду Самсон разработал этот план.

- И выдал его первой встречной?

- Выдал себя намеками - странно, но возможно в состоянии аффекта.

- Так слабые люди облегчают душу.

- Да. Она привела наблюдение из практики психоанализа: творец сублимирует убийственные порывы в художественные фантазии. После жестокой ссоры с женой сценарист бросился к компьютеру поработать над сценарием, «отвлечься», он сказал. А по душевному настрою - расстройству - вернее предположить: не над сценарием, а над чертовым планом.

- И зафиксировал его в компьютере?

- Вполне вероятно, он этой игрушкой одержим.

- И кто-то с планом ознакомился?

- Если Самсон еще не ввел пароль - что тоже вероятно, ведь только вечером той среды выяснилось: Ваня по-тихому поигрывает в «преферанс». Возник пароль, а план, конечно, испарился.

- Но до вечера мальчик мог его обнаружить! - закричала Танюша. - И он убит? Или...есть надежда?..

- Нету. Это главная тайна - план, наверное, исполнен, но по-другому. Время и место действия выбраны не Самсоном. Понимаете? По плану преступление надо свалить на банду, действующую тут в окрестностях. Но в субботу к ночи и Вика, и Ваня должны были находиться в Москве. Допустим, Самсон

заметил из машины парочку школьников, вернулся, проследил за Ваней... Но - соседский котик запросился домой в одиннадцать часов!

- А помните, у Самсона в воскресенье отставали часы?

- Да соседка как будто сверила время со своими. Самсон, конечно, понимал, что в случае чего ее допросят...не думаю, чтоб он так глупо и нагло соврал.

Помолчали, она сказала тихо:

- Но ведь не доказано, что Ваня убит в 23.40.

- Его подружка уверена. И компьютер этот проклятый кто-то грубо выключил.

- И все-таки трудно издали рассмотреть...

- Вы послушайте! - Я собрался с духом. - Голова запрокинута, неестественно свернута набок, челюсть отвисла, рот оскален... По описанию, признаки удушения.

Танюша плакала беззвучно, не шевелясь, кажется, сама не замечая своих слез.

- Самсон составил такой план?

Опять той утренней смрадной волной накатило на меня отвращение - до тошноты, до удушья, шершавого кома в горле - я сидел, прикрыв веки, боясь шелохнуться; в глазах стоп-кадром застыла светлая июньская ночь, в которой затаилось чудовище; вот изображение (яркое, как галлюцинация) вздрогнуло, шевельнулись ветви, тихонько откликнулись плиты на осторожные шаги, появилась

девочка, остановилась, слабый свет в окне наверху погас, повернулась, побежала, «проспект», поворот, заколдованный лес с домами-мухоморами, перемахнула через железную ограду, верный телохранитель признал и не залаял, бесшумно раздвинула створки заранее открытого окна, шелест одежды, скрип кровати, с головой под одеяло, замереть от ужаса или заплакать, или взмолиться - и тотчас притвориться, уловив знакомые шаги, приглушенные голоса, промельк света из коридора...

Я с усилием открыл глаза.

- Таня, вы боитесь смерти?

- Очень. Я к ней не готова.

- У вас-то какие грехи?

- Очень, - ответила невпопад, «ушла»; с ней надо говорить о совершенно конкретных вещах, иначе она уходит в свой особый непроницаемый мир.

- Очень много? - Она кивнула, я усмехнулся. - Вы остались в Молчановке подлечиться?

- Я не хотела.

Я вспомнил слова Савельича.

- Надеялись, само пройдет?

- С Божьей помощью.

- Не помог, значит?

- Это дерзость - ждать чуда. Да кто я такая?

- Обычно мы недооцениваем такое распространенное человеческое свойство, как

глупость, - я хотел сбить экзальтацию, но перестарался. - Простите, Танюша, вы умны.

- И глупость, вы правы.

- Простите.

- Не за что, - она пришла в себя, «сюда». - Помог, как же! Во-первых, я встретила вас.

- Бориса Вольнова.

- Да, благодаря вам.

- Он правда излечивает?

- У него необыкновенные руки.

- Вам это множество женщин подтвердит, уверен. Прошлогодний секс-символ России...

- Это неинтересно, Николай Васильевич, мне уже неинтересно.

- Да ну! Молодую женщину не волнует молодой красивый мужчина, каждый день тут ее ласкающий? Ни за что не поверю.

- Как хотите. Но я уже все пережила.

- Вы пережили страдания, это не все...

- И любовь, знаете, я вас любила, давно, и так сильно, до смерти.

Господи, как она меня поразила! Не «любовью» даже, а полным равнодушием - нет, добродушием, - с которым о любви этой было сказано. От волнения - не скрою - я принялся подсчитывать: да, давно... ей шестнадцать было, как местной нимфетке, когда мы с Викторией встретились и потеряли голову (или головы - как правильнее?..)

- Зачем ты мне про это сказала?

Танюша улыбнулась нежно, застенчиво - и я вдруг вспомнил ее, ту, прежнюю...

- Так, молодость вспомнила...не к месту. - И она вернулась к теме, действительно ее волнующей. - Значит, Самсон составил план - и девочка увидела мертвого Ваню.

Тут и я очнулся и переключился.

- В вашей эффектно сформулированной фразе отсутствует центральный момент, кульминация: между «планом» и «трупом» пропасть.

- Само преступление! - воскликнула Танюша.

- И здесь на сцену вступает второй (после Самсона) по важности персонаж - обанкротившийся банкир.

Мы разом вздрогнули. Шорох, шелест, голос... мужские голоса: из зарослей возникли... всего лишь Савельич с узелком и Танюшин массажист.

20

Савельич сразу выложил последние новости: под утро в Молчановке была облава, наверняка охотились за той легендарной бандой! Но взяли всего лишь троих нищих из дома напротив - ну, недостроенный, помните, конечно? - они там ночевали, устраивали оргии. Оргии? Песни с водкой у костра. Это очень интересно, давно они тут обосновались?

Говорят, с неделю уже, но кто-то из соседей на них донес. Соседские дома, кажется, пустые. Словом, донесли. Но Савельич, под нажимом Танюши, дал взятку кому надо в отделении, и нищих отпустили. И куда они делись? Ушли куда-то. Поторопились вы со взяткой, возможно, упустили свидетелей.

Савельич расстроился, а Вольнов попросил (джип на техосмотре) подвезти его в Москву и удалился в дом с женщиной на руках, ступая мужественно и твердо, как на рекламном ролике: герой с героиней зазывно заржут и примутся жевать «марс» для поправки потенции... Вот так грубо, вульгарно позавидовал я молодости. Между тем Стариканыч разложил на пластмассовом столе под тентом свой жалобный узелок, и мы принялись жевать (в погоне за монстром забывая про еду), жевать черствый хлеб.

Ужин миллионера - вот как можно одичать в алчности! «По примеру Танюши усмиряю плоть», - ответил он на мою мысленную укоризну. - «Женитесь». — «Боже сохрани, нет!» - «Власяница, говорят, и вериги помогают», - «Я-то готов, но она говорит: надо брать подвиг по силам». - «Слушайте, компьютерщик, вы к психиатру не обращались?» - «Обращался, к двум. Денег выманили тьму, но не помогли». - «Да какой же грех вы искупаете?» - «По моей вине погибли жена с сыном». - «Вас судили?» - «Вина

нравственная, за которую тут не сажают». - «А, вы боитесь суда загробного». - «Боюсь, что не попаду в то место, где они, и вечность проведу без них. Вот почему я должен умереть праведником». - «Или мучеником», - мрачно пошутил я, но лишенный чувства юмора чудак не обиделся. «Я рассматривал и этот вариант, но его не просчитаешь». - «Может, ваши водочные конкуренты просчитают». - «Ну, знаете, на это уповать...» - «Получается, у вас один скорбный путь: отдать доллары бедным». - «Пока не могу, но я дал обет: когда Танюша излечится и мы с ней уйдем в паломничество...» - «Куда?» - «По Святой Руси, Она одна хотела, но я ее уговорил». - «Странствия тоже требуют средств». - «Вот то-то и радость, что бесплатно, пепочком, хлеб - отрабатывать». - «А если она передумает?» - «Она - нет!»

Его торжественная уверенность позабавила меня, но детский этот проект заинтересовал, и уже по дороге в Москву я про него рассказал Вольнову. Проверить реакцию блестящего плейбоя.

- А я знаю, - охотно откликнулся он. - Оригинально, я б сам из нашего дурдома сбежал.

- Так в чем дело? Вы вдвоем с Ритой Райт по буеракам, конубрям и сугробам...

- Это зрелище! Нет, Танюша - единственная в своем роде, юродивая...

- Не выдумывайте!

- Ну, как сказать... отрекшаяся от мира. Я таких женщин не встречал.

- А сознайтесь, вы же «коллекционер»: заманчиво соблазнить монашку.

- Не пробовал. Вы советуете?

Впору заподозрить тонкую иронию, но тут Вольнов заржал, как жеребец, то есть встал в подобающее себе стойло, и я успокоился.

- А серьезно, - продолжал он, - никто мне не нужен, кроме Риты.

- Отгулялись, значит?

- Четыре месяца, как на «Страстотерпцах» познакомились, боялся признаться, представляете? Как мальчишка, - говорил он доверчиво и искренне, и стало противно мне на себя за дешевенький свой цинизм. - Сначала взбесился из-за «Мефисто», а потом...сижу на бульваре, бродяга душу изливает, сижу и думаю: «На кой мне эта чертова премия сдалась, если у меня есть любовь? А есть ли? А вдруг опоздал?..» Бродягу бросил, в клуб примчался, ничего не помню - только ее лицо.

«Огонь, мерцающий в сосуде», - и мне вспомнилось.

- Она сразу согласилась, когда я тихо спросил: «Гретхен, будешь моей женой?» - а мне до сих пор не верится.

Понятно, эти дети («актеры - вечные дети», - сказала Рита) боятся друг за друга, ревнуют, и

говорит он мне «про это», чтобы предостеречь: не лезь - что и будет исполнено. Больше к пленительной звезде - ни ногой!

- Что ж, такой свежести чувств можно только позавидовать.

- И я раньше так думал: поздно, Бобик, поиздержался в дороге. Нет, Николай Васильевич, никогда не поздно. Ладно, с лирическим отступлением покончим. Как там наши дела?

- Вот о чем, Борис, хотелось с вами посоветоваться...

Я притормозил на «красный» у светофора, толпа ринулась на мостовую; две хохочущие девчонки, Лелины сверстницы, налетели на капот, вдруг засекали сквозь стекло самого Бориса Вольнова и обмерли от восторга. Боря обаятельно заулыбался, взмахнул загорелой рукой. Двинулись.

- Нелегко жить в атмосфере всеобщего обожания?

- Киноактеру оно необходимо как воздух. Так о чем вы хотели посоветоваться?

- Ваш друг Василевич способен на плагиат?

- На что? - удивился актер.

- Использовать чужой замысел для экранизации «Египетских ночей».

- Что значит чужой - пушкинский?

- Ну, некоторые ходы в кинематографическом исполнении: перенос

действия в наши дни, чередование древних и современных сцен...

Вольнов перебил:

- Делов-то! Идея не нова и сама напрашивается. В театре Гамлет давно в джинсах ходит, и в кино классические камзолы в новенькие пиджаки перелицовывают. Вон и Любавский додумался.

- Я про обоих сценаристов и толкую.

- А! - сообразил Вольнов. - Но ведь они едва знакомы.

- В том-то и дело. Роковые совпадения в нашей ситуации, нехорошие.

Смуглое, смелое лицо омрачилось внезапной мыслью.

- Это намек, да? Сценаристов тайно соединило что-то... кто-то.

- Bravo, Боря! Кто-то. Кто, по-вашему?

- По-моему, Васька никогда не упоминал про Викторию Павловну.

- Вы же сами заметили: тайное единение. Василевич что-то темнит, но я надеюсь его расколоть.

- Ну, не знаю... Во всяком случае, замысел он не крал, мы его вдвоем придумали.

- Вдвоем? - недоверчиво переспросил я.

— Я не глупее некоторых. - Борис явно обиделся. - А что Лев говорит?

- Сам придумал.

- Аристократы духа, а? Вообще, - добавил, поразмыслив, - и у актеров самолюбие бешеное.

- Расскажите, как это было, когда,

- Кажется, в марте. Я к нему заехал, на какую-то тусовку собирались... да, он читал Пушкина. Шедевр, говорит, можно слепить, ну, и я загорелся. Правда, все уже было: «Клеопатра» голливудская была, наши «Маленькие трагедии». Меня осенило: ремейк своего рода, заход сюда, на костюмные фильмы публика не так клюет.

- Ну, не скажите. Какие-нибудь «Парижские тайны»...

- То дешевка. А то - вечность, универсальность, эзотерическая загадка мистерий.

Во какие словечки секс-символ знает!

- В костюмных мало, как бы сказать... нерва, понимаете? А сакральные сцены можно как раз оставить по контрасту, для колорита, такая стилизация.

- Да вы профессионал!

- Не, двух слов связать не смогу. В общем, я свои соображения высказал и уехал, а он остался работать.

- И вас не удивило, что в воскресенье Любавский говорил, в сущности, о том же самом?

- Да ну, он правду сказал: идеи носятся в воздухе. Я уж забыл (вы сейчас напомнили) о

том разговоре с Васькой, я ж не писатель. Какая разница - кто? Главное, кто деньги на фильм достал.

- И кто роль получил, правда?

- Точно! Но почему Лев про меня скрыл, это ж его реабилитирует.

- В смысле плагиата - да, но это такая мелочь по сравнению с убийством.

Вольнов аж отшатнулся, ударившись натренированным плечом об оконное стекло. По напряженным чертам заметно было, как совершается мыслительный процесс в неизбалованной мыслями голове.

- Не сходится! - наконец заявил. - Стал бы Васька претендовать на первенство при таких обстоятельствах, он бы изо всех сил свою тайную связь с Любавской скрывал.

- Вы бы эту связь и обнажили.

- Я? Как?

- Как сейчас. Именно вы могли бы заметить любопытное сходство замыслов и обратить мое внимание на это. Василевич забежал вперед.

- Ну, это чересчур хитро для меня.

«Но не для сценариста», - уточнил я мысленно.

- Вы всерьез думаете, что Лев убийца?

- История до ужаса серьезная, Борис. Вот вы проговорились про вашу общую с ним забаву: коллекционирование женщин.

- Уж и пошутить нельзя? Все в прошлом, по молодости побесились и перебесились. Я, например, женюсь.

- А он?

- Разводится. Все как у людей.

- А из-за чего, не знаете?

- Конкретно - нет. Думаю, просто надоели друг другу. Она - «Марфа», как он обзывал.

- В каком смысле?

- В евангельском. Ну, курица, все для дома, для семьи.

- А, знаменитый эпизод в доме Лазаря. Значит, ему нужна была духовная Мария?

- Черт его знает. Лев - человек непростой, угонченный, модернист... или постмодернист, я всегда путаю. Словом, творит «под балдой».

- Марихуана? - воскликнул я.

Вольнов опасливо покосился.

- Кажется, я сбрендил... Чего вскинулись-то? Теперь в кипучей нашей буче кто пьет, кто извращается, кто колется.

- А вы?

- Не, пробовал - неинтересно. А вы?

- Не пробовал, но тоже неинтересно.

Мы слегка рассмеялись, я - напряженно, киноактер - беспечно и провозгласил дурашливо:

- Соитие с духом света! (Реплика, должно быть, из какой-то заумной пьесы). А что вам интересно, Николай Васильевич?

- В данное время - кто убил Викторию и Ваню.

Чистое чело опять омрачилось.

- Итак, под какой же «балдой» творит сценарист?

- Только между нами. Кокаин.

- Вы отдаете себе отчет, под каким углом теперь просматривается преступление? Все странности, несообразности можно объяснить невменяемым состоянием убийцы.

Вольнов испугался.

- Только в процессе творчества! Что я, Ваську не знаю? По жизни не употребляет. Только в искусстве.

Как сказал я Кристине: «Главные действующие лица - люди искусства». И как бодро она подхватила: «повышенная эмоциональность, экзальтации, галлюцинации... Я рассуждаю теоретически - о почве, на которой могло быть совершено преступление. Вы же не станете отрицать, что Виктория привлекала мужчин творческого типа?»

Голос Вольнова донесся сквозь гул мотора:

- Все равно не понимаю, за что сценаристу убивать режиссера.

- А мужчине - женщину?

- Пусть так. А вашего сына за что?

Заметив мой изумленный взгляд, актер выразительно почесал затылок - ну прямо жест

тугодумного ковбоя (из серии «отличные ребята - плохие парни»).

- Кажется, я сегодня играю роль придурка.

- И у вас неплохо получается, - проворчал я беззлобно; в сущности, его простодушие было мне на руку. Вывод: никому в моем расследовании безоговорочно доверять нельзя, даже Танюше. Но и хранить тайну она мне не обещала, оправдал я ее. И вскоре в парных прелестных сумерках доставил ковбоя к его невесте. Притормозивши возле огромного дома с витриной спортивного магазинчика и аркой советского «большого стиля» - с желтыми статуями ученого с глобусом и циркулем в руках, устремленного в небеса, и шахтера в каске и маске, торопящегося в земную пропасть. Между статуями открыто-бесстыдно обнимались двое юношей, какие-то содомские клоуны в американских голубых комбинезонах. Секс-символ России прошел меж ними, как таран, пошевелив руками, - близнецы-братья разлетелись в разные стороны и, ударившись о постаменты, бессильно осели на тротуар.

Двор пуст, декорации уже в потемках, фонарь зеленеет в листве, неисправная лампочка в железной сетке над козырьком мигает - спецэффекты к драматической

исповеди мужа наготове - темный зев подъезда, и окна темны. Начало двенадцатого, для интеллектуала, да еще угнетенного чувством вины, самое исповедальное время, небось скулит на груди у Кристины. Но сердце - измученное жарой и внутренним жаром сердце мое! - трепетало: проверь.

Прокрался на ощупь на второй этаж, позвонил. Шорох не за дверью, а за спиной, я развернулся и наткнулся руками на человека, вдавившегося в угол площадки.

- Самсон, ты?

Он оттолкнул мои руки, прошипев:

- Я собрался уходить.

- Куда? К месту захоронения?

- Шутить изволите?

- Следовательно с тобой пошутит. Чего прячешься? Из окна меня увидел, а? Под фонарем?

- Я собрался уходить...

- Успеешь, сначала поговорим, или я немедленно отправляюсь в местное отделение.

Сценарист сдался, проникли в кабинет, вспыхнула настольная лампа, озаряя пестрые переплеты (Пушкинские - золотые буквы по темно-синему полю) и нас - до лиц, лица в падающих светотенях плафончика; я слегка повернул его, высветив напротив срезанный подбородок и тонкие язвительные губы.

- Допрос по всем правилам. - Самсон усмехнулся. - О чем разговор?

- Об убийстве Виктории и моего сына.

Не дрогнул, з н а е т и держит себя в руках, оклемався, значит, после утренней истерики.

- Я хочу, по возможности, полно восстановить твою роль в преступлении.

- Роль убийцы, - рот опять изогнулся в усмешке, обнажив зубы «вампира».

- Не исключаю. Для вынесения твердого, так сказать, вердикта мне мешают два обстоятельства: выключенный кем-то компьютер в 23.40 и загулявшийся соседский котик. Если алиби искусственное, имей в виду: соседку расколют.

- Алиби натуральное, нечаянное.

- Тогда вернемся к среде третьего июня. Во время скандального пассажа Виктория потребовала развод, ты якобы согласился.

- Я согласился.

- Допустим. И придумал план убийства, который внес в компьютер. Только не возражай, утром ты, в сущности, признался.

- Признался в своем ужасе, но не в убийстве.

- Не спорю, даже готов поверить, что негативные эмоции излились в мечтах и грезах в течение работы над планом. Но вдруг после твоего бегства в Москву кто-то с ним ознакомился?

Самсон, не мигая, смотрел мне в рот.

- Ты же еще не успел тогда внести пароль в программу?

Он шевельнулся и опустил голову.

- Ход моих рассуждений верен?

- Черт бы тебя побрал! Черт бы вас всех...

- Никакой истерики! Мы с тобой сейчас занимаемся поисками истины. Ведь не ты убил?

После молчания он проговорил безжизненным голосом, от которого у меня мурашки по коже поползли:

- Я ее видел.

- Где? - первый попавшийся, не самый важный вопрос.

- В гараже.

Тут я сумел выговорить главный:

- Мертвую?

- Нет. Не знаю. Мертвую, - три взаимоисключающих ответа разделялись паузами.

- По порядку! - прогремел я, смирив собственный нетерпех на пороге поразительной тайны. - В чем заключался план?

- Прежде чем рассказать о нем, - заговорил вдруг сценарист размеренно, в стиле саги, - мне хотелось бы описать свое психологическое состояние в тот момент.

- Давай про состояние. В какой момент?

- Когда под грудью, где сердце, я увидел разноцветный укус - зелено-красно-черный, - мною овладел бес.

Ох уж эти исповедальные штампы в небогословском духе!

- Понятно, ты взбесился и решил отомстить.

- Не будь столь примитивен. (Боже, сколько высокомерия!.. И все же придется проникнуть в эти безумные дебри.) Это не расхожий штамп, я почувствовал нечто вроде зова извне, когда увидел ее отражение в зеркальном гардеробе и чье-то лицо.

- Чье?

- Не сразу сообразил, что мое собственное, но искаженное судорогой.

- Ты пытался задушить жену? - быстро вставил я.

- Не я, а бес, который просквозил между нами, разом распахнув раму окна и дверь напротив...

- Сквозняк?

Самсон не слушал.

-... проскользнул стеклянным солнечным зайчиком, озарив знак. Она прикрыла грудь левой рукой, я медленно подходил, пронзенный разрядом искр, она сказала: «Сон, мы теперь расстанемся навсегда». - «Я тебя убью», - сказал не я, а солнечный бес. - «Неужели ты меня так любишь?» Вопрос этот поразил и сбил, а Ваня закричал со двора:

«Пап, ты нужен, спустись!» Я крикнул: «Подождите!», захлопнул окно и дверь... в общем, сбился и обратился к ней «по-земному», на вторую букву алфавита: «Гра-та-та, кто он?» - «Не все ли равно? Нас давно уже ничего не связывает». - «А сын?» - «Ваня не твой сын». - «Кто он?» - «Помнишь Колю Смолина?» Послышался шум, уже рядом, в кабинете, Ванюшины шаги...

- Он слышал?

- По-моему, нет... не знаю. То, мистическое, уже кончилось, я предупредил: «Не входи, мать переодевается!» Она сказала тихо: «Уйди». Я и сам был рад ноги унести, но они не слушались. «Уйди!» И тихонько так, с жалобной издевкой процитировала: «Не ищите мою могилу, ее очень трудно будет найти». Это я и повторил тебе по телефону, как пароль «посвященному».

- Посвященному во что?

- В курс дела. Наконец сдвинулся с места, у двери обернулся: она держала в руках старое платье в горошек - опять бросился в глаза разноцветный синяк, словно ужалил... я выскочил и сказал Ване: «Насчет эмали решим завтра, у меня порыв поработать». Сел за компьютер, она вскоре вышла из спальни, спустилась, я слышал, как они внизу смеются, и все казалось: надо мной.

- И ты составил план.

- Как во сне, надо же было избавиться от солнечного беса, он дразнил, они смеялись...

- Ты запланировал убить обоих?

- Они смеялись надо мной! - он весь затрясся и очнулся. - Не планировал, нет, фантазировал в сильнейшем стрессе. Но самое интересное, - добавил в жутковатой задумчивости, - они и вправду, должно быть, убиты.

- Что ты нафантазировал?

- Ничего оригинального, апробированный в детективном мусоре ход. - Самсон рассмеялся. - Не тот плагиат ты мне шьешь, Пушкину я душу отдал...

- Солнечному бесу, - поправил я. - Что именно?

- По аналогии с подмосковными бандитами удавить электрическим проводом, кусок у нас в гараже валялся.

Сказано просто, без аффектации. Нет, он все-таки ненормальный. С другой стороны: не изживаем ли мы и впрямь в своих фантазиях (фантазмах - по-модерновому) - злобу, боль, страх? Одна сторона, другая, третья... Однако один Галилеянин человечество всполошил: за свои помыслы отвечаем, как за поступки. Вот этот, сидящий напротив, за помыслы ответит или за преступление?

- Где теперь этот кусок провода?

- Там.

- Где там?

- В гараже.

- Ты проверил?

- Да.

- Ну а дальше?

- После расчета с рабочими я переезжаю в Москву, Вика - в деревню. Так и было раньше условлено, она хотела войти в более тесный контакт с продюсером.

- Может, тайно и вошла, - предположил я.

- Очень даже может... Знаешь, технически убить нетрудно.

— А борьба, шум, крик? Их же двое.

- Вика много лет употребляла снотворное, я бы увеличил дозу. Ну а со школьником, - сценарист пожал плечами, - со школьником справиться... (Ты понимаешь, конечно, что я рассуждаю теоретически, - заметил этот монстр в быстрых осторожных скобках.) Словом, не проблема. Я справился за полчаса.

- Со школьником?

- С планом, идиот!

Разговор обретал все более сюрреалистический колорит, как в приемном покое сумасшедшего дома; тут в прихожей резко звякнул телефон.

Звонил Вольнов. Мне. В захватывающем нашем диалоге в автомобиле совсем упустил из виду... может, это пустяк и не имеет значения...

Ну, ну? В Молчановку он приехал не на машине, вошел по-тихому в сад и увидел в кустах прячущегося чудака (того самого, что разбирается в компьютере). «По-моему, он подслушивал вас с Танюшей, обернулся на мои шаги, выронил узелок свой камуфляжный...» - «Почему камуфляжный? В нем был хлеб». - «Ну, знаете, бизнесмен, который запросто располагает полутора миллионами долларов... Или это сказка?» - «Кажется, не сказка, не знаю. Во всяком случае, спасибо за сообщение».

Я стремительно вернулся в кабинет, опасаясь, не сбит ли настрой «исповеди мужа».

- Ты полагаешь, кто-то счел твой план с компьютера?

Самсон смотрел бессмысленно, пришлось повторить, он ответил вопросом:

- А ты допускаешь совпадение?

- У тебя везде странные совпадения: план, сценарий...

- Уверен! - взвизгнул Самсон.

- Ты стер план вечером той же среды после скандала с Ваней?

- Господи, я испугался! Я им верил... что хоть сюда, в мою виртуальную реальность никто не влезет, ведь должно быть у человека место...

Я подхватил:

- «Где оскорбленному есть чувству уголок».

Почему сразу не стер?

-Я уже почти покончил с планом, вдруг чувствую прикосновение, ну, в шерстяном шлеме плохо слышно. Смотрю - Ваня, с вопросом каким-то...

- Он заметил изображение на экране?

- Я ж имен не обозначал! Ну, выключил компьютер... все, мол, завтра решим, а сейчас мне надо срочно в Москву. И уехал.

- Зачем?

- Да ни за чем! Ужаснулся на себя, увидев живого мальчика, которого мысленно уже угробил. Одно дело теория, а другое - преступление... Я увлекся, отвлекся абстрактной задачей - составлением алиби. Банда бандой, знаешь, а мужа все равно проверят.

- Какое ж ты придумал алиби?

- Многолюдный, многопьяный прием, на котором сначала закусывают, потом смотрят фильм и снова закусывают.

- Алиби Василевича! - вырвалось у меня. - Полный у вас с ним плагиат.

- А, второй гад выполз!

- Третий вместе с тобой!

Я пожалел, что раздражаю больного, однако Самсон не обиделся.

- Но ты не станешь отрицать, что все получилось не по плану!

- А если ты сам спутал карты, когда услышал от журналистки, что мы уехали из клуба с Викой?

- А соседский котик?
 - Ладно, дальше. Ты ужаснулся на себя.
 - Уехал, не мог их видеть.
 - Ваня-то чем перед тобой виноват?
- Третий гад ответил, не задумываясь:
- Самим фактом своего существования.

Серьезно ответил, решительно, без смягчающей тени привычной иронии. Вспомнились слова Танюши: «Между ними стоял страх». Как же разбить это «кошачье» алиби?

- Как же ты проболтался Кристине?

- Нечаянно, не в себе был, крепко приняли. Она рассказала о разводе, муж - ходок, нет больше сил терпеть и т.д. Ну и я высказался - по аналогии, - как бы поступил с предателем. Без деталей, конечно, но весьма прозрачно... По моему глубокому убеждению, нет ничего страшнее в жизни предательства.

- А в смерти?

- Я законченный литератор и играл в воображении. Первым моим порывом, когда она донесла о тебе с Викой (что вы вместе из клуба уехали), было припугнуть, встревожить...

- Самолюбиво продемонстрировать свою осведомленность, - подсказал я.

- Может быть... та роковая фраза о могиле - ее фраза перед зеркалом!.. кстати, еще одно доказательство моей невиновности: стал бы будущий убийца так себя раскрывать!

- Состояние аффекта, сам говорил. А потом опомнился.

- Не сразу. Сначала рванул к тебе. Уверен был, что она у тебя, ведь на Плющихе Ваня.

- Задушить нас обоих?

- Не держи меня за сумасшедшего. Избавиться от унижения. Я догадывался, много лет между нами стоял ты... но не о Ванюше, нет. Эта последняя рухнувшая иллюзия меня и погубила.

- То есть?

- Ну... придавила. По дороге опомнился - действительно, что мне с вами, драться? - и черт меня понес в Молчановку... Некуда мне было деться, хотелось в норму заползти...

- И новый план составить?

- Николай, - произнес он сдержанно, - как бы тебе самому не пришлось мучиться над алиби.

- У меня его нет.

- Вот именно. Ты последний видел ее в живых.

- Нет, Самсон, не последний. Рассказывай.

- Уже в поселке, за два квартала от дачи, забарахлил мотор, постоянно с этой рухлядью... Пришлось переть за чемоданчиком с инструментом. Окна темные, тишина, гараж не заперт.

- Перед поездкой в Москву ты его запирали?

- После расчета с рабочими замок повесил.

- У кого еще был ключи?

- У Вики и у Вани по ключу. Вдруг - нет замка.

- Мягко выражаясь, это обстоятельство должно было тебя насторожить.

- Еще бы. Кто в такую рань... Тут я и посмотрел на часы - светящийся циферблат - запомни этот момент!

- Ну?

- 4.07. Время, время... вот что сводит меня с ума, вот что я не понимаю...

- И я не понимаю. По порядку!

- В гараже я увидел Викторину. Кажется, мертвую.

Последнее слово и меня заставило затрепетать, какое-то время мы молчали, вдруг я поразился:

- Что значит «кажется»?

- Не могу вспомнить, страшно, голова раскалывается, никогда в жизни ничего подобного не испытывал...

Я прервал бормотанье:

- Придется вспомнить. Она лежала на полу?

- На полу. Глаза выпучены, кончик языка торчит.

- Признаки удушения. На шее следы?

- Не рассмотрел, спичка погасла.

Еще один поразительный момент!

- Ты что, свет не включал?

- Нет.

- Но почему? Выключатель, помню, у входа.

- У входа я и наткнулся на что-то, нагнулся, запах мускуса - ее духи. Чиркнул спичкой, увидел и ушел.

- Испугался убийцы?

Он подтвердил деревянно:

- Испугался убийцы.

- Да ведь ты утверждаешь, что не был уверен, убита ли она!

- Не знаю. Я пошел к машине.

Что-то тут не так! Темные провалы в показаниях, я чуял ложь - ладно, потом! - несла вперед стремительность схватки, словесного поединка.

- Ты захватил инструменты?

Сценарист нервно рассмеялся и слегка оттаял.

- Николай, ты в своем уме? До чемоданчика ли тут! Машина вдруг сама завелась.

- И куда ты двинулся?

- На дачу.

- Откуда только что сбежал, испугавшись убийцы?

- Сумел взять себя в руки, решил убедиться в ее смерти и сообщить в органы.

- И ничего этого не исполнил!

- Не гони лошадей, сыщик. Я поставил машину на место за гараж, но на дверях уже висел замок и трупа нигде не было.

- Кончай сочинять, сценарист.

- Клянусь!

- Время!

- Вот и я говорю: время. Сразу засек: 4.16.

- С твоего появления прошло девять минут. Кладем четыре на первый эпизод...

- Не больше! Три-четыре минуты.

- Остается пять - в общем, достаточно, чтоб вынести трупы.

- Но по моему плану... - Самсон осекся.

Неужели он не выдумывает? Да разве такое выдумаешь? Острый страх его передался мне, словно перенес в тот ночной гараж, словно я чиркнул спичкой и увидел...

- Значит, там был убийца?

- Где?

- В гараже, когда ты увидел мертвую Вику. Ну, вспомни! Ты уловил что-нибудь... движение, шорох, чужой ужас...

- Нет!

- Однако сбежал.

Самсон промолчал, опустив голову.

- Ну а потом? Все осмотрел?

- И дом, и участок, с фонариком. Кусок проводки лежал там же, на полке.

- А еще? Следы борьбы...

- Нигде никаких. Дом будто вымер, все на своих местах. - Он потер рукой лоб, лысину. -

Все время болит голова, тогда еще началось... головокружение от запаха краски.

- Да, помню, ты жаловался в воскресенье. - Наши взгляды встретились. - Это имеет значение?

- Немецкая эмаль, из-за нее и случилась задержка с расчетом. - Самсон глядел в какой-то странной нерешительности.

- Ну, договаривай.

- Двери и притолоки покрасили обычными белилами, а в среду, еще до скандала, Вика приказала переделать: аляповато, банально... В Москве в хозтоварах она видела эту эмаль, бледно-сиреневую, с муаровым отливом. Ваня за ней в четверг и ездил. Перекрасили в субботу.

- Это была последняя работа в доме?

- В доме - да. Один целый день красил, другой кончал цементировать яму в гараже. Эмаль к ночи не успела высохнуть, понимаешь?

- Понимаю. Чего тянешь?

- На дверном косяке в кабинете остались следы руки, кто-то ухватился... отпечатки пальцев.

Я изумленно воззрился на безумца.

- Чьи - твои?

- Нет.

- Так какого ж ты молчал? Возможно, именно это тебя реабилитирует!

- Меня уже ничто не реабилитирует, - констатировал Самсон сухо. - Войди в мое положение, раз уж взялся расследовать и судить. Во-первых, Кристина. Ведь про меня она тебе донесла? Ты меня и поймал. Женщина сочувствующая, но на костер ради меня не пойдет. Заметь, я пальцем ее не тронул, такого свидетеля не убрал... О чем я? Костер, - Самсон усмехнулся. - «Мой костер в тумане светит... ночью нас никто не встретит...» Бродяги бражничали у костра возле недостроенного дома напротив. Наверняка засекали, как я туда-сюда мотался.

- С трупами?

Он смотрел затравленно и молчал.

- Когда ты увидел бродяг?

- Уже когда обратно к машине пошел, до этого их не было. До утра горланили. Николай, моя песенка спета.

- Не ной. Во-первых, ты ж не возле дома застрял; за пять-шесть минут твоего отсутствия мертвых вынесли.

- Зачем? (сакраментальный вопрос, который и меня мучил) Кто? Вика сама себя вынесла? Ваня убил мать?

- Говори да не заговаривайся!

- Нет, про Ваню-то я думал: он в Москве. А про нее...

- Что?

- Не надо... вспомнить без содрогания не могу.

- Однако дивлюсь на твое хладнокровие в воскресенье, даже стол изысканный приготовил. Для кого?

Он сказал таинственно:

- Для них. Я их ждал. Явился ты. Странно.

- Ты же видел мертвую!

- А вдруг не добились, жива, ушла, сбегала...спичка вспыхнула на секунду... Другая идея: а вдруг розыгрыш, я вас по телефону, а вы меня...

- Не сходи с ума!

- А куда она делась? Куда они делись? - Он охватил руками голову, раскачиваясь в кресле...кое-как справился, заговорил связно: - Если кто-то, ознакомившись с планом, и пошел мне, так сказать, навстречу - он же его не выполнил!

- Ты заметил, что компьютер некорректно выключен?

- Я к этому механизму с той ночи даже подойти боюсь, в Молчановку приехать боюсь - виртуальная реальность материализовалась в настоящую. Но в воскресенье я сумел настроить себя, надеялся и ждал.

- Помню, как ты убеждал, что исчезновение случилось на Плющихе.

- Инстинкт самосохранения, - пробормотал Самсон. - Записка меня потрясла, но особенно - ковер. Кто украл...

- Ты, чтоб симитировать...

- Зачем, Господи Боже мой! Ведь говорю:
по плану...

- План неизвестен, ты его стер.

- Но в 23.40 компьютер выключить не мог!

- Вот если б не эта железка, твоя песенка
окончательно была бы спета.

После паузы он спросил непонятно:

- А во-вторых?

- Ты про что?

- Про действия убийцы. Ты сказал, что, во-первых, я не возле дома застрял, то есть не мог видеть, как он трупы тащит куда-то...

- Во-вторых, отпечатки пальцев на эмали.

- Боюсь, всего лишь Ванины. Он вполне мог хватануть, когда поиграть явился.

- Ваня недосыгаем, но органы слыхат отпечатки у подозреваемых...

- Николай, подожди! Сами разберемся.

- Ты в своем уме? Такая улика!

- Посадят меня.

- Не исключено, перестрадаешь, заслужил, сценарист, спец по планам! Зато если найдут те самые «пальчики»...

- Да не будут они ничего искать!

- Будут. Тогда кое-кому придется объяснить, что он делал той ночью на даче. Когда эмаль высохла?

- В воскресенье к утру, я проверил.

- Поехали? Только ты за руль сядешь.

- Хоть убей не могу, не вожу, дикие головокружения, аж тошнит.

- На сотрясение мозга похоже.

- Да ну, от шока. Я переживаю шок.

Третий час... представилась ночная дорога... Нет, не выдюжу, безумный денек кружился в голове бесчисленными вспышками мгновенных кадров.

23

Сна не запомнил, очнулся как от обморока - от посмертного зова: «Не ищите мою могилу, ее очень трудно будет найти». Господи, только седьмой час! И уже не заснуть, о н и меня зовут, дай же силы найти могилу, иначе, вдруг выговорилось: быть беде. Она уже случилась; однако ощущение опасности неведомой пронзило, не отпускало. Откуда оно...из прошедшего дня. Я замер, пытаюсь припомнить, вырвать из многоликого хораודה маску потаенную, высечь из искры подсознания пламя...

Из не зашторенных окон уже сияло, сверкало, подступала ранняя жара. Леденящий душ и жгучий кофе подстегнули физически, но искра не высекалась. Какое слово, чей взгляд, нечаянный жест, подспудный испуг пробудили опасность?.. (Между тем я правильно рулил через распалюющуюся столицу к месту преступления.) Опасность какого рода? Как будто наугад задел кончик паутины, прилипчивая сеть задрожала, и в

глубине, в черной щели, дернулся в ответ паучок и подползает по-тихому, а я не вижу прозрачных паутинок-следов. Четкий рисунок насекомого в записке... изображение округлое, продолговатое. Или это скорпион? В отличие от паука ядовит. Зодиакальное созвездие с красной звездой Антаресом...издательство русских символистов начала века... кажется, супруги Мережковские - оба скорпиончики, умерли своей смертью. Позволь, да ведь Любавские родились тоже в ноябре, тоже скорпионы... Ну и что? Может, Вика занялась гороскопами. «Приди ко мне тот, кто под землей». Непохоже на гороскоп; я, конечно, ничего не смыслю в черной магии (да и в астрологии), но даже на взгляд профана - это классический зов к преисподнему духу. К скорпиону? Тьфу, черт! Я сплюнул, но некую «потустороннюю» струнку даже в трезвомыслящем задевает сбывшееся заклинание, наверное, последняя ее запись, потом пришла смерть.

Давай все-таки исходить из реалий. Записка, сложенная вчетверо, валялась в вычищенной, выметенной прихожей за тумбочкой. Согласен с Танюшей - бумажку обронили. Вероятно, сама Виктория, торопилась в клуб, наводя красоту перед зеркалом (мгновенный промельк - по ассоциации - отражение обнаженной в зеркальном гардеробе, разноцветный укус,

зверское лицо мужа). Записка выпала из сумочки. Зачем она носила ее с собой...зачем написала - вот вопрос! Или обронил тот, кто украл ковер...тоже вопросик! Переключить внимание следователя с Молчановки на Плющиху - чересчур замысловатый для преступника ход, неоправданный риск (соседи, та же старушка с молоком, например). Или он залез в чужую квартиру за обличающей его уликой (стереть отпечатки пальцев, забрать записку...) и по ходу дела прихватил ковер... это более логично. Но на чей след может привести ритуальный текст, написанный рукой Виктории? Обронил, выронил, выпал...преступник стремительно пересекает прихожую, вчетверо сложенная бумажка выпадает...из ковра? Да ну. Из книги, например, своеобразная закладка. Пусть-ка Самсон проверит свою библиотеку, не пропало ли...нет, не то! За душой два трупа, а убийце чужие книги приспичило воровать. Если за своей приходил? Досужие домыслы, нет данных, «путь реальный» пока ничего не дает. Скорпион. Паук. Замкнутый круг.

Отпечатка роковой руки на дверной притолоке в кабинете не было. Уже не было: кто-то успел соскоблить, грубо расцарапав серебристо-сиреневую «муаровую» поверхность. Меня аж затрясло, я набросился на Танюшу, которая наконец медленно «подползла».

- Где вы сегодня ночевали?
- На кухне.
- А старик?
- Тут на диване.
- Ничего подозрительного не слышали?

Глупый вопрос: стали б̄ при свидетеле поднимать возню! Следы уничтожены, конечно, раньше, убийца вспомнил и сообразил, какой опасности подвергается, улучил момент... Я вкратце ввел Танюшу в суть дел.

- Савельич в кабинете каждую ночь спит?
- Да, за меня боится.

- Стало быть, тот проник сюда днем, пока вы на лужайке прохлаждались. Не говоря уже о Савельиче, Борис тут каждый день болтается. Банкир рядом... и Василевич имел возможность. Проклятье! Кабы этот гаденыш не трясся так за свою шкуру, отпечатки в воскресенье могли быть зафиксированы.

- Самсон?

Я кивнул, усадил ее на диван, сам сел рядом и, уже спокойнее и подробнее, пересказал ночной диалог.

- Под конец я заявил, что у меня вызывает сомнение эпизод в гараже.

- Спички? - тотчас уловила она смысл.

- Это первое. Представьте, вы входите, уже насторожены, обеспокоены - гараж почему-то не заперт! - спотыкаетесь обо что-то...самый необходимый автоматический жест: протянуть

руку к выключателю, тут же у входа. Нет, он шарит по карманам в поисках спичек и при столь скудном свете даже не убеждается толком, мертвая перед ним или живая.

- И убегает!

- Это второе: куда? Естественно, звать на помощь, ведь убийца, возможно, еще в доме. Напротив пируют бродяги, поблизости ночует семейство банкира... Он же прётся к машине, которая вдруг заводится, и возвращается к дому один.

- А как Самсон объясняет?

- Действовал в растерянности, в страхе, себя не помнил...вообще у него что-то с головой. Шок, говорит.

Глаза Танюши, как вчера, наполнились слезами, которые она не замечала.

- Мы праздновали Троицу в саду, когда сестра была уже мертва. И он знал.

- Психологический кунштюк...или психический: Самсону якобы удалось убедить себя, что Вика ночью ожила и убежала.

- Господи! - прошептала убогая (сегодня она в своей ало-зеленой юродивой униформе, не женщина как бы, а некое бестелесное существо). - Версия такая нескладная и неправдоподобная, что невольно начинаешь ему верить.

- Вы верите, что ваша сестра жива?

- Их надо похоронить, - отвечала она лихорадочно, на свои какие-то мысли, -

Заказать Сорокоуст, уже пятый день, я одна не справлюсь.

- Вы не одна.

- Никита Савельевич тоже молится, но мы так ничтожны, так слабы. - Она глядела на меня, явно меня не видя.

- Ну, тут я вам не помощник.

- Вы не верите в посмертные муки? - спросила отстраненно, словно из вежливости поддерживая разговор.

- Верю! - гаркнул я, чтоб привести ее в чувство - сюда привести, ко мне, и она несколько ожила. - Кое-что нас там, наверное, поджидает, иначе человек так не боялся бы смерти. Но это такая тайна, такой запредельный ужас, что вообразить, будто я, московский кинооператор, смогу молитвой как-то смягчить эти самые мытарства...

Танюша перебила:

- Откуда вы знаете, что можете, а что нет?

Просто верьте, как дети верят.

- Как вы?

- Мне да этого еще далеко.

- А мне еще дальше.

- Но идти-то надо, умирать придется.

- Рано вам еще об этом думать.

- Думается.

- Идите-ка лучше в паломничество. Вон и целитель ваш готов присоединиться... Кстати, - я вспомнил, - Савельич вас ревнует, что ли?

- О чем вы?

- Вчера Вольнов пронаблюдал, как водочный промышленник наш с вами разговор подслушивает.

- Возможно. - Она кивнула. - В том смысле, что Никита Савельевич безумно боится остаться один, без поддержки. С бизнесом он почти покончил, закругляется, к компьютеру возвращаться не хочет...

Мы одновременно уставились на умную «железку» с экраном - «свидетель обвинения», так сказать. А что, благодаря этому мудреному механизму начала раскручиваться ой какая тайна...но до конца далеко.

Танюша спросила отрывисто:

- Самсон точно не видел Ваню?

- Уверяет, что нет, думал, мальчик в Москве.

- Как же сюда попала Вика?

- Вариантов несколько. Приехала сама, забеспокоившись, что сына нет на Плющихе (но это вряд ли, дождалась бы утра). Привез муж. Позвал по телефону банкир (или сам за ней съездил, больно уж жена его напугана). Наконец - киношная публика: Василевич, Вольнов, Гофман. Правда, у актеров и у мужа алиби на 23.40.

- Остаются сценарист и банкир, - попытожила Танюша. - Вы проводили ее до подъезда?

- Расстались во дворе.

Темное каменное ущелье с зеленым огоньком - фонарем в листве, частый стук каблучков, она не обернулась на мой последний взгляд, но, взойдя на три ступеньки подъезда, медленным жестом (каким-то томно-восточным) подняла обнаженные руки над головой, скрестила кисти, скрючила пальцы наподобие листков лотоса (или паучьих лапок - это уже позднейшая поправка памяти). Своеобразный прощальный знак, который ярко запомнился - одновременно возгорелась неисправная лампочка в сетке под козырьком. На мгновенье, потом - мрак, и я побрел к машине. И вот подумалось: а мне ли предназначался тот изнеженный жест, изысканный знак?

- Вы не ощутили что-то необычное...что-то присутствие?

Я в который раз подивился на интуитивную проницательность убогой...Зачем я называю ее убогой? она живет меня!

- Я, видите ли, полночи работал, переутомлен был и перевозбужден.

- Встречей с сестрой.

- Может быть. Помню ее силуэт на ступеньках подъезда. Двор был, кажется, пуст. В переулке припарковано с десятков автомобилей, в том числе и мой.

- Кусты акаций, - обронила она.

- Он мог прятаться там или ждать ее в подъезде. Или, наконец, позвонить на Плющиху: случилось несчастье, срочно выезжайте в Молчановку. То есть, по плану, трупы в загородном доме спишутся на банду.

- Но кто бы в порыве бешенства ни расправился с Ваней...

Я перебил:

- Это хладнокровно рассчитанное убийство, не забудьте.

- Рассчитал Самсон, а исполнил другой и по-другому, так получается?

- Если у Самсона стопроцентное алиби...- Я призвал на помощь ангела логики. - Когда я поймал его в ловушку, соврав, что знаю про план от Виктории, он ужаснулся: «Значит, она владеет компьютером?» Вспомните события прошлой среды, скандал, чуть не стоивший ей жизни. Она видела лицо и взгляд мужа в зеркале. Самсон бросается к компьютеру, Вика, переодевшись в спальне, проходит мимо и - вдруг! - что-то на экране мельком задевает ее, какое-то слово, знак возбуждают тревогу. Он писал без имен, но она была уже настроена на экстремальную волну. После его бегства в Москву включает компьютер...

- Не забывайте про сына! - возразила Танюша. - В т а к о м плане мать участвовать не могла.

- Однако в гневе могла рассказать о нем своему другу, например, банкиру. Тот

расправляется с «порочным мальчишкой» и заманивает мать в Молчановку.

- Положим, он проверил: машины Самсона на месте за гаражом нет. Но убийце ведь неизвестно, где хозяин, который может появиться каждую минуту!

- Идет на риск. - в крайнем случае, расправиться со всей семьей - еще правдоподобнее.

- Он не ищет правдоподобия, не подстраивается ни под какой план.

Я сразу сник, констатировав:

- Стало быть, эта версия неверна.

В упавшей паузе как будто прогрехотал дальний гром (уже с неделю гроза подступала к истомленной Москве, но никак не разражалась), может, гром, а может, автомобильный выхлоп... Я подошел к окну, где сквозь листву плиты дорожки в солнечных пятнах, ажурная ограда из кирпичей, асфальт, заброшенная стройка напротив...Нет, там не могут быть спрятаны мертвые, там пировали бродяги.

- Не понимаю! - с досады я стукнул кулаком по подоконнику. - Тащить куда-то трупы (сначала один, потом другой) в присутствии пирующих нищих...Что скажете? - обернулся: взгляд невидящий, внутренний, так сказать; сейчас пойдет «прозорливое» бормотанье:

- Это главная загадка, иррациональная (Так и есть!) Мимо невменяемых пьющих можно хоть рояль пронести, не поймут, не запомнят...

- Слышу разумную речь.

- Опасность в другом.

- В чем?

- В самих мертвых. Их надо спрятать, чтоб никто никогда не нашел.

- Ага, средневековая байка, - усмехнулся я. с усилием сбивая сюрреалистический настой, - в зрачках жертвы отражается лик убийцы.

- Что-то в этом роде, но абсолютно реальное.

- Необычный способ убийства, следы на теле, - вспомнилось предположение Василевича. - И у всех подозреваемых есть машины.

Она с трудом, но самостоятельно подошла, облокотилась рядом на подоконник; изможденное лицо, почти красивое в «трансе».

- Где-то здесь, - забормотала, - здесь тяжело, не дается молитва...

Испугавшись за нее, я примитивно пошутил:

- Привидения являются?

- Он не дает молиться, забываю слова, скоро «Отче наш» забуду.

Меня пробрала дрожь.

- Кто - он?

- Он. Бес.

- Танюша! - стало жаль больную, так мучительно жаль, что мука эта - на миг почудилось - перешла в любовь; я обнял ее за худые плечи, прижал к себе. - Переселяйся... хоть ко мне, а я его тут посторожу.

- Кого? - От моей ласки (я осторожно поглаживал шею, плечи) она опомнилась, отшатнулась.

- Ну, того, «кто из-под земли».

- Не смейся.

- Не до смеха, дорогая. Так поедем?

- Нет.

- Тогда вникни: здесь их не может быть. За пять-шесть минут - ты меня слышишь? - мертвых можно увезти, но не спрятать. Ты б давно почувствовала запах. Дух разложения. Так?

- Так.

- Жара для июня стоит сверхобычная. С воскресенья вы с Савельичем тут ночуете, припрятать мертвых, потом вернуться, забрать преступник бы не смог. Да и Самсон уверяет, что дом и участок тогда же на рассвете осмотрел... А вообще не понимаю, объясни, почему ты должна себя здесь истязать!

- Я дождусь погребения, а потом уйду.

Сказано нормально, без истерики, что ж, пусть ждет. Хотя, строго говоря, погребение состоялось, ее близкие наверняка закопаны в землю, иначе давно бы обнаружили. Самсон скрывает что-то очень важное...

- О чем задумались, Николай?

- Как разрушить алиби мужа. Хозяйка котика подвернулась. И Кристина уверяет, будто звонила ему из клуба. Бармен подтвердил: звонила. Но может, не Самсону. Ведь по всем статьям - он убийца!

- Нет, он слабый.

- Может быть, вы знаете - кто?

- Человек сильный, очень умный и жестокий.

- Звучит слишком абстрактно.

24

Меня тянуло в столицу, но грех было не воспользоваться возможной близостью местного подозреваемого. Поместье разорившегося банкира предстало в своем цивилизованном блеске с достойным охранником, беснующимся за изящной садовой оградой. С появлением бледнолицей супруги проблема кое-как разрешилась, я был доставлен в кабинет главы двумя женщинами (мокрая нимфочка прямо из бассейна), которые перед элегантно блестящей дверью, однако, отступили. Светло-сиреневая эмаль, отметил я машинально, вдруг возгорелся и с этим открытием переступил порог, представ перед выпученные очи хозяина, восседавшего, как в прошлый раз (как с прошлого раза, почудилось, вечно), за массивным пустым

столом...нет, лежала на нем раскрытая книжечка. С этого открытия («криминальная» эмаль) я и начал напористый словесный торг:

- Виктория ведь бывала у вас здесь, наверху?

- А что?

- Ей чрезвычайно понравилась немецкая эмаль, которой покрашены ваши двери и притолоки.

- Ну и что?

- Она распорядилась и в своем доме ее использовать.

- Ну и что?

Да что он заладил, как дятел!

- Работу выполнили в субботу к вечеру, краска к полуночи еще не высохла, когда... - У него вдруг мигнули глаза и прикрылись тяжелыми веками, я закончил шепотом: - Вы помните?

В ответ шепот:

- Что?

- Когда вы ухватились рукой за притолоку в кабинете Любавского.

Я ляпнул просто так, сам не знаю как...интуитивно, под влиянием видимого совпадения; но какая-то новая реальность (или ирреальность) возникла меж нами и он прошептал:

- Где доказательства?

- На лице вашей жены, - опять я ляпнул, разумея: ее слезы, тревогу, страх... Неуклюжая

моя метафора произвела странное действие: банкир потер всей пятерней щеку, которая внезапно вспыхнула предательским багрянцем.

- Да, да! - воскликнул я в упоении борьбы.
- Она же видела!

- Ириша? - Он развернулся было к раскрытому настежь окну призвать к ответу и замер, очевидно потрясенный предательством.

Я не давал роздыху:

- Деспотизм порождает рабов, всегда готовых восстать.

- Да заткнитесь вы!.. Извиняюсь. - От его обратного движения со стола упала книжечка в дешевом бумажном переплете; я подобрал, глянув мельком: Моуди. «Жизнь после жизни»; Илья Григорьевич вырвал книжку и положил на стол, наконец вымолвил: - Если я ухватился рукой за свежепокрашенную притолоку, на ней должны были остаться мои отпечатки.

- Что ж вы тогда спрашиваете: где доказательства. На притолоке!

- Да ну? - он ухмыльнулся.

Меня несло на крыльях вдохновения.

- Правильно, вы их соскоблили!

- Когда?

Опять вопрос не из внешнего, а из какого-то внутреннего диалога между нами. Я выдержал паузу будто бы с дьявольской усмешкой, лихорадочно соображая: убийца медлить бы не стал, но Самсон с рассвета

воскресенья торчал на даче, а вечером я впервые увидел этого деятеля...

- В воскресенье вечером, - наконец ответил тихо-тихо; Илья Григорьевич напрягся, навалившись на стол. - В восьмом часу вы вошли в дом Любавских...

- Что за бред!

- Илья Григорьевич, - протянул я с ласковым садизмом, - мы заседали на лужайке за сорокаградусной трапезой, а вы явились отказаться от финансирования «Египетских ночей», вошли в дом - ведь так? вы ж не знали, где хозяин, входная дверь открыта - и никого там не застали. - Я помолчал и нагло вбил последний гвоздь. - Якобы никого.

- Что значит «якобы»? - на мясистом лице напротив - завороченная тревога; я не отвечал, и он был вынужден подтвердить: - Припоминаю. Я постучался, вошел, позвал.

- Наверх поднимались?

- Ну да, искал хозяев. Из окна увидел вашу компанию под липой.

- Из окна кабинета?

- Кажется... И меня кто-то в окне увидел, да?

Я коварно молчал, не совсем понимая, почему он так быстро сдает тылы: уперся бы - и все! Ну конечно - его потрясло «предательство» близких. Банкир вполголоса выругался.

- Вас видели.

- Как я эмаль соскабливал? - тяжеловесная прония не удалась, реплика прозвучала жалко.

- Николай Васильевич, побойтесь Бога!

- А вы Его боитесь?

- Боюсь.

- Неужели вы верующий?

- Я - незнающий, потому, на всякий случай, весной крестился.

- Ладно, это проблемы вашей совести.

- Совесть моя спокойна.

Не выношу самодовольства, я поинтересовался с усмешкой:

- Надеетесь на «светящееся существо»?

Банкир откинулся в кресле, лоя ртом воздух в удушье. Я вскочил в испуге: «Что с вами? Воды?» Он энергично махнул рукой - обойдется, мол! - и впрямь вскоре задышал ровнее, проглотил какую-то таблетку из нагрудного кармана (да, он восседал в кашемировом халате)... Словно какая-то инфекция носится в воздухе; все, связанные с этим патологическим преступлением, заболевают.

После выразительной паузы Илья Григорьевич спросил:

- Вы его видели?

- Кого?

- Существо.

И у этого крыша поехала!

- Илья Григорьевич, я тоже читал Моуди, - я кивнул на распяленную, обложкой кверху,

книжечку на столе... и, показалось, совершил промах: банкир перевел дух с облегчением.

- И ваше мнение?

- Новая загробная американская мечта.

Он кивнул.

- У вас взгляд здорового человека. И я б посмеялся, кабы зимой не прошел через клиническую смерть.

- Вы больны?

- Был инфаркт, теперь в норме. - Он погладил рябенький переплет. - Тут все верно.

- Я не в фактах сомневаюсь - свидетельства больных, побывавших за чертой жизни, потрясающи и правдивы, - в их интерпретации.

Он не слушал.

— Все верно. Я видел собственное безжизненное тело, суету в палате, плавно попал в тоннель, надо сказать, жуткий, черный, там мама и бабушка, умершие. То ли плачут, то ли улыбаются. А между мной и ними - вот это самое.

- «Светящееся существо»? - я был захвачен (интеллигенция в свое время на эту книжечку молилась), а вот живого свидетеля увидел впервые.

- Оно. От него шел свет, слабый...как бы это выразиться - мерцание, смотреть невозможно - живому не вообразить этот страх - и тянет, и жуть берет. Я еще подумал: может, выкручусь. Тут как будто голос сказал: «Рано».

И я очнулся в палате, приняв все это за галлюцинацию. Я человек практический, нормальный, верите?

- Вполне.

- Но вот жена подсунула книжонку. Давно приставала, я отмахивался, а сейчас на досуге...точь-в-точь мои похождения. И говорится, - добавил банкир недоверчиво, - мне встретился Ангел или Христос. Ваше мнение?

Я засмеялся. «Мое мнение!»

- Вы слишком много от меня хотите... По православной вере - это бесы, с которыми умерший ведет борьбу за свое спасение. А уж какую личину они принимают... по преданию, любую.

- Это точно?

- Господи, тут такая тайна, такой трепет, а вы...

- Я трепещу, - прервал банкир с сарказмом. - Как крестился - моментом после этого разорился, близкие меня предали. - Он погрозил кулаком в окно.

(Интересно, они подслушивают?)

- Иов многострадальный и тюрьму испытал.

- Не усмехайтесь, не дождетесь.

- Илья Григорьевич, я серьезно: облегчите душу. Лучше здесь, чем в отделении, там из ваших близких все вытрясут.

- Вы уже вытрясли.

- Однако у нас с вами есть шанс разобраться в этой невероятной истории.

Банкир долго молчал, выпучив очи, потом кивнул.

- Невероятной. Я его видел.

- Убийцу?

- Существо, которое светилось.

- В тоннеле?

- В углублении между столом и шкафом.

Совсем спятил или надо мной издевается?

- Даже вы мне не верите, - заметил Илья Григорьевич трезво и горько. - Кто ж поверит в отделении?

- Рассказывайте!

- Когда я проезжал мимо дома Любавских, то увидел обычную картину: в светлеющем окне сценарист перед компьютером.

- Издалека вы ошиблись.

- Из-за вязаного шлема.

- Что?

- Какой-то дурак посоветовал гуманитарно работать в шапочке...детская, Ванина, что ли...чистая шерсть, якобы смягчает облучение. Я посмеялся...

- Позвольте! - меня поразили открывающиеся перспективы. - Самсон ведь говорил мне: чистая шерсть, покрыть голову... Я забыл!

- Забудьте навсегда про эту чушь!

- Но получается: Ваня подражал отцу!

- Ну и что?

- Их перепутали! Вы же перепутали?

- Не понимаю!

- Погодите, Илья Григорьевич, дайте сообразить...

Вот он - мотив! Нацелились на Самсона... Да, Вика ознакомилась с планом и перевернула ситуацию. Но зачем, в чем смысл? Она же могла освободиться от мужа законно... Ладно, потом, эта версия требует серьезной разработки...

- Что было дальше? - Я с великим трудом сосредоточился на текущем диалоге.

- Черт меня понес объясниться по поводу несбывшихся «Египетских ночей».

- Вы оттягивали объяснение с женою?

- Пожалуй...привык их лелеять. Подошел к дому, дверь не заперта. И сразу поднялся вверх, поскольку везде было темно, Самсон Дмитриевич в своей ушанке ничего не слышит.

- Поднялись в темноте?

- Включил в коридоре свет.

- Да что ж вы замолчали!

Банкир навалился на стол и зашептал:

- В кресле возле стола сидел в необычной позе Ваня - уже без шлема, свесивши голову набок.

- Вы бросились к нему?

- Почти одновременно я заметил слева от стола серебряный силуэт. Мое состояние сможет понять лишь тот, кто пережил

клиническую смерть в тоннеле. В шоке, видимо, я и схватился за притолоку, этот момент очень смутно помню. И тут экран сам собой погас.

- Фигура светилась в темноте?

- Не знаю. Я закрыл глаза и сказал: «Меня здесь нет и не было. Но у меня есть пистолет». Повернулся и ушел. Свет внизу выключил, чтоб затруднить преследование. Вот так: нет меня и не было.

- Однако вы не потеряли хладнокровия.

- В жизни не имел такого обыкновения... в смерти - другое дело.

- Вы поняли, что Ваня мертв?

- Язык свесился изо рта, он умер от ужаса.

- Его, вероятно, задушили. У вас был при себе пистолет?

- Да ну, в бардачке. Просто припугнул.

- Значит, вы не поверили в Ангела из посмертия?

- В ту минуту, наверное, поверил, но на всякий случай подстраховался.

- Если все это правда, то вы видели убийцу.

- Мне почти нечего сказать. Было темно, и лица как будто не было. В памяти сохранился только светящийся силуэт.

- С чем он для вас ассоциируется?

- Господи, да с тоннелем же!

- Нет, в нашей земной реальности. Ведь вы недаром упомянули про пистолет, на самом деле вы поняли.

- Что?

- Что Ваня убит.

- Может быть, - уступил банкир. - Не знаю. До сих пор ничего не знаю.

- Вы там видели дочь?

- Нет.

- А почему пошли проверять, спит ли она? После паузы он ответил тихо, почти отвернувшись от меня к окну:

- Кто-то пробежал, согнувшись, по улице.

- Когда?

- Когда я уже вышел на веранду.

- Но почему вы решили, что Леля...

- Ничего я не решил...не рассмотрел. Но с места не смог сдвинуться, ко всем этим... - он пошевелил огромными заскорузлыми пальцами, ища слово, - страстям прибавился новый страх.

- За дочь?

- Нет... Я сначала дверь наружную распахнул, а потом спохватился и выключил свет в коридоре. В этом секундном промежутке меня могли видеть и узнать.

- Видимо, так оно и было. Вы до сих пор не объяснились с дочерью?

Он процедил угрюмо:

- Теперь я понимаю изречение: главные враги человека - домашние его.

- Ладно, не будем отвлекаться.

- Ну, приехал сюда, сказал Ирише о банке, она заплакала, я погладил ее по щеке, запачкав чем-то... гляжу - вся правая рука в краске, а на ее вопрос ответил: не помню, где замарался.

- Соврали?

- Действительно не вдруг сообразил. Но тут все минувшее чуть с ног не сбило. Кто тот свидетель, кто пробежал, согнувшись, в сторону нашего дома? Проверил: дочь спит.

- Когда ваша жена поняла про краску?

- А она что говорит?

- Ничего. Они вас не выдали - ни жена, ни дочь.

- Однако ловкий вы провокатор!

- Сейчас я сыщик со всеми вытекающими отсюда последствиями. Успокойтесь, вы же умеете проигрывать. Почему тогда ночью вы не уничтожили такую опасную улику?

- Не поймел возможности. Лег в кабинете, ждал, пока Ириша заснет.

- Что замолчали?

- Вот думаю: кроткая женщина, я, знаете, ее не стою.

- Знаю. Дальше.

- Она внизу все ходила по комнатам. Потом я потихоньку выскользнул: у Любавских дом был уже заперт, и ничего нет под рукой замок вскрыть. Вернулся - Ириша на веранде ждет, говорю: не спится, мысли,

бродил... Тогда она поверила, несколько дней жили в ожидании краха.

Я вставил:

- А когда узнала про исчезновение Вики с сыном, что-то заподозрила. Краска, ваши ночные прогулки...

Он кивнул.

- Наверное, видела, как я и на рассвете улучил момент, гвоздь взял, нож... Напротив их дома какие-то пьяные бродяги горланили, окна горят, Самсон Дмитриевич на участке опшивается... Я решил, что он дожидается милицию, - банкир усмехнулся язвительно, - до сих пор дожидается.

- Он заявил, но трупов нет, Вика с сыном пока в розыске. И вы ушли безрезультатно?

- Естественно. Сидел на даче и ждал следователя. Улика смертельная! Плюс скандал в среду. «Я тебя своими руками задушу!» - при свидетелях я погорячился. В семь часов, как и договаривались, пошел в гости... До остального вы, к изумлению моему, своим умом дошли.

- Своим, своим. Еще раз повторю: ваши домашние - не враги.

- Очень хорошо. И я вам ничего не рассказывал, доказательств нет и не будет.

Передо мной сидел железный делец, тебе в ручищах (которые только и выдавали волнение, страх, тревогу) тоненькую книжицу про «светящееся существо». Неужто, загнанный

в угол мнимым предательством родных, банкир выложил столь причудливые фантазии?

Зазвонил телефон. Меня. Самсон. Прерывающимся хриплым голосом он поведал:

- Записка пропала!

- Какая?..

- Я ее при себе носил, в кармане, а сегодня ночью выложил в верхний ящик письменного стола. Она пропала, Николай!

- Та самая записка?

- Та самая! С пауком или скорпионом...
«Приди ко мне тот, кто под землей».

25

На углу под топодем меня догнала Леля с удивительной просьбой: отобрать у отца пистолет или хотя бы разузнать, где он его прячет. Банкир-банкрот полностью уединился, не желает разговаривать с ними, видеть их не желает! Боятесь, перестреляет вас? Сам застрелится, тупой вы человек! Раньше не могла намекнуть, когда я к нему поднимался? Не могла при маме. Твой папаша жаждет борьбы, а не смерти. Мама говорит, это видимость... если уж он до «Жизни после жизни» докатился, не отрывается! Сейчас мне страшно некогда, но я вернусь сегодня же, пока

его караульте. (Я честно решил к вечеру подъехать, хотя ни на грош не верил в самоубийство прожженного дельца, однако сердце у него больное и он видел светящегося демона...)

Я стоял в раздумье, а нимфочка, как в прошлый раз, беспокойно ловила тополиный пух в отзвуках далекой грозы.

- Он думает, что вы с матерью его предали, то есть рассказали мне все.

- Что «все»?

- Что в момент убийства Вани он был в доме Любавских. Ты же его видела.

- Никого я не видела!

- А он полагает...

- Да вы просто провокатор!

Вот уж действительно дочка в папочку.

- Я заверил его, что вы перед ним не виноваты (в плане предательства), думаю, на вас он уже не сердится. Иди объяснись с отцом начистоту.

- Но вы приедете?

- Постараюсь. (она умоляющим жестом протянула руки) Приеду. Кстати, а где в тот момент стояла отцовская машина? Если у ворот, ты не рискнула бы войти. А если он ее где-то припрятал, то его показаниям верить...

- Не видела я никакой машины! - она с силой толкнула меня вытянутыми руками (умоляющий жест преобразовался в угрожающий), сверкнула птичьими очами и

унеслась с легким ветерком. Может, и впрямь грянет гроза...

А между тем я зря так торопился: Самсона дома не оказалось, во всяком случае, на мои звонки и стуки он не открыл. Наконец из соседской щели высунулась бабушка - та, что ходит на уголок за дешевым молоком! - и прошамкала:

- Чего трезвоните? Самсон, должно быть, за город к своим укатил.

- Его обокрали, - сообщил я сурово.

- Батюшки мои! То-то, гляжу, он как угорелый бегают, здороваться забывает. Что взяли?

- Ковер. В воскресенье еще.

- Так я ж видала! - клюнула бабушка и выкатилась на площадку. - Часов в девять кто-то с большой синей сумкой из подъезда шмыг в кусты. А когда я было сунулась, так меня послал!

- Как он выглядел?

- Мужчина...

- Высокий?

- А вот не могу сказать, пробежал, съезжившись...Я потому и заинтересовалась. Голова в кепке, очки черные в пол-лица, не разглядишь, даже если б у меня глаза прежние были. А голос такой жуткий, прям из преисподней: «Катись отсюда, бабка, покуда жива!»

- Бас, баритон, фальцет?

- Одно слово: нечеловеческий. И пальцами так щелкнул, ручища черная, волосатая...

Неужто банкир? Пальцы волосатые, толстые, но выразительные...по описанию бабушки, не некое эфемерное «светящееся существо», а откровенный черт.

- А вы следовательно? Помню, как в кустах сидели.

Что ж, старушка в памяти, не в маразме.

- Частный сыщик.

- А Виктория совсем за город переехала?

- Совсем.

- Врозь живут, муж - сюда, жена - туда...А Ванюша?

Тут я поблагодарил бабушку и ретировался в район кинотеатра «Ударник»: покуда напуганный муж в бегах, ударим по свидетелям. Женщина Кристининых неопределенных лет и облика: платиновые вихри-рожки торчком. Нас разделяла дверная цепочка. Я представился.

- Извините за беспокойство, у меня к вам очень деликатное дело...

- Кинооператор Смолин? Валентина, - энергичное рукопожатие. - Я в курсе, проходите.

И стиль разговора - задорный, с придыханием, как у журналистки, небось подружки. Разве при таких условиях можно добиться объективных данных?

Я уныло проследовал за хозяйкой в комнату с мягкой мебелью, утонул в кресле, тотчас на колени пружинисто прыгнул роковой котик, серенький, полосатенький Васька - главный свидетель защиты.

Валентина закурила и защебетала:

- Жуткая трагедия! Я смотрела триллер по первой программе...

- А название? - я решил проверить ее память.

- Не помню. Мура. Гениальный режиссер в Голливуде находит в подzemелье труп самого себя.

- Как это?

- Наверно, двойник. Знаете, я задремала, что со мной редко случается. Очнулась от входного звонка, душераздирающие вопли с экрана... Кто в такой час?

- В какой час?

- Я понимаю, что именно это вас интересует, но хочу передать свое состояние протрации...

- Выкладывайте все подробности.

- Так вот, открыла дверь на цепочку, Васятка прошмыгнул в прихожую. Передо мной - незнакомец лет под пятьдесят. Говорит: ваш котик так жалобно просился домой, что у меня сердце не выдержало. Ну, я поблагодарила за любезность...

- Вы сказали, что все знаете. В свете происшедшего вам не кажется эта любезность

неуместной? Человек в расстроенных чувствах отвлекается на такие пустяки.

Компанейский котик вонзил когти в мое бедро, а хозяйка возмутилась:

- Помощь нашим «братьям меньшим» вы называете...

- Простите, я знаю Самсона - холодного, тяжелого эгоиста, у которого кошачьих «братьев» сроду не водилось.

- А бедная Кристина на что-то еще надеется, - отметила подруга с удовлетворением. - А вам не кажется, что вы предубеждены против человека неприятного, но невинного?

- Возможно, вы правы.

- Видите! С другой стороны: люди в стрессе способны на необычные поступки. Как сказал классик: «и милосердие порою стучится в их сердца».

- Это сказал дьявол. Еще раз повторю: возможно, вы правы. А дальше?

- Я объяснила незнакомцу, что потеряла чувство времени, а он сказал, взглянув на наручные часы, что уже одиннадцать.

— Он сказал?

- Внимание! - Валентина назидательно подняла палец. - Я машинально взглянула на свою «кукушку» - видели в прихожей? - Да, одиннадцать. Ручаюсь.

Я вышел в узкую, в тених от кружевного абажурчика прихожую, сверил свои часы с

этой самой «кукушкой» над зеркалом: минута в минуту. Итак, Самсон чист?

- После этого вы расстались с Любавским?

- Да.

- Фильм по телевизору еще шел?

- Кажется. Я недосмотрела, легла спать.

Вообще я «сова», но тот день был для меня очень утомительный... - Валентина пустилась в пространное описание своих неврозов; я почти не слушал, выжидая удобный момент уйти... Куда? На Плющиху.

- Можно позвонить?

-Пожалуйста.

Безрезультатно. Как же пропала та чертова записка?

Наконец я вырвался на площадку, на которой в полной боевой готовности (бусы, браслеты, раскрашенное лицо) стояла Каминская. Взглянула изумленно, воскликнула как будто с раздражением:

- О, великий сыщик тут как тут!

Соседки расцеловались, точно год не виделись, причем Валентина назвала журналистку Клавой (уязвила - понятно, Кристина Каминская - шикарный псевдоним). Мы с ней уехали вместе на «перепутье дорог» - в «Артистико», где пасутся мои «клиенты» и даже «связной» к моим услугам.

- Никак не могу поймать Самсона, - завел я разговор в машине; она, против обыкновения, молчала; потом откликнулась сухо:

- Мы с ним больше не виделись.

- С каких пор?

- С понедельника, - последовал краткий, опять-таки сухой ответ. - А я еще жива.

- Думаю, нет причин для беспокойства. Во-первых, свидетельство вашей соседки исключает участие Самсона в убийстве Вани.

- Исключает? - переспросила она, взглянув искоса.

- А то нет?

- А во-вторых? - увернулась она от ответа.

- Трогать вас вообще нет смысла - Самсону уже известно о ваших показаниях.

- Да уж, вы постарались! - прошипела она с яростью, и мне стало ее жаль: неужели женщина всерьез надеялась завлечь Самсона в новые семейные сети?

- Кристина, я все устрою, скажу, что подловил вас, взял на понт, сам догадался, вы почти ни при чем...

Она перебила столь же яростно:

- Он сказал, что возненавидел женщин, что я такая же стерва, как его жена, и так же достойна смерти.

- Ничего себе! Когда сказал?

- Вчера по телефону.

- Ну, совсем одурел.

- Я ради него пошла...Остановите машину!

- На что пошли?

- Остановите машину!

- Да не впадайте вы в истерику.

- Никакой истерики, - сказал она спокойно. - На время скроюсь, подожду.

Я, как под гипнозом, притормозил (Манежная площадь, провинциальная публика дружно прёт в модернизированное подземелье).

- Кого, чего подождете?

Журналистка выскочила и прошептала, нагнувшись к окошку:

- Пока вы не разоблачите убийцу.

И сгнула. Лишь чужой страх остался слабым, сквозь горючую гарь, ароматом крепчайших духов. «Я ради него пошла...» - уговорила соседку подтвердить алиби с «кукушкой»? Как же они мне все надоели своей крутней и враньем!

26

- Тебя Гофман спрашивал, - сказал рассеянно Жорж в ответ на мое приветствие. И в питейном заведении нездоровый ажиотаж...впрочем, тут же выяснилось: персонал по очереди бегают на кухню созерцать по «видаку» новенькую кассету - шоу «Мефисто» -, уже подаренную хозяину Зюзе (занятое прозвище, небось, от глагола «назюзюкался»).

- Это очень интересно! - воскликнул я; бармен подхватил:

- Впечатляет! Четвертый раз крутим, копии делаем. Меня лично три раза засняли! Ник, я твой должник, век не забуду.

А я-то, кинооператор чертов, позабыл в горячке охоты про свои профессиональные обязанности. Между тем там может быть Вика - последний прижизненный промельк - и кто-нибудь еще...

- Жор, одна копия мне, умоляю, заплачу!

- Да брось. Народ знает, кому обязан... - вышибала сиял. - По «ящичку» провернут, правда? Особенно удачно я вышел в профиль, с бутылкой кальвадоса...

Жоржу не удалось развить животрепещущую тему; он вдруг скорчил якобы безразличную рожу и шепнул страшным шепотом:

- Вон ВиктОр.

Мы сели с лауреатом «Мефисто» за тот же столик в стеклянном углу, отделенном прозрачной преградой от гама и мельтешенья переулка.

- Что скажете?

Гофман глотнул кофе, поперхнулся и закашлялся. Внезапно побледнел и замер, закатив глаза.

- Что с вами?

- Душно, - произнес глухо. - Нехорошо.

- Чем я могу помочь?

- Нет, нет, все в порядке.

- Вы меня искали?

- Просто интересовался ходом следствия.
- Уже не интересуетесь?
- Интересуюсь. Как оно идет? - спросил

он вяло.

- Бодро. Вы видели кассету с вручением «Мефисто»?

- Ага, мне еще вчера Зюзя подарил. А вы?

- Еще нет.

Некое глубинное возбуждение его (по контрасту с внешней усталой томностью) как будто возрастало и передавалось мне. Гофман встрепенулся и зашептал:

- Я ничего не знаю и не имею никакого отношения к убийству.

- Да я особо и не сомневался.

- То есть даже на это вы не считаете меня способным? - перебил киноактер язвительно и продолжал нести околесицу, в чем-то оправдываясь: - Я выучил роль жертвенного любовника из любви к искусству, к Пушкину, с Любавскими знаком не был, не подозревал, что у Василевича виды на Вольнова, в интригах насчет приза не участвовал...

- Да кто вас подозревает в интригах? Вольнов?

- Что вы, нет!

- Вы как будто боитесь чего-то?

- Нет, нет!

Гофман провел изящной рукой в кружевной манжете по бледному лбу, и уловился взгляд его, зоркий, настойчивый.

Тотчас в изнеможении откинулся на спинку стула и прикрыл веки. Под влиянием бессознательного импульса я спросил:

- Вы принимаете наркотики?

Красивые, с влажной поволокой, глаза широко распахнулись.

- Как вы догадались?

- Слишком внезапны у вас переходы от возбуждения к упадку.

После паузы он сказал:

- Иногда.

- Кокаин? - так же инстинктивно продолжал я допрос.

- Откуда вы...

- Просто предположил, богемное снадобье, артистическое, еще декаденты баловались. - Я помолчал; меньше всего меня занимали тайные пристрастия этого извращенца, но совпадения настораживают...на «почве искусства», так сказать. - Вы Василевича хорошо знаете?

- Нет... почти нет. А что?

- Просто услышал от одного мальчика, что он спонсоров для «Египетских ночей» ищет...А что?

- Мальчик тоже кокаинист?

- Замолчите!

- Зачем вам это?

Он ответил сразу, убежденно:

- Из отвращения.

- К кому, к чему?

- К себе. Не приходилось испытывать подобное чувство?

Я поразился: ишь ты, Карлыч сложная какая личность!

- До степени саморазрушения...нет, не приходилось.

Он спросил, не поднимая глаз:

- Там у Любавских за городом, я слышал, какая-то юродивая живет, да?

- Никакая она не... А от кого вы слышали?

- Кто-то сказал, не помню, столько народу каждый день вижу.

- Зачем она вам нужна?

- Ни за чем...так, интересно.

- Меня не оставляет ощущение, Виктор, что вы кого-то боитесь.

- Просто задумался.

И я задумался - пусть насекомое покружит вокруг зажженного мною (нет, не мною - кем?) огонька страха и возбуждения... Зримая ассоциация, навеянная жирной мухой, лениво летающей над высокой вазочкой с бумажными салфетками. Машинально я взял одну и своим «паркером» принялся, вспоминая, набрасывать рисунок того самого насекомого. Продолговатый овал, округлые задние лапки расположены далеко друг от друга, на спинке полоски в виде буквы «Г»...

- Вам это ничего не напоминает?

Я протянул салфетку, он схватил, взгляделся.

- Жучок какой-то...- протянул вопросительно. - А что?

- Это загадочное насекомое изображено на одной записке...- начал я, но Карлыч вновь отключился («ломка» у него, что ли?), глядя куда-то, словно сквозь меня, Я обернулся: за столиком у входа в ночной зал (полукружъя арок еще задернуты малиновыми портьерами) усаживались два деловых джентльмена в стальных «тройках» и сценарист Василевич в излюбленном серебристом костюме; все с дымящимися сигарами. И пронзило меня ощущение, будто нахожусь я в мире враждебном, где куда ни ткнишь - опасность, жуть, тайна. Такая уж атмосферка в «Артистико»-«Мефистико».

- Мне пора, - пробормотал киноактер, - у меня встреча.

Энергичную длань почувствовал я на своем левом плече, машинально стряхнул, повернул голову: Вольнов с двумя банками апельсинового сока - здоровый, свежий, благоухающий беззаботной глупой улыбкой.

- Гуддэй! Не помешаю?

Я даже не успел ответить «присоединяйтесь» - мимо пролетел бледным призраком Гофман...Ладно, попозже с ним разберусь.

- Куда это придурка так шустро отнесло? - поинтересовался Вольнов, присаживаясь. - Сочку не хотите?

- Нет, спасибо.

- А у нас тут встреча с кой-какими деятелями. Гляжу - сыщик. - Он бурно утолил жажду, схватил салфетку. - Что это?

- Как вы думаете?

- Может, скорпион?

- Может, и скорпион, не знаю. Это насекомое нарисовала Виктория на листке с таинственным текстом - «приди ко мне тот, кто под землей», - который вдруг исчез.

Борис слушал зачарованно, как ребенок сказку.

- Текст исчез?

- Листок. Из квартиры на Плющихе. Но я запомнил изображение. Понимаете, какое теперь значение приобретает этот самый жучок?

- Какое?

Нет, все-таки с дураками дело иметь - упаришься.

- Преступник рисковал из-за рисунка, текст запомнить легко.

- Значит, убийство произошло все-таки в Москве?

- В Молчановке видели убитую Викторию.

- Ни фиги себе! - Борис опрокинул в рот вторую жестянку. - А кто видел?

Я многозначительно промолчал.

- Понятно, - он кивнул, - нельзя разглашать. А где?

- В гараже.

- Так вы нашли мертвых?
- Теперь это дело времени.
- Непонятно

К столику подскочил Жорж, сунул мне кассету, шепнул: «Свою жертвую, себе позже перепишу», - и пронесся к стойке.

- Что это? - Борис кивнул на кассету.
- Запись шоу «Мефисто». Вы уже видели?

Киноактер совершенно по-детски надулся, вспомнив свежую обиду, но мигом сумел справиться - засмеялся, подмигнул.

- Рита покажет, похвастается. - Лицо его просияло ясной, нежной улыбкой. - Наслушался я вашу Танюшу и решил обвенчаться.

Я с трудом переключился с сумасшедшего следствия на события нормальные, с нормальными людьми происходящие.

- Имейте в виду - это навсегда, навечно.
- А я так и хочу!
- Когда же?
- Надеюсь, завтра.
- Пятница - день тяжелый.

- А с понедельника, говорят, Петровский пост, не венчают. Она не знает еще, сюрприз. О! - отвлекся Боб. - Продюсеры удаляются, необходимо откланяться.

За стеклянной завесой возле шикарного лимузина сосредоточенно докуривала сигары респектабельная тройка; сценарист, казалось, смотрел мне прямо в глаза с усмешкой. Я

поднялся вслед за Вольновым, прихватив салфетку с непостижимым жучком.

27

- Какое-то насекомое...майский жук?. Не разбираюсь. - Василевич вернул мне салфетку.

- А в чем, собственно, загвоздка?

- Только вы один знали... - я запнулся: Танюша с Савельичем тоже знают, но они вне подозрений! - Знали о найденной в квартире на Плющихе записке с «магическим» текстом.

- Узнал от вас, ну и что?

- Кроме заклинания, на листке был воспроизведен вот такой рисунок.

Он пожал плечами.

- Существуют насекомые, живущие под землей?

- Возможно. А «загвоздка» в том, что записку украли.

- Seriously? - сценарист развернулся ко мне серебристым окуном; мы сидели в его машине, как вчера: он за рулем, я позади. - Вы намекаете, будто я украд? Делать мне больше нечего!

- Мне до сих пор неясна ваша роль в этой чудовищной истории.

- Не роль чудовища - всего лишь статиста, случайно выбранного режиссером в тот вечер - шестого июня.

- Случайно ли?.. Я уже говорил вам, что в клубе было полно ее знакомых.

- В том числе и вы.

- Хорошо, не будем переливать из пустого в порожнее.

- Согласен. Загадка насекомого - это не скорпиончик, случаем? - интереснее.

- Может, и скорпион. Мне он запомнился как паук, но когда восстановил изображение в деталях... нет, не то.

- Не то. Кажется, вы упоминали, что текст написан рукой Виктории Павловны.

- По словам мужа - да.

- Поверим на слово. Значит, дело не в почерке... «Приди ко мне тот, кто под землей» - врезается в память. Если листок действительно украли, то из-за рисунка, так? То есть пресловутый жучок способен каким-то непонятным образом вывести на след убийцы.

С умным человеком беседовать не в пример приятнее, но, наверное, и опаснее. После паузы раздумья разумный логик («прагматик» - так он себя назвал? станет ли прагматик разрушать свой мозг кокаином и коллекционировать женщин - занятие пустейшие, но погибельные?), логик продолжил:

- С другой стороны, и рисунок восстановить несложно - вы же восстановили.

- У меня очень приличная профессиональная память на детали, вот эти

лапки, полоски...Преступник мог об этом не знать.

- Если эти детали так важны, то почему он не забрал записку сразу, вместе с ковром?

- Забрал! Как она очутилась в прихожей? Обронил - это очевидно.

- Небрежность, вызывающая сомнение в важности улики.

- О нет! Ради нее он пошел на вторую кражу. Чисто зрительно мне представляется, что листок выпал из книги.

- Из книги о насекомых?

- О черной магии. «Приди ко мне...»

- Ой, не надо! - сценарист иронически поморщился. — Правда, нынче у нас великий наплыв магов-шарлатанов, но речь-то идет о реальном конкретном преступлении.

- Режиссер Любавская также занималась делом конкретным - подготовкой к экранизации «Египетских ночей».

Лев-Васька удивился, взволновался.

- Вы проводите связь...

- Нащупываю.

- Древний Египет славен оккультными изысками, не так ли?

- Да уж.

- А как вы работали над сценарием?

- Меня не приплетайте! Я так глубоко не копал.

- Отчего же?

- Себе дороже... затягивает. Знаете, как египтяне сами называли свою страну (Египет - это по-гречески)? Кем - в переводе «тайна». А я человек здешний, простой.

- Бывает простота хуже воровства.

- Это мой собственный замысел! - возразил сценарист чуть ли не угрожающе.

- И все-таки попытайтесь вспомнить, при каких обстоятельствах Вольнов подсказал вам композицию сценария?

- Не было этого!

- Да зачем ему у выдумывать?

- Я с этим идиотом разберусь.

- Сначала со мной. Скажите: зачем? Кинозвезда не претендует на авторство.

- И я ни на что не претендую.

- Чему посвящена была сегодняшняя встреча с продюсерами?

- Другие планы, другие замыслы.

- Почему же вы оставили прежний, пушкинский? Любавский вам уже не соперник.

— На пушкинский денег не дают. - Сценарист помолчал и признался: - Вообще, «Египетские ночи» после этих смертоносных событий имеют для меня какой-то болезненный привкус.

- Не связан ли он с употреблением наркотиков?

Ироническая маска напротив сменилась на тревожно-страдальческую.

- Что за бестактный вопрос?
Поосторожнее, сыщик!

Я решил его простодушного друга не закладывать и отозвался неопределенно:

- В вашем... в нашем кругу чего только не насмотришься. Творческая, так сказать, интеллигенция переживает неодакандс с болезненным привкусом - страх перед грядущим, как те, из, из «серебряного века»...ну, забывается, возбуждается, кто во что горазд.

- Сплетни, - бросил он задумчиво, вдруг словно судорога прошла по осунувшемуся лицу. - Борька Вольнов? Этот плейбой не так-то прост...

- Я просто предположил. А вы подумайте.

- Над чем?

- Как одинаковые замыслы рождаются одновременно у людей столь разных.

- Разных? - рассеянно переспросил он; чем-то я задел его, даже поразил, но не мог сообразить, чем... кокаином? Впрочем, кого нынче волнует суд или дурная слава? Любая слава - это реклама.

- Разные - по темпераменту, по возрасту... Правда, у обоих сценаристов один источник вдохновения - «душа поэта, осуществляющая связь времен».

- Вспомнились разглагольствования Самсона в Троицын день.

- До какого сладострастного извращения дошел древний мир накануне явления Спасителя, как извратился мир уже

православный в пушкинский «золотой век» перед нашей великой катастрофой и до чего в пост-христианстве дошли мы. Найдется ли режиссер, способный отразить это?

Василевич слушал внимательно, отозвался осторожно:

- Не уверен. Неужели Любавские дерзнули на столь глубокий элитарный проект?

- Дерзнуть - еще не значит совершить... Во всяком случае, «копать», по вашему выражению, она начала из тьмы веков.

- С подземных жуков, - пробормотал сценарист. - А пушкинский, как вы изволили заметить, «золотой век»...

- «Золотой жук», - ни к селу, ни к городу ляпнул я, и сам удивился, и заняло сердце.

- Что?.. А, новелла Эдгара По. Золотое детство.

- Я тоже в детстве читал.

Мы устали друг на друга. Незабываемое мгновенье - на пороге тайны - уникальная страна Кем.

- Но ведь, - прошептал я, - в новелле скарабей. Навозный жук. Так?

Сценарист кивнул, глаз не сводя с бумажной салфетки в моей руке.

- Скарабей, - повторил я слово экзотическое, чужестранное, словно царапающее согласными звуками сердце. - Какой-то их символ, древнеегипетский.

- Да может, в записке не скарабей!

- Вы не знаете?
- Нет!
- А что знаете?
- Этот жук олицетворял для них солнечное божество.
- Солнечный бес!
- Ну, для христиан это, конечно, мракобесие, - согласился Василевич и еще что-то сказал, я не слышал - какой-то ужас подступил, непонятный, нездешний...
- Что с вами?
- Солнечный бес просквозил из окна спальни и открыл дверь в кабинет...
- В чьей спальне? - осведомился сценарист с сарказмом; я несколько остыл.
- В загородном доме Любавских.

28

Меня так и тянуло в Молчановку, в спальню, где солнечный сквозняк распахнул окна и двери. Но по дороге заехал на Плющицу, на площадке повторилась давешняя сцена: старушка-соседка, жгучий интерес, последняя информация. «Чуть-чуть не застали, я говорю, человек вас тут дожидался, а он: уезжаю, говорит. Рюкзачок за спиной, видать, за город подался. И заметно, расстроенный кражей-то, весь бледный, аж постарел...»

Я, конечно, рванул туда же, не предчувствуя, что ждет меня там - мистический ужас сменился раздражением на «трепещущего интеллигента».

Шел четвертый час, послеполуденные лучи слепили, обжигали, я обливался потом в раскаленной железке, застревал в пробках, чертыхался... и с чувством физического изнеможения углубился в «новорусский» лес: фантастическая чащоба, летающий пух от печальных тополей, безлюдье меж домами-мухоморами, такими нелепыми здесь, чужими... Но когда прошагал по плитам дорожки к дому - глухота безмолвных древесных свидетелей - ощутил прилив сил.

Дверь в гараж приоткрыта, бесшумно проник в прохладу, ожидая облегчения - узкого просвета и чуть слышного бормотанья, зова к миру горнему. Тишина оглушила. Поднялся в спальню (чего спешил, чего ожидал - некоего озарения?), не дождался, лишь ужаснулся на миг, увидев свое отражение в кривом зеркале старого гардероба: вид совсем больной, воспаленный от переутомления. Прошел в необжитой кабинет, компьютер-обвинитель, окно, лужайка с дачным «уютом» под липами. Конечно, она там, лежит ничком, прикинув к земле, в «юродивом» красно-зеленом наряде...и словно прошелестел, шевеля ветвями и травами, в

сторону ворот черный ветерок...почему-то так подумалось: «черный».

Утром в разговоре с ней на мгновение я ощутил своего рода любовь - не страсть, а какое-то новое, незнакомое чувство. Я сбежал вниз, чтобы сказать ей об этом, подбежал, окликнул, перевернул - она была мертва, пустые очи уставились мне в лицо. Она была задушена, но я не сразу поверил, потому что держал в руках почти живую, теплую плоть. Она была убита только что - и на какое-то мгновение я обезумел, раскачиваясь, баюкая ее, как ребенка, бессмысленно повторяя: «солнечный бес, навозный жук, солнечный, навозный...»

На зеленом одеяле валялись дешевые вязаные четки, которые она, вспомнил, спрятала от меня...когда это было? недавно... Вдруг медленно проступающая полоса на тонкой шее бросилась в глаза, я заплакал, зарыдал даже (впервые в жизни), и очнулся в другом мире, где все то же плюс почти осязаемая смерть! Смерть прошмыгнула в зарослях черным ветерком, я видел убийцу. Мне хотелось сидеть вот так и баюкать (брезгливость к убогим, к калекам исчезла - не сейчас, раньше...когда? неважно), сидеть и баюкать, обращаясь не к скарабею, а к «Отче наш»...однако я видел! Что?.. Промельк, намек, «ветерок»! Я расхохотался. Тут не ветром надуло, а руки сильные, жестокие изуродовали

шею. Я бережно уложил мертвую на одеяло и побежал звонить.

За узорной оградой подпрыгивал пес (как его зовут?.. забыл), кто-то промелькнул меж подстриженными кустами, болезненно повторяя убийственную пантомиму в другом саду; подбежала нимфочка, одетая, крича шепотом: «Скорее! Он заперся в кабинете!» Я поволока за нею куда-то...правильно, к телефону, нужно позвонить, но дверь действительно заперта. Всю разгневанную энергию вложил я в разбег по коридору и в удар ногой. Одновременно с дверным грохотом раздался выстрел: банкир, живой, выпучив рачьи глаза, сидел за письменным столом, он промахнулся, я его спугнул. Навалился, вырвал пистолет, заорав: «Так легко не отделаетесь, ваша семейка за все сполна заплатит!» Он не отреагировал, продолжая сидеть, как надутая гигантская кукла. Да черт с ним! На удивление хладнокровно я дозвонился куда надо, обстоятельно доложив про убийство и несостоявшееся самоубийство.

Далее все происходило как в затяжном сне, я держал оцепеневшего главу под прицелом, не вслушиваясь в женский лепет и плач за спиной; их прикосновенья, толканья, дерганья не могли привести меня в чувство, потому что душой я был на лужайке в липах. (она исчезнет, как те, как мой сын, но нельзя же упускать местного маньяка!)

Чуть позже все стронулось в казенно-рутинном порядке. Я деревянно, но подробно отвечал на вопросы, даже не запомнив кому... какому-то чину, поминутно умоляя его продвинуться к дому Любавских, а он успокаивал: не волнуйтесь, мол, трупом занимаются.

«Трупом занимаются»... Про Танюшу! Сегодня утром она была живая, и я что-то не успел ей сказать...

- Вам плохо?

- Что?

- Вам плохо?

- Устал... простите.

- Эта женщина была вам так дорога?

- Да, была. Спрашивайте, я в порядке.

- Вы видите связь между убийством Татьяны Остромировой и исчезновением ее сестры и племянника?

- Она сказала, что я должен найти убийцу, мы вместе вели поиски, сегодня я кого-то задел, спугнул.

- Весьма странно. Ее зверски изнасиловали...

- Не может быть!

- Белье и одежда порваны, кровь... Она была девственницей?

- Не знаю...да, была.

- Впрочем, эксперт разберется. Но мотив налицо: сексуальное нападение со смертельным исходом.

- Я... не понял, я не видел кровь.
- Вы в состоянии продолжать?
- Да, да! О чем мы говорили?
- Жертва насилия - жертва-свидетельница, как утверждаете вы. А я вам скажу: либо то, либо другое.

- Тогда мне больше нечего сказать.

- Ну, ну, вы варитесь в этом котле с воскресенья. В вашем довольно путаном рассказе о подозреваемых...

- В изнасиловании я никого не подозреваю. Гофман сегодня интересовался, живет ли на даче Любавских юродивая.

- Тот киноактер, да? А почему юродивая?

- Она нормальна, но почти отказалась от мира, вот только хотела своих похоронить и уйти в паломничество. Извините, мысли путаются.

- Но по вашим словам, Гофман иной половой ориентации? Ладно, допросим, сами разберемся. Перечислите, с кем еще вы сегодня виделись.

- Со всеми. Кроме мужа.

- То есть зятя?

- Да. Самсон позвонил сюда и сказал про кражу записки со скарабеем.

- Вы зациклились на этом насекомом.

- Записку ведь украли!

- Любавским мы займемся, как найдем. Еще с кем?

- С ней, с Танюшей. По поводу отпечатков пальцев.

- К сожалению, их идентифицировать невозможно.

- Но банкир признался!

- Он под надзором. Дальше.

- С соседкой Кристины Каминской и с самой журналисткой. Мне кажется, они сговорились насчет алиби Самсона.

- Женщин мы допросим, но Остромирову, сами понимаете, изнасиловал мужчина. Тут и Гофмана приходится исключать, хотя черт их, бисексуалов, разберет.

- Я также общался с Борисом Вольновым.

- А, с этим суперменом. Интересно.

- Ничего интересного, он дурачок.

- Больной?

- В смысле - умом не блещет. Еще - со сценаристом Львом Василевичем, мы додумались до скарабея...

- Пока опустим.

- Тогда последний - банкир. Плюс его семейка. Вот и весь круг подозреваемых, я испугался, что своими вопросами вынудил убийцу к действиям.

- Теперь так не думаете?

- Поверьте мне на слово: дело надо начинать с Вики и сына.

- Вам известно местопребывание (или хотя бы фамилия) Никиты Савельевича, который якобы дал взятку за местных бомжей?

- Не якобы! Ваши сотрудники их отпустили!

- Ничего, отыщем. Возможно, они дадут описания тех лиц, что крутились возле дома Любавских в ночь с субботы на воскресенье.

- Не знаю ни фамилии, ни адреса.

- Когда дилетант вмешивается...

- Во что? Ваши коллеги не шевельнулись с понедельника!

- Таков порядок. Ведь до сих пор нет твердой уверенности, что Любавская с сыном убиты.

- Нимфочка видела мертвого Ваню.

- Кто-кто?

- Леля. И сам банкир. А Самсон - труп жены.

- Она была изнасилована?

- Он сразу сбежал от ужаса.

- И сразу к ужасу вернулся?.. Видите ли, я пытаюсь установить реальную связь между эпизодами, у меня-то нет вашей уверенности. И все же поступки мужа и банкира, мягко скажем, подозрительны.

- Надавите на соседку Каминской.

- Да, да, по этим двум направлениям, видимо, и предстоит основная работа. Во сколько Любавский отправился, по предположению той старушки, в Москву?

- Я сидел в «Мефистико»... то есть в «Артистико»...нет, позже! Я понял так, что прямо передо мной: «Чуть-чуть не застали», - сказала она. Часа в три.

- Это очень важно. Труп не успел остыть, и вы...

- Самсон изнасиловал и убил жену, а потом невестку? Невероятно!

- А что вероятно? Что вы действительно видели на месте преступления? «Черный ветерок». Это, знаете, мираж.

- Может, кто-то в черной одежде.

- Поконкретнее.

- Участок неосвоенный, очень густые заросли, а я глядел издали, из окна - на Танюшу. И только боковым зрением отметил, как ветви шевелились и нечто черное как будто промелькнуло.

- Как будто... Вы обратили внимание, что Илья Лазарев стрелялся в черном костюме?

- А?.. Ну да. Он видел «светящееся существо»...

- Вы уже об этом говорили, я сам его допрошу.

- Он ведь записку оставил?

- «Во всем, в том числе и в моей смерти, виноват я сам».

- В чем во всем?

- Объяснит. Сейчас он в больнице, сердечный приступ, сказали, до вечера спать

будет. Кто еще мог вашим «черным ветерком» прошелестеть?

- Мы же ищем мужчину...

- И вполне возможно - постороннего.

Сексуального маньяка, так сказать.

- Может, он маньяк, но не посторонний!

- Не будем спорить.

- Никита Савельевич всегда в черном...

что-то вроде пальто.

- В такую жару?

- Зябнет. Он вообще со странностями.

- Из ваших показаний такой вывод можно сделать о каждом подозреваемом. Петровский паноптикум какой-то.

- Преступление на почве искусства...

- При чем тут искусство! В случае с Остромировой мотив очевиден.

- Связь между тремя убийствами...

- Которую вы мне не доказали.

- Докажу!

- Но согласитесь, у преступников были разные побуждения. Сексуальный взрыв, так? Ну а в первом случае...ревность, например.

- Жутким холодком, нечеловеческим веет от этих преступлений. Какая там ревность!

- Мужа к любовнику или, напротив, любовника к мужу. Не увлекайтесь абстракциями, это проделал человек. Гофман, по своим интимным пристрастиям, наверное, отпадает. Остаются: сам Любавский. Лазарев, Вольнов и Василевич.

- Вольнов завтра венчается с Ритой Райт. Знаете такую?

- Как же. «Золотая бабочка», кажется?

- Фильм «Золотой мотылек».

- Да, красивая картина, и сама она картинка. Однако артистические нравы... Словом, не будем и жениха сбрасывать со счетов, поскольку он ездил сюда каждый день. Во что Вольнов был сегодня одет?

- В голубой футболке и джинсах. Гофман в белой кружевной рубашке и светло-сером жилете...не жилете...Ну, не в черном. А Василевич очень любит спортивный костюм серебристого такого цвета. Они занимаются борьбой в восточном каком-то клубе. Кстати, то «светящееся существо»...

- Не будем отвлекаться, дождемся, когда банкир очухается.

- Вы говорите, нет связи, а она чувствовала убийцу.

- Кто?

- Танюша. Ощущала его как беса, который мешает ей молиться.

- В каком смысле?

- Она вдруг стала забывать слова молитвы.

- Ну, женщина по-своему переживала исчезновение близких. Ей негде было жить?

- У нее был богатый друг...нет, не то, о чем вы сейчас подумали. Савельич цеплялся за Танюшу, как ребенок. А она осталась в Молчановке, потому что...

- Почему?
- У нее был дар предчувствия...как бы сказать, прозорливости.
- Да? Кого конкретно подозревала Остромирова?
- Человека сильного, очень умного и жестокого.
- А поконкретнее?
- Она не говорила мне.
- Почему?.. Спрошу прямее: она не могла быть замешана в убийстве сестры и племянника?
- Господь с вами! Именно Танюша уговорила меня заняться расследованием.
- Почему именно вас?
- Она сказала, что я отец Вани и... - я замолчал.
- Что еще?
- Этого уже достаточно. - Я не смог доложить милиционеру, что когда-то она любила меня; испугался приступа слез, как там, наедине с мертвой, на лужайке.

После ухода следователя жалкие остатки сыскной энергии меня покинули, я продолжал расслабленно сидеть в банкирском кабинете у окна...не знаю, сколько времени...недолго. По подстриженному по-европейски саду безостановочно ходили две женщины, в

разных концах, а между ними, как связной, мотался Сатрап. Вот почувал мой взгляд, задрал морду и завыл, словно подал сигнал - мир вокруг начал обретать полноценные образы, звуки и краски.

Женщины в черном (майка, шорты и мрачное длинное платье) ходили так монотонно, синхронно, не видя друг друга, - чуть жуть брала. По их словам, глава семьи внезапно заперся в кабинете, не отвечая ни слова на уговоры из-за двери. Тут явился спасителем я.

После моего утреннего визита никто из троих со двора не отлучался, между тем они успели переодеться, и самоубийца сменил кашемировый халат на траурный наряд, даже лаковые туфли напялил, значит, не сразу заперся, из кабинета выходил... На собаке кожаный ошейник, его надевают только на прогулку, по участку Сатрап бегают, так сказать, голышом.

Детали мелкие, пустяковые как будто, но... Я попытался сосредоточиться, вспомнить четко черный промельк в зарослях... Однако жгучие предвечерние лучи слепили глаза вспышками колеблющихся под легким ветерком светотеней. И я не проследил за той тенью, я смотрел на лицо, на красной юбке пятна крови не заметил, когда держал ее на коленях!.. Не надо об этом, впаду в истерику.

Итак, они переоделись - ну и что? Женщины ни при чем, банкиром займется профессионалы, надо спешить, только я не знал, куда. Ротвейлер опять взвыл, Ирина Юрьевна встрепенулась, подняла голову, наши взгляды встретились - и она, согнувшись, спряталась за куст акации. Я поспешил вниз.

- Вы меня видели в окне дома Любавских, да? Что вы там делали?

Женщина сжалась как от удара.

- Только не лгите! Я запомнил ваше черное платье, но пока не выдал. Однако - если вы сейчас не скажете правду...

Она перебила поспешно:

- Да, я хотела позвать вас на помощь и пошла туда: вдруг вы еще не уехали. Но в доме никто не отозвался.

- Вы вошли?

- Нет, постучалась. Дверь не заперта, подумала: та женщина в саду.

- Убитая?

- Но я же не знала...

- Что вы про нее знаете?

- Илюша говорил, что у Любавских в воскресенье поселилась бедная родственница.

- Вы ускользнули с лужайки!

- Мне страшно, Николай Васильевич. Невыносимо страшно. Там убийца, в том направлении слышался шум.

- Откуда?

- С лужайки.

- Какого рода шум?

- Кашель или хрип...какие-то звуки... Я пошла: женщина на одеяле в неестественно позе, шея... Да вы видели! Господи, я оцепенела! Повернулась бежать - вы смотрите из окна. Я вас тоже не выдала.

- Почему? Что молчите?

- Боюсь.

- Мужа боитесь замешать? Он уже по уши влип.

- Он заперся в кабинете!

- Ложь! Не ко мне вы побежали, а Илюшу своего разыскивать, его вы побоялись выдать, а не меня!

- Нет!

- Не в доме же его лаковые туфли запылились!

- Нет!

- Правильно. Кто брал Сатрапа на поиски?

- Нет. Леля подтвердит: Илья был в кабинете.

Взвинченный голосок из-за куста:

- Ты - натуральная курица! - резвое появление дочки. - Его спасти надо, а не покрывать!

- Леля!

- Потому что ты уверена, что он - убийца!

- Боже мой!

- Если он сексуальный маньяк - черт с ним, пусть копыта отбросит...

- Боже мой! Вы слышите?

- Да может, еще и нет, может, он нормальный. Правда, Николай Васильевич?

- Говори все!

- Да, папа вдруг оделся и ушел, а мы записку в кабинете прочитали. Я в лес с Сатрапом побежала, мама - к Любавским. Вернулись одновременно, он на веранде, нас засек, поднялся и заперся. Тут - вы. (Мам, он обещал и приехал, видишь?) Здорово вы у него пистолет вырвали.

Школьница не теряла головы, мать, побледнев, механически, с хрустом ломала пальцы. При слове «пистолет» я, как дрессированный, бессмысленно сунул руку в задний карман джинсов и достал оружие... Да у меня ж его «органы» отобрали, лишь в дом ворвались! С тупым припоминанием рассматривал я кассету на ладони; женщины что-то говорили горячо, перебивая друг друга; я не слышал.

- У вас тут есть видеомэгнитофон?

Уставились на меня, не отвечая.

- Есть?

Лея передернула плечами, взяла кассету, втроем вы вошли в дом, в полутемную от задернутых штор комнату, сели на полукруглый длинный диван, экран напротив засветился, и нагловатый голос ведущего завопил: «Дорогие мои леди энд джентльмен, вволю повеселимся! И есть благороднейший повод, ведь сегодня... кто угадает, кто такой

умный?.. Да, суббота, а ещё?.. Громче, громче! Правильно, интеллектуалы: день рождения нашего гениального Александра Сергеевича...»

- Шестое июня! - закричала школьница; я опомнился, вырвал у нее пульт, остановил изображение и вежливо хозяек выпроводил: неровен час, главу семейства своего на ленте обнаружат, не дадут сосредоточиться.

Разбитной тележурналист Гришка Глобус, перекрывая стук барабанов и визг скрипок, вещал жизнерадостно: «Глядите сюда! Молодые корифеи отечественного кино дарят нам сногсшибательное зрелище - пляску Мефистофелей! Их, по традиции, тринадцать - чертова дюжина...» и т. д.

В апофеозе спецэффектов вспыхивали плащи из блестящего шелка - «чередование черноты и блеска молний», по выражению эстета Гофмана, - безобразные маски лукаво покачивались, сходясь в круг на подмостках, разбегаясь по зале, подсвеченной красным; малиновые занавеси и арки из будто бы необработанного камня действительно придавали действию фаустовский колорит средневекового кабачка... Пляска окончилась, на секунду я увидел себя, Вику и Василевича за дальним столиком, она говорила что-то... Крупным планом лицо Гофмана, шутит, дружное ржанье в зале (уже хорошо приняли), компания банкиров-учредителей в импровизированной ложе, тоже с бокалами,

Ильи Григорьевича среди них нет, встает Зюзя, тост, смех... Общий план, стойка бара вдали, Жорж с большой бутылкой, должно быть, кальвадос... Виктория!.. Одна, подходит к стойке... Господи, только б не прервался кадр! Прервался, красная физиономия Зюзи - опять речь... Я схватил пульт, вернулся назад, нажал на «паузу». Высокие табуреты у стойки все заняты, лица незнакомые, один из сидящих - Мефистофель! В маске. Вольнов? Но зачем соврал, будто она не подходила к нему? И нет наглядных доказательств, что подходила, что это он! Я смотрел остолбенело, в диком напряжении: узкая загорелая спина Виктории, за ней слева - черная маска в профиль... Пауза кончилась, изображение задвигалось, Мефистофель за стойкой в последнюю секунду шевельнулся, оправляя рукава камзола... у кого-то я видел этот изящный жест... сейчас не вспомнить!

Дьяволово действо покатило дальше... Опять краснорожий председатель с речью...Я, захваченный одним впечатлением - к кому подходила Вика, кто это скрыл? - всматривался рассеянно, но все запомнил, как оказалось впоследствии, все до малейшей черточки...тосты, шуточки, шуты на сцене, знаменитые в наше бездарное время... вот полуголая Рита Райт в белом платье кокетничает с банкирами (помню, я снимал)...вторая пляска чертей, ишь,

выкамаривают, барабаны, скрипки, подземный скрежет и плач зубовный; новый танец отличается от предыдущего другим рисунком, неким изыском, нарушением симметрии в чертовой дюжине... на всякий случай я пересчитал Мефистофелей... тринадцать, все правильно. Тут опять возникла сияющая супер-звезда (это уже не я снимал - напарника моего она увлекла), Рита очень серьезно слушала какого-то мужчину, наполовину скрытого малиновым занавесом...он протянул руку и коснулся ее груди. (Надо бы уточнить! По словам Вольнова, он объясниться с ней не смел.) Мимо прошмыгнула Каминская к стойке (ага, звонить Самсону!), в третий раз мелькнул Жорж. О, Вольнов, без маски, пьет апельсиновый сок...сейчас влезет Зюзя и начнется скандалчик...началось вручение «Мефисто» - это уже я снимал. На подмостки поперли создатели элитарных «Страстотерпцев» - от гримера до режиссера; каждому персонажу Глобус с юной девицей вручали по стеклянному чертику. Наконец - лучшая женская роль - божественная лучезарная Рита Райт. Бурный аплодисмент. Лучшая мужская роль - явление Карлыча, уже не в черно-серебряном костюме Мефистофеля, а в излюбленных бабьих кружевах, которыми он грациозно потряхивал... Я смотрел рассеянно, что-то подсознательно взволновало меня в

предыдущих кадрах, но сейчас не осмыслить... Торжествующая заключительная речь председателя (ну как тут не вспомнить «Пир во время чумы»!) Я вздрогнул. Что-то, связанное с Зюзей? Да ну, абсурд! И все-таки прокрутил запись назад: подвластные виртуальной воле действующие лица, как кукольные болванчики, дергались, пятясь... Прекрасная Рита и полускрытая аркой фигура в черном. (Надо непременно у нее поинтересоваться!) Мефистофель у стойки, нет, это разные фигуры... разные руки, точнее, жесты: небрежно-грациозный и грубо-властный...

Я запрокинул голову на кожаную прохладную спинку дивана, закрыл глаза, замельтешили демонские пляски-игры, в которых пропущено мною нечто важное...какофония звуков, хохот, движения и жесты, лица, лица... Надо всем дьяволовым действием довел - так отпечаталось в потемках памяти - краснорожий председатель Зюзя с его речами.

30

Я выехал из Молчановки уже под вечер, пасмурный и душный, гроза надвигалась медленно, изводя нервы, и без того натянутые до предела. Справа вдоль узкого новенького шоссе потянулся густой елово-березовый лес: изумрудно-ажурные пятна на черно-зеленом

фоне. Автомобиль нырнул в широкую колдобину, плавно выплыл, и в этом секундном промедлении я увидел под елкой меж плакучими ветвями лицо. Съехал на обочину, затормозил, выскочил... Человек скрылся, но по колеблющимся зарослям я нагнал его в сумеречной чаще, ухватился за рюкзак, развернул...

- Ты что здесь делаешь?

- Я задушил ее, - прошептал Самсон. - Я хотел в паломничество...

- Куда? - Руки мои непроизвольно потянулись его горлу - такая ненависть вдруг пронзила, нечеловеческая.

- Прощайся с жизнью, урод!

Он остался стоять, покорно склонив голову, подставив шею; и эта покорность меня несколько отрезвила.

- За что?

- Она первая напала.

Эта «детсадовская» реплика вызвала во мне дикий приступ смеха.

- Маленькая беззащитная женщина! Изнасиловать тебя хотела?

Он отшатнулся, ударившись рюкзаком о словый ствол.

- Едем к следователю!

- Сначала мне надо подлечиться.

- В психушке подлечат, так подлечат, что совсем загниешься!

- Николай, ты был прав: у меня типичное сотрясение мозга, я хотел сверить по медицинской программе симптомы...

- Для сексуального маньяка это не послужит смягчающим обстоятельством! Пошли.

- погоди! Я сообразил, вспомнил, - шептал он таинственно, - что потерял сознание, понимаешь? Упал на левый бок, ударился левой рукой, понимаешь?

- Следователь поймет, - не мог я с ним разговаривать, боялся сорваться, и если б у меня был пистолет... - По дороге расскажешь, поехали.

- Поехали, - неожиданно согласился Самсон, мы двинулись к шоссе, раздирая кусты и всякую мелкую зелень. Я крепко держал его за руку.

- Медицинская программа в компьютере?

- Ну да.

- Ты обычно работаешь в шерстяном шлеме?

- Я ж говорил...

- Ваня подражал тебе?

- Не знаю, ничего не понимаю!

- Во сколько ты смотрел программу?

- Я не успел...

- До убийства или после?

- Я не успел! - заорал он, рука его сжала мои пальцы - импульсивный жест испуга... вдруг вырвался и побежал «быстрее лани»

назад в чащобу. Я за ним... Я сильнее, выносливее, но этот заморыш боролся за свою жизнь! Словом, я его упустил, хотя какое-то время еще кружил бесцельно в буйных зарослях.

По дороге в Москву удалось из автомата связаться со следователем. «Не волнуйтесь, немедленно начнем операцию по задержанию. Координаты точные?» - «Точные, с полкилометра от Молчановки. Он вдруг собрался в паломничество с Танюшей, и она его, видимо, разоблачила». - «Паломничество мы ему устроим!»

Охотничий азарт мой поутих, я задумался о мотивах глубинных, о страстях убийственных, что толкают - вопреки всякой выгоде - человека на преступление... Так задумался, что не заметил, как очутился возле дома с каменными истуканами: астроном и шахтер - поднебесье, подземелье. В расследовании почти поставлена точка, делать мне у Риты Райт нечего, но я так устал, так безумно устал, что продолжал сидеть неподвижно, навалившись на руль. В маленькой витрине «Малыша» за статуями мальчик-манекен (хорош малыш!) целился в меня из большого игрушечного пистолета. Застрявший в переутомленном мозгу позыв - если б у меня было оружие! - сработал запоздало-забавно. О чем я подумал с

усмешкой, выходя из магазинчика с копией кольта в кармане. И тут же забыл об этом.

Опять сел в машину. Куда ехать? Домой отоспаться... услышать звоночек с того света и предостережение: «Не ищите мою могилу, ее очень трудно будет найти». А правда, где могила? Она так беспокоилась об этом...а где она сейчас? Тело в районном морге, истерзанное монстром, изрезанное патологоанатомом. А душа? Бессмертна... или как? Господи, подай знак! Вьется, бьется, как ласточка, на месте преступления, где ожидала убийцу, а мне имя не выдала. Он уже подготавливает пути к отступлению: мол, действовал без сознания, сотрясение, мол... Явился посмотреть симптомчики, а по ходу дела задушил свидетельницу. Должно быть, так. Но мне не давал покоя, заряжая ужасом и гневом, привходящий фактор (так, кажется, в юриспруденции называется?) - сексуальный акт... Он не вписывается ни в одну мою версию, если только... Необходимо еще раз просмотреть кассету. Две пляски Мефистофелей... «У него необыкновенные руки» - кто это сказал и про кого? Господи, этот жест, как будто человек в маске потряхивает кистями, оправляя кружево - характерный изящный жест. К нему направляется Виктория? Да ведь не может быть! А почему, собственно? Как заметил опытный милицкий чин: «Черт их,

бисексуалов, разберет». Черт разберет... но лучше сейчас, здесь, поскорее! Итак, две пляски и три хвастливых речи председателя. Что еще? Ваня - мой сын... И только я вспомнил о так называемом плагиате, как из машины, с разгону притормозившей впереди моей, выскочил Василевич. Пружинистым шагом проследовал «астронавт» в серебристом костюме из триллера между статуями, я устремился за ним...

- Вы тоже к Рите Райт? - подал реплику вдогонку; он развернулся, уставился на меня. - Вам известно, что в Молчановке убита Танюша? (сценарист молчал) Сестра Викторини. Началось официальное следствие.

Он продолжал держать паузу, зрачки расширены (под кайфом, что ли?), наконец вымолвил:

- Вы за мной следите?

- А хоть бы и за вами?

- Глупо, сыщик. Меня удостоили звания шафера, вот приехал узнать о завтрашнем венчании.

- Так идемте.

- Не к спеху, уступаю дорогу вам, - и он так же внезапно исчез, как возник. А ведь на чем-то очень важном сбил, черт... За сталинской аркой проурчал автомобиль, отчаливая, я поднялся к прекрасной кинозвезде.

Дверь на звонок отворилась тотчас, словно меня ждали: невеста в белейших пышных до полу одеждах, в девственном венке из мелких цветочков, распущенные черные волосы покрыты прозрачной фатой.

- Николай! - воскликнула она, схватив меня за руки. - Мы завтра венчаемся в монастыре, я в экстазе!

- Поздравляю, - промямлил я и проследовал, повинувшись рукам ее, в комнату к трельяжу, где трижды отразилась невинная невеста и немолодой мрачный мужик за нею.

- Как тебе платье?

- Великолепно.

- Сейчас еще одно принесут. Я в раздумье, нужен совет человека компетентного.

- Положим, я не очень...

- Не спорь! Ты - кинооператор, в своем роде художник. Или вот это, - она крутанулась вокруг своей оси, - в стиле пушкинской эпохи, сама невинность. Или - вышитая розами рубашечка едва до бедер, сейчас увидишь!

- Лучше невинность.

- Лучше, но не совсем правдиво... наши отношения с Борей более реалистичны. Ты не поверишь, но я еще ни разу не была замужем.

- Твоему жениху повезло.

- Мне! Я не могу без него жить, я б умерла, честно. Тогда в клубе я просто обезумела от счастья.

- Кстати, - я вспомнил, - ты уже видела кассету с шоу «Мефисто»?

- Ой, мне сейчас не до этого.

- Там есть такой эпизод: ты разговариваешь у арки с кем-то, полускрытом малиновым занавесом. С кем?

- С кем... - повторила красавица безразлично, глаз не сводя со своего отражения в зеркале. - С председателем жюри.

- С Зюзей?

- Как? - она засмеялась. - Забавно. Этот мстительный старик предложил мне ночь любви за «Мефисто».

- За жизнь, - пробормотал я, помянув «Египетские ночи». - А потом он затеял ссору с Вольновым.

- Одно с другим не связано. Я согласилась, ради успеха приходится идти на жертвы.

- Зюзя поймел ночь?

- Еще чего! Я стала невестой, все чисто.

- И приз оторвала, и вокруг пальца обвела. - Рита опять засмеялась. - Сегодня изнасилована и убита Танюша.

Сияющее лицо (три лица в трех створках) помертвело.

- Та убогая в деревне?.. Господи! Зачем ты сказал? Хочешь испортить мне радость?

- Почему гибель постороннего человека может тебе что-то испортить?

- Как тупы мужчины в эмоциональном плане. Ну, просто страшно... страшное предзнаменование. Кто это сделал?

- Муж Виктории сознался.

- Тот сценарист? Он маньяк, да?

- Черт его знает.

- И жену убил?

Логичный вопрос, который мне, до сих пор оглушенному, даже в голову не пришло задать Самсону.

Раздался входной звонок, я выскочил в прихожую, в секунду справился с замком. Пожилая тетка с большим нарядным пакетом в руках. «Ах, платье!» - Рита выхватила и умчалась к зеркалу, дверь грохнула, отрезав тетку с умильной улыбочкой. Я остался посреди прихожей, странно пораженный вопросом: «И жену убил?» Что он говорил-то? «Потерял сознание, понимаешь? Упал на левый бок...» Самсон приехал в Молчановку посмотреть медицинскую программу на компьютере, то есть, подозревая у себя сотрясение мозга. «Потерял сознание» - в каком убийстве он признался? «Упал на левый бок, ударился левой рукой...левой, понимаешь?» Понимаю, на левой руке - часы... Где же тогда могила?

Рита шагом манекенщицы прошлась взад-вперед передо мною, что-то лепеча, прелестно картавя от избытка чувств; я услышал только последнюю фразу, уже из комнаты: «Так какое

же лучше, Ник?» Пошел на голос; она, обнажённая, в одной коротенькой нижней юбке стояла перед зеркалом, перевеся через руку воздушный наряд. «Что есть красота и почему ее обожествляют люди? Сосуд она, в котором пустота, или огонь, мерцающий в сосуде?»

Электрическим разрядом просверкала, прогрохотала далекая сухая гроза, озарив на миг это солнечное божество; на секунду я закрыл глаза, ослеплённый проскользнувшей тайной! Вторая за один день невыносимая встряска, словно страсть и смерть неразлучны... но она жива! Не мигая, не смущаясь, она наблюдала в зеркале, как я медленно подходил... подошел, глаз не сводя с мерцающего сердца. Она спросила:

- Сексуально, да?

- Очень.

- А ты чуть настроение мне не испортил...

- погоди! Ты рассказала Гофману про Танюшу?

- А что, это такая тайна?..

Она не договорила - в дверь опять позвонили. Таинственная звезда, мгновенно натянув коротенькое платье, выскочила в прихожую, залепетала капризно:

- Я в мучительном раздумье!

- По поводу венчания? - мужественный голос тугодумного жениха.

- Что ты, Боря! Как тебе это платье?

- Шикарно. А подлиннее нет?

Они вошли рука об руку, секс-символ так и замер.

- Вот и Николай Васильевич сомневается: длинное или короткое?

- Я на минуту, Борис, сейчас уйду.

- Ин-те-ресно! По какому, собственно, делу...

- Я из Молчановки. Танюша...

- Черт! С монастырем этим совсем забыл про сеанс.

- Она убита. Ведется официальное следствие.

Борис явно не поверил, перевел взгляд на невесту, та кивнула.

- Ребята, вы меня разыгрываете?.. - тут он спохватился (дошло!), посуровел, мужественное лицо затвердело. - Но кто? Кто убийца?

- Следствие еще не раскрутилось. Сегодня вскрытие, а обыск и допросы завтра.

- Да какого ж откладывать...

- Собака нужна, и бомжей ищут, которые возле дома напротив в ту ночь пировали. Ладно, не буду вам мешать.

- Да погодите же!

- Не могу. Он на свободе.

- Убийца? Вы знаете, кто он?

- Есть у меня подозрения...

- Кто? - выпалила Рита; жених вставил:

- Он же не имеет права разглашать. Но расскажите, что можете!

- Некогда.

- «Он на свободе»... Вы должны его выследить? - догадался Вольнов. - Я могу помочь? Танюшу жалко!

- Вы здесь будете?

- Мы собирались на одну тусовку, на премьеру, но если надо...да, Гретхен?

- Нет, нет, планов не меняйте. И вообще - никому ни слова, можете спугнуть.

- Да кого? - вскрикнула актриса.

- Человека очень умного и жестокого. - Я пошел в прихожую; они, как зачарованные («вечные дети»), за мною. - Да, вот что! - вспомнил я уже в дверях. - Когда вы подали идею экранизации «Египетских ночей», Василевич был под кайфом?

- Вроде нет...А вообще не знаю, не заметил.

31

Безумный день клонился к ночи. Азарт, боль и гнев кое-как держали меня на плаву. Отвратительная тайна, не терпелось от нее освободиться, но триумф должен быть полный, то есть с абсолютными уликами и доказательствами.

Исполняя умысленный план, я посидел минут пятнадцать в машине возле ночного клуба. Впереди зияющая электричеством Тверская, переулок Мефистофеля пуст. Подъехало авто, выкатилась шикарная пара, я последовал за ними, помахав вечному Жоржу (несменяем!), прошелся по центральной зале за малиновыми портьерами - там шел стриптиз на столе, никого из «интересных» персонажей - вернулся к стойке. Кофейку. Ну как кассета? Потрясающе. Я в одиннадцать сменяюсь, давай напьемся от души, Ник. Обязательно, только не сегодня. О! Идешь по следу? Иду. Твоих «клиентов» нету. Нужен аппарат? Давай. По «горячему» телефону не отвечали; последние сведения из «органов»: Самсон по-прежнему в бегах, банкир в больнице, под охраной. «Под охраной - это хорошо», - пробормотал я, вставая с высокого табурета. Как видно, делать мне здесь нечего.

Подошел Зюзя, что-то выговаривая бармену; тот кивал, потом указал пальцем на меня:

- А вот Коля Смолин, он нас в субботу снимал.

- Что, парень, - развернулся ко мне краснолицый хозяин, - бабки получил?

- Спасибо, все нормально.

- А то могу еще подбросить, сними мне одну девочку.

- К сожалению, занят. Вам не кажется, сударь, что приз «Мефисто» присудили кое-кому несправедливо?

- Чего-чего?

- Главную роль в «Страстотерпцах»...

- А, ты дружок Вольнова? Передай этому бешеному волку, что он легко отделался.

- Вы его хорошо знаете?

- Не знаю и не желаю!

- Он заступился за даму.

Зюзя тотчас припечатал даму и заступника.

- Значит, вам больше нравится Гофман?

Зюзя припечатал Гофмана.

- Ты чего добиваешься, а?

- Справедливости. (Зюзя аж глаза вылупил.) Разве мнения других членов жюри ничего не стоили?

- Я тут главный!

- А Илья Григорьевич?

- Он на вручение не остался.

- Он был в клубе в субботу?

- Чего тебе надо?

- Он с кем-то виделся? С режиссером Любавской?

- Да кто ты такой? - Зюзя медленно надвигался, сжав кулаки, на левом татуировка - череп и крест.- Любавская бесследно исчезла в ту субботу, понимаете? А банкир сегодня стрелялся.

- Слушай, начальник, - хозяин затормозил, заговорил миролюбиво, - эти дела меня не касаются и клуба моего не касаются! - и он резво ретировался.

- Я тебя подвел, Жор?

- Обойдется. Но вообще, Ник, ты не туда заехал...

- Извини. Как мне выйти через служебный вход?

Бармен объяснил. Я прошел через кухню, остановился на минуту (там еще крутили чертову пляску под гром барабанов и рыданье скрипок), покинул заведение, прокрался за угол, сел в машину - вроде ничего подозрительного! и покатила по привычному маршруту.

...В низком поднебесье взметнулся вихрь, соединяя обрывки туч, и вдруг упала ночь. Верхушки старых деревьев шелестели, стволы поскрипывали, постанывали, чудился (в полуборморочном моем состоянии), чудился плач. «Здесь тяжело, не дается молитва». - «Привидения являются?» - «Он не дает молиться, забываю слова». - «Кто - он?» Солнечный бес, светящееся существо, посланец из страны Кем - тайны; временами от переутомления я впадал будто в бред, и мерещились мне неоконченные «Египетские ночи»; гений не окончил, и некто, по словам сценариста, «рискнул перенести ситуацию исторического мифа в наш бешеный век,

сейчас, сюда», в этот дом, в этот сад...не перенести - перевернуть ситуацию, замутив классическую ясность зла преступлением в духе «нового русского кино». Болезненный блеск новизны...

Начало - в душной спальне, солнечный блик, просверкнув в оконном стекле, отразился в зеркале гардероба; пружина действия натянулась на разрыв, но случайно вмешался мальчик - мой сын... Сценаристы трудились над одним сценарием; неудавшаяся «Клеопатра» сумела обольстить банкира; приз достался уродцу Гофману - «нечаянная радость»; председатель жюри трижды произнес тост во славу «Мефисто», и черти сплясали...

Мысли и ощущения наплывали в сумятице и пестроте, сбивались, переплетались, когда в древесном скрипе и стоне прошаркали шаги. Знакомые шаги. И приблизилась как будто женская фигур в черном. Кто в такую жару одевается чуть ли не в пальто?.. Я вытянул руку из кустов (засада у ворот), схватился за полу «лунсердака» и подтянул богатого бомжа к себе. Он и охнуть не успел, как оказался прижатым к земле.

- Тихо! Что вы здесь делаете?

Савельич лежал неподвижно, как мертвый, лишь белки глаз выразительно блестели.

- Очнитесь, это я - Николай Васильевич.

Он выдохнул:

- Хлебушка принес. - Белый узелок шевельнулся на груди от слабого движения руки его.

- Здесь опасно разговаривать. Пошли!

Рука об руку пронеслись мы по бетонным плитам за гараж, откуда просматривался подход к дому. Савельич повторил шепотом:

- Хлебушка принес.

- Кому?

- Танюше.

- Танюша в местном морге.

Он вздрогнул.

- Опознаёт тела сестры и Ванечки?

- Если и опознаёт, то на том свете. Она убита.

Слова и тон мой были грубы, этот «хлебушек Танюше» расколыхал боль; я боялся заплакать, а Савельич не боялся, он поверил сразу и зарыдал, запричитал - почти беззвучно, без голоса:

- Господи, за что? - погрозил кулаком в небо - трагикомичная фигура «пророка» в хламиде - тут же раскаялся, встал на колени и забормотал: - Да воскреснет Бог и расточатся врази Его и да бежат от лица Его ненавидящие Его... - дочитал молитву, поклонился земным поклоном и прошептал нормально: - Когда?

- В четвертом часу.

- В четвертом, да? В четвертом?

- Ее изнасиловали и задушили.

Я ожидал нового взрыва, но он только проговорил:

- Мой грех. Опять.

- Что это значит?

- Я обещался днем, но задержался в Москве.

- На доллары смотрели?

- Смотрел. - Савельич закопошился у моих ног, почти до земли опустив голову; преодолев брезгливость, я схватил его за шиворот и помог встать на ноги.

- Вы - жалкий червяк.

- Жуткий, - засипел он мне на ухо. - Сказать вам? Сказать?

- Ну?

- В позапрошлом лето мои собирались плыть на Валаам, но билеты на теплоход дороже, я их послал на автобусе, автобус разбился, всего двое погибли - жена и сын.

- Убирайтесь отсюда к чертовой матери!

- Куда ж я теперь пойду?

- Я сказал, куда.

- Но она еще здесь, Николай Васильевич, и нас слышит.

Он сумасшедший, отпускать его нельзя.

- Ладно, прошу прощения. Помолчим.

Старик послушался, и я забыл о нем. Наступившая ночь продолжала бушевать в вышине, сохраняя безмолвие на земле. Которое вдруг нарушилось посторонним звуком: калитка отворилась и захлопнулась, еле

слышно, но для меня словно гром прогремел. тут и впрямь небеса содрогнулись, озарив в серебристом просверке светящееся существо. Нездешний трепет тронул мои волосы, прошел по позвоночнику, а во мраке плыло, приближаясь, белеющее пятно.

Я вспомнил и схватил за руку Савельича, который, кажется, собирался сбежать или упасть; импульсивно сжал пальцы, словно подавая знак - молчание! - словно боясь, что будет слышно дыхание наше. Лязгнул гаражный замок, потом простонали створки; я выпустил чужую руку, подкрался и шире разъял щель меж ними, приник - там, при свете синей трубки, распорядился враг. Его не было видно, но короткие тупые удары доносились из-под земли. «Приди ко мне тот, кто под землей».

Да, да, так: он потерял сознание, и время остановилось.

Надо еще подождать, еще... пока полностью проявится запах смерти и завладеет пространством! Но мочи не было терпеть, я вошел незаметно, ступая в такт ударам, как вдруг кто-то за моей спиной завопил: «Не ищите мою могилу, ее очень трудно будет найти!» Враз возник враг, я почти упал под стремительным ударом, но сумел оттолкнуться от пола; потом мы сцепились и покатались по бетону, свалились в яму, сильные пальцы охватили мое горло, начал меркнуть свет... Но

тут же все и кончилось: над нами вырос старик с пистолетом и хладнокровно приказал: «Ни с места! Стреляю!»

32

- Этот мир, такой экстравагантный с виду, эксцентрический, на самом деле - система жесткая по своей структуре, запрограммированная. Маска супермена прирастает к лицу («отличные ребята - плохие парни»), маска в данном случае американская, примитивная, чем на толпу и действует. А в нашей экстремальной ситуации «гений перевоплощений» подействовал и на профессионала. На меня, например.

- Но Танюша разгадала и погибла.

- Женщины его чувствовали иначе, у мужчин, вполне вероятно, срабатывала подсознательная зависть и ревность к более удачливому самцу. Эротическая энергия пронизывает не кинематограф - в нем отражается и фиксируется - а наши тела и души.

- Когда их дьявол повязал?

- Весной. Виктория увлеклась безумно, а он собирал свою «коллекцию женщин», вспомните соперничество Василевича и неотразимого секс-символа.

- Он все рассказал?

- Не сразу.

- Его поймали в такой обличительный момент!

- К счастью для меня, при свидетеле...И есть еще один, главный - из страны Кем. После гибели Танюши на допросе я говорил о подозреваемых, о том, что в марте у обоих сценаристов одновременно возникла идея экранизации «Египетских ночей»; и оба защищались от обвинения в плагиате так искренне, так убедительно.

- Кто ж из них придумал?

- Ни тот и ни другой.

- Виктория Павловна?

- Это идея Вольнова. Вы первый подметили, что плейбой отнюдь не дурачок.

- Танюша подметила.

- Да, и Гофман. И невеста его умом восторгалась. Это было моей ошибкой с самого начала: я недооценил изощренного противника, маска недоумка удобна во время следствия. Конечно, Виктория увлеклась человеком неглупым, и вот ей-то роль роковой Клеопатры не удалась. «Скажите, кто меж вами купит ценою жизни ночь мою».

- Языческие страсти. Неужто развестись нельзя... Или Самсон Дмитриевич так опасен?

- Вы затронули самый нерв - мотив. Он необычен, как таинственная страна Кем.

- Когда вы догадались?

- Только в последний день. Кассета, Зюзя, кокаин...

- Василевич действительно забыл, как его друг подсказал ему идею сценария?

- Да, был под кайфом. Но вдруг вспомнит, кому обязан? Борису пришлось подставить дружка. Ну а Вике не впервой внушать мужу всевозможные замыслы. Нерушимый кинематографический союз - по себе помню! - вот почему связь ее с будущим убийцей была столь тайной. В какой-то степени Самсон их спровоцировал, но почва для преступления - «почва искусства», по выражению журналистки - была уже подготовлена..

- Она воспользовалась планом в компьютере?

- Да, в ту среду, когда муж увидел ее в спальне перед зеркалом.

- Что вы замолчали, Николай Васильевич?

- И я пережил потрясение, увидев в зеркале прелестную Гретхен.

- Вот он - солнечный бес!

- Да, так подспудно Самсон выразил свое впечатление, но сути не понял и израсходовал эмоции на составление плана. С которым жена ознакомилась-чуть позже и поставила лицедею условие Клеопатры: жизнь за любовь. Чужую жизнь.

- Неужели он так любил ее?

- Л ю б и т ь так нельзя. Впервые в своей практике «коллекционер» столкнулся с равным партнером. Обожали и рабски покорялись...одна не захотела. Ощущение

новое, острое. Эту черту - вечную жажду встряски - я отметил еще в нашем с ним разговоре о Танюше: соблазнить монахиню. Вариант классический, а в современных условиях такой редкостный.

- Он заслуживает смертной казни!

- А «возлюби врага своего»?

- Не могу, хоть убейте! Эти выродки так и собирались все свалить на местную банду?

- Да, по плану. Но муж оказался настолько слаб, что, нуждаясь в поддержке, связался с Кристиной Каминской и ускользнул.

- Затевать такое мероприятие во время публичного шоу...Бог лишил их разума.

- У них и была только эта ночь: рабочие и Ваня отбывали в субботу, а в воскресенье Самсон собирался покинуть Молчановку. Ну и страсть к позерству, риску, игре, пышный праздник - оригинальное эстетское прикрытие. Перерыв между плясками - два с половиной часа, одежда и маска Мефистофеля. Их тринадцать. Двенадцать - сосчитал в какой-то момент Гофман и, решив, что ошибся, сослался на плохую память. Потом, просмотрев кассету, захотел поговорить о своем открытии со мною в баре. Как вдруг увидел Вольнова с продюсерами. Я еще подумал: кокаинисту плохо.

- Испугался?

- Так он объясняет, но возможен и более интимный мотив: Виктор восхищался секс-символом.

- Этот ваш экстравагантный мир...

- Наш. Наш общий, резонно возразила мне кинозвезда.

- Виктория Павловна позвала вас к столику для алиби?

- Знаете, план планом, а супруга (или супруг) первая попадает под подозрение. Банкир отпал из-за краха «Фараона», Василевич торопился на премьеру...конечно, она его неслучайно выбрала - понадобился бы новый сценарист...словом, стодится бывший возлюбленный. Тут - первый крошечный прокол: Василевич знакомит своего дружка с Любавской.

- Это не входило в планы?

- Нет, но раз уж так случилось, Виктория решила подкрепить алиби Мефистофеля, который уже мчался на джипе по направлению к Молчановке. На кассете она напрямиком идет к стойке с Гофманом (я узнал его по своеобразному жесту рук), что меня в тот момент смутило.

- И потом она не предупредила Бориса?

- До того ли было! Другие события захватили, убийца был занят уже другим планом. Который я разгадал с вашей помощью...компьютерной, так сказать. Помните, в воскресенье я поинтересовался у

Самсона: «И облечения не боишься?» - «Есть приемчики...чистая шерсть, покрыть голову...» Он работал в Ванином вязаном шлеме, что подтверждает банкир, заметивший в окне в смутном свете экрана якобы Самсона.

- Она получила по заслугам, Господи! Но Ванечка и Танюша - за что?

- Меру зла человек никогда не может сам рассчитать, оно безмерно. Он сорвал шлем и увидел мертвое лицо мальчика и услышал тяжелые шаги на лестнице. Спрятался в углубление между столом и шкафом - все-таки на виду! - прикрылся маской и «средневековым» плащом, изнанкой плаща с серебристым отливом.

- А почему не сразу выключил компьютер?

- Не вдруг нащупал розетку, потом грубо выдернул вилку. Банкир - человек решительный, он его встречал мельком в клубе - схватился за притолоку, произнес: «Меня здесь нет и не было. Но у меня есть пистолет», - и унес ноги.

- Умно!

- Да, остался жив. Из осторожности Борис подождал какое-то время в кабинете, опоздал на вторую пляску, подключился где-то в середине, когда Мефистофели рассеялись по зале среди зрителей - это запечатлено на кассете. Я обратил внимание на нарушение рисунка и ритма танца, даже пересчитал

чертей - тринадцать. И только позже, к ночи, засек нужный момент: да, одного черта не хватает.

- И ему пришлось перестраивать план.

- Ну, он понимал, что мать не сможет простить. Необходимо время... эта ночь - свободная ночь. Когда я просматривал запись, меня заинтересовали тосты Зюзи - трижды он вещал на весь зал о призе «Мефисто» и о себе, конечно - в этой связи. Как же киноактер рискнул затеять агрессивную ссору с главным учредителем? И на мой вопрос, знал ли он, с кем имеет дело - соврать: «Кабы знал, может, и придержал бы язык».

- Понятно, получение приза предполагало пьянку до утра.

- Да, тот самый банкет. А так Вольнов имел право «обидеться» и, рванув на Плющиху, перехватить Викторину. Из кустов во дворе он увидел нас с нею, я ушел, убийца нагнал ее в подъезде: «Ничего не удалось, муж твой был у любовницы».

- Откуда Борис узнал?

- Скандал с Зюзей произошел из-за Каминской. Услышал за стойкой ее реплики по телефону: «Самсон, твоя Вика тут с кинооператором Смолиным развлекается...Надеюсь, ты до утра?. Я скоро буду, целую». Своей же сообщнице Борис соврал, будто парочка по телефону распрощалась, Любавский уже наверняка в

Молчановке. «Но у меня, боюсь, на второй заход не хватит духу». Как он и предполагал, Виктория добровольно поехала с ним (не заходя в квартиру: подразумевалось, что там спит Ваня).

- Демоническая женщина!

- Да уж, только полной одержимостью такое состояние можно объяснить, душа омертвела... К месту преступления они ехали молча, ни слова друг другу не сказали. Черный лес... «Бирнамский лес как бы задвигался...» Помните «Макбета»?

- Кого? Не помню. Дальше!

- Они оставили машину за углом под деревьями и прошли в гараж. Вика предложила: входная дверь в дом прямо под кабинетом, вдруг муж проснется...там Ваня, он не проснется, а она его так и не увидела. «Я останусь здесь, иди один», - и села на лавку у входа. Он задушил ее плетеным ремешком, как и Ваню. Помните прекрасные сильные руки «целителя»? «Раз Бог дал руки, надо их использовать» - его слова.

После паузы Савельич произнес дрожащим голосом:

- Страшно. Мрак.

- Во мраке в гараж проник, на грани истерики, Самсон. Задел ногой за лавку, упал - и сверху на него навалился кто-то.

- Убийца?

- В смятении чувств сценарист так и понял - нападение! - и «задушил» мертвую.

- Как это возможно?

- На секунду потерял сознание, ударившись левым боком о бетонный пол. А когда, лежа, зажег спичку - ее лицо - почти вплотную к его лицу. Не помня себя от ужаса, он побрел к машине.

- Про машину-то помнил!

- Ну, первая реакция слабака - сбежать! Инстинкт самосохранения. И вновь, уже за рулем, провал сознания. Он очнулся, ничего не соображая, захлопнул дверцу, ударившись о нее левой рукой - и вот тут, по-видимому, остановившиеся при падении в гараже часы заработали.

- То есть не девять минут с того момента прошло!

- И ведь Танюша вспомнила: когда в воскресенье мы приехали сюда, часы у хозяина отставали на полчаса. Он их перевел. Эти тридцать минут и решили дело: трупы исчезли.

- Вольнов его видел?

- Нет, поднимался в кабинет за Ваней.

- Ах да, он уже не мог действовать по плану, свалить на банду!

- В том-то и дело. Я с иронией помянул старинное суеверие: в глазах жертвы отражается лик убийцы...

- Господь с вами!

- Ну не буквально, образно выражаясь.

- А, если образно... А почему все-таки холодный эгоист, как вы про Самсона Дмитриевича сказали, не сбежал?

- «Дыхание миров иных, говорит, чуть мистиком не стал». Мало того, что виртуальный план, им уничтоженный, вдруг приведен в исполнение, - мертвая исчезла! Потом другая мыслишка пришла - реалистическая: Самсон сумел убедить себя, будто в глубоком обмороке ему привиделся кошмар. Что сразу и подтвердилось: гараж заперт на висячий замок, никаких трупов, следов... В воскресенье он готовился к приему, ждал своих, но тут пошло-поехало: жены нет и Ваня исчез из квартиры вместе с ковром, странная записка...

- «Приди ко мне тот, кто под землей», - прошептал старик.

- Самсону, с дикой головной болью, мерещилось, будто он на пару с бесом работает. Пропажа записки его доконала - на Плющихе опасно, в Молчановке жутко.

- Да ведь он сюда пришел.

- Уговорить Танюшу взять его в паломничество (вот до чего интеллект уал испугался!). Но на подходе к дому он чуть не столкнулся с подъехавшей милицией. Ну, скрылся в лесу и предстал передо мной сумасшедшим.

- Натуральным сумасшедшим?

- Ничего, оклемался везунчик.

- Это вы к тому, что убийца его в ту ночь так и не увидел?

- Да, Самсону повезло незаслуженно. А преступник поспешил на киношный пир под девизом «Мефисто», где сделал предложение звезде.

- Языческие страсти, - повторил Савельич.

- Это не преступления по страсти, у них другой душок. Рита Райт могла привести к их разгадке.

- Она не догадывалась?

- Нет. А вот Танюша...

- Боже мой, зачем она ему понадобилась?

- Массаж - удобный, благородный предлог проникнуть в эпицентр событий, появляться тут ежедневно и законно. Более того. Борис обвинил вас в подслушивании...

- Да нет же, я не сразу решился подойти, потому что думал, у вас с ней разговор конфиденциальный, но я...

- Не оправдывайтесь, это уже неважно. Меня удивило, как Танюша могла рассказать ему о моем сыне.

- Она - чужой секрет? Она и мне не говорила.

- Конечно, он нечаянно проговорился: подслушивал, приезжая сюда, он сам. А вас подставил, подстраховавшись... как бы вы его не подставили. Из нашего с нею первого разговора узнал и про записку - и украл, когда

Самсон выложил ее в ящик письменного стола. Словом, убийца был в курсе моих действий. И ее предчувствий.

Старик проговорил проникновенно:

- У нее был древний дар прозорливости.

Краем глаза заметил я, как шевельнулись справа кусты в высокой траве, и крикнул:

- Ну, кто там прячется? Выходи!

Из зарослей на лужайку выползла нимфочка в шортах и майке, нисколько не сконфуженная. Плюхнулась на пластмассовый стул и заявила вызывающе:

- Да, я подслушивала. Все слышала.

33

Мы глядели на нее молча, а она продолжала:

- Имею право, потому что наша семья тоже пострадала.

- Как отец? - спросил я.

- Завтра из больницы выписывают.

- Наложить на себя руки, - начал Савельич торжественно, - величайший грех, трудно искупимый...

- А, оставьте, выжил.

- Но в чем причина такого святотатства?

- В баксах. Знаете, что такое баксы?

Старик опустил голову. Она процитировала:

- «Во всем, в том числе и в своей смерти, виноват я сам». У меня вдруг обнаружилась сестричка, - Леля засмеялась, - незаконная. В общем, папаша погулял, а любил мораль читать.

Я вспомнил свое наблюдение: эти погулявшие господа до страсти блюдут честь дочери. Вслух же сказал:

- Вот что: я к вам зайду и расскажу все, обещаю.

- Почему не теперь?

- Расскажу в адаптированном варианте, приемлемом для детей.

- Для детей? Я про секс знаю, может, побольше вашего! А Вольнова обожала, у нас в классе все девчонки... Он ее изнасиловал, потому что захотел девственницу, так ведь? Эта старая дева была чудачка, но Ваня ее любил.

Печальная эпитафия на могилу: она была чудачка, но один человек, мальчик, ее любил.

- И я, - сказал старик, - и я любил, - и, легок на слезу, заплакал (а я ему, свободе его чувств, позавидовал). - Почему чудачка?

- Ну... не такая же, как все? Женщина пожилая, но ведь не старуха, а одевалась!! Как цыганка, в аляпистых таких ситцах...

- Это одежда для бедных, гуманитарная помощь! - Савельич обиделся. - Надо же - цыганка! Тут Промысел Божий.

- Чего-чего?

- Я сейчас читаю замечательную книгу «Святые женщины Руси». И что вы думаете? Блаженная Ксения Петербургская именно в таком наряде ходила: в зеленой кофте и красной юбке.

- Тетя Таня под святую работала?

- Что вы! Это провиденциальное совпадение.

- Какое?

Я вмешался:

- Из-за этого яркого наряда я и обратил на нее внимание в то воскресенье на Садовом кольце. Поначалу она наотрез отказалась ехать в Молчановку. Вдруг - согласилась.

- Танюша предчувствовала, чем это для нее кончится, - подхватил Савельич убежденно.- Как раз накануне, ночью в ночлежке, ей внезапно стало плохо.

- Когда вы на доллары в сейфе смотрели?
- не удержался я.

Старик побагровел, но ответил смиренно:

- Смотрел, проклятый.

- На чьи доллары? - тотчас встряла нимфочка.

- На свои. Хотите, я вам их отдам? - в истерично-безнадежном порыве воскликнул Скупой Рыцарь.

- Хочу. Сколько?

Порыв угас.

- Чего на них смотреть - их надо тратить, чтоб успеть пожить. Договорились, дедушка!

Дедушка смолчал. Я уточнил:

- На марихуану тратить?

- А что? У нас в классе все курят...почти все. А почему тетя Таня согласилась поехать?

- Накануне Ваня не явился, как обещал, в ночлежку, и она почувствовала смерть.

- Как это?

- Должно быть, вся плотская ее энергия перешла в духовную и усилилась во сто крат. Она не хотела лечиться, но ее заинтересовал Вольнов. По своей испорченной натуре я даже предположил: уж не увлеклась ли и чудачка секс-символом? Однако сестры слишком разные, чтоб...

Савельич прервал с угрюмым нетерпением:

- Он убил ее, потому что она его разгадала?

- Да. После нашего разговора в «Артистико» не в монастырь его понесло, а в Молчановку... Были кое-какие многозначительные детали в том разговоре.

- Получается, вы натравили на нее убийцу?

Я кивнул: объективно так оно и получилось! Школьница заметила резонно:

- Ведь не нарочно? Чего рассусоливать... Зачем его сюда понесло?

- Уговорить Танюшу переехать в Москву: показаться, мол, одному знаменитому тибетскому доктору.

- Вранье?

- Нет, Борис увлекался восточным оккультизмом, они с дружкой Васькой занимались какой-то подпольной борьбой в серебристых «космических», так как сказать, костюмах. Но об этом после. Преступнику нужна была свобода в этом доме, где он замуровал трупы. Да, я показал ему рисунок скарабея, сам еще не понимая, с какой уликой столкнулся!

- Кто такой скарабей? - заинтересовалась Леля.

- И об этом после. Вернемся к нашему разговору с Борисом в «Артистико». «В Молчановке видели убитую Викторину». - «Где?» - «В гараже». - «Так вы нашли мертвых?» - «Теперь это дело времени». В жгучей тревоге он едет на место преступления, убеждается потихому, что Танюша на лужайке, как обычно, погружена в молитву. И подходит к гаражу - он заперт, что как раз необычно. Тревога достигает предела - и Борис отпирает дверцы.

- Зачем такой риск?

- Убийца не смог объяснить - охватила иррациональный страх. Входит, спускается по шести ступенькам и слышит голос: «Как вы сюда попали?» Он машинально пробормотал, выигрывая время: «Не хотел мешать молитве...» - «После ваших сеансов я не могу молиться, забываю слова. Вы открыли гараж ключом, который вам дала сестра?»

- Да как же она... не понимаю! Надо бежать, звать на помощь!

- Некого. Соседские дома необитаемы. Он признался: «Виктория дала свою связку. Но об этом никто больше не узнает», - и медленно подошел. Она угадала его вожделение и попросила: «Лучше просто убей. Ты же убийца». Впервые он почувствовал такое отвращение в женщине...его не хотят! Зверь взбесился.

После паузы старик прошептал:

- И вы потом не увидели на преступнике никаких следов борьбы?

- Борьбы не было. Она «не снизошла даже до сопротивления, - по его словам, - как мертвая, только молилась вслух». Четки упали на пол, монастырские, связанные из шерсти.

- Ими, да? - Леля тоже заговорила шепотом. - Ими задушил?

- Да.

- А как она оказалась на лужайке?

- Он решил спрятать тело на соседском безлюдном участке, уповая, что до ночи Танюшу не найдут, близкие ее заняты - кто следствием, кто бизнесом... Ночью закопать где-нибудь в отдалении. Но когда дошел до лужайки, то услышал шаги на плитах дорожки. Положил труп на одеяло, спрятался в кусты. Появилась женщина в черном и замерла.

- Мама, - вставила Леля.

- Она разыскивала твоего отца.

- И поверила, что он убил. Он не убийца, а козел.

- Умерь свой идиотский тон. Женщина метнулась в заросли, из окна выглянул сыщик, сразу спустился и подошел к убитой...Мне надо было обыскать участок, а я...я прощался. Потом ринулся звонить.

- Благодарите Бога! - Савельич перекрестился. - Вы были бы четвертый.

- Пожалуй, спасло меня именно появление твоей матери, Леля. При свидетеле преступник не рискнул действовать и сбежал.

- Куда?

- В монастырь. Договориться о венчании в пятницу.

- Многосторонний дядя, - восхитилась школьница, - любвеобильный.

- Голый расчет. Ему нельзя было выпускать из рук Риту Райт.

- А почему?

- Ты коснулась самого таинственного следа в этой чудовищной истории. Как вам известно, преступник в воскресенье утром проник к Любавским...

- Украсть ковер! - вспомнила Леля.

- Да, он прихватил ковер из спальни, чтоб создать - хоть на время - иллюзию исчезновения матери с сыном из городской квартиры. Но целью его визита был не ковер, а книга.

- Книга? - в один голос повторили мои наэлектризованные слушатели.

- Из которой и выпал листок с текстом, написанным рукой Виктории: «Приди ко мне тот, кто под землей». Режиссер, готовясь к съемкам новой версии «Египетских ночей», читала кое-какую литературу, в частности, работу знаменитого английского египтолога Уоллиса Баджа «Египетская магия». По совету Бориса Вольнова, который на съемках «Страстотерпцев» рассказывал Гофману об эзотерике пирамид. Мне надо было бы подумать о его неординарной роли: хоть Борис и играл в «простого парня», но как-то проговорился о глубине замысла - «то вечность, универсальность. Эзотерическая загадка мистерии... А сакральные сцены можно как раз оставить по контрасту, для колорита, такая своеобразная стилизация...» Меня удивила столь элитарная лексика в устах плейбоя – удивила на минутку, свое поверхностное мнение о нем я уже составил.

Ему пришлось изъять книгу Баджа с экслибрисом - личным знаком на внутренней стороне переплета: навозный жук, на спинке которого вместо заклинания имя владельца - Борис Вольнов. И на выпавшем из «Египетской магии» листке, кроме текста, нарисовано то же самое насекомое. Впоследствии и записка исчезла из кабинета

Самсона на Плющихе. Вот какое значение придавал убийца этому символу!

В четверг в баре «Артистико» я восстановил изображение, и со сценаристом Василевичем мы кое-как (вспомнив новеллу Эдгара По «Золотой жук») додумались до скарабея.

- Не читала, - призналась школьница. - Чем он так знаменит?

- Сегодня утром я полистал искомую работу в Историчке, посмотрел фотографии. В древней стране Кем при мумификации покойников изымались внутренние органы и хранились в специальном сосуде; взамен же в грудь умершего, там где сердце, вкладывался амулет из камня с вырезанными на нем «словами власти» - своего рода защита от злых духов поднебесья. Этот амулет чаще всего изготавливался в виде «навозного жука».

- Почему жука?

- Египтяне верили, что скарабей обладает уникальной жизненной энергией. Задние лапки его широко расставлены, ими он катит в норку шарики из навоза, в которых откладывает свои яйца - будущих детенышей. Катит как невидимая сила Бога, которая заставляет солнце катиться по небу...каждый день заново, понимаете? Так скарабей стал в Древнем Египте символом солнца и знаком воскресения.

- Солнечный бес, - Савельич сплюнул. - Мракобесие.

- Как бы там ни было, амулет «скарабея» стали носить и живые, при этом «церемония жука» - обряд освещения - сопровождался молитвой: «Я - Тор, изобретатель и основатель медицины и письменности. Приди ко мне тот, кто под землей, явись предо мной великий дух».

- Понятно, - кивнула нимфочка, - этот гад боялся, что книжку у Любавских найдут и его вычислят.

- Если б он боялся только этого! Как простодушно и трогательно описывал секс-символ свою чистую любовь к Рите Райт: робел признаться, объяснить...Но по ее намёку - «отношения наши весьма реалистические» - я понял, что связь между ними сексуальная. Началось это на съемках «Страстотерпцев». Потом «коллекционер» бросил кинозвезду ради «демонической Клеопатры».

- Ну и что тут особенного?

- Видение Самсона в душевной спальне в зеркале. Солнечный бес подспудно напугал его, так напугал, что муж в горячке составил план убийства.

Но каким образом Вольнов, участник шоу, смог осуществить свой план? На кухне ночного клуба мое внимание опять зацепил второй акт «дьяволова действия» -

Мефистофелей все-таки двенадцать! Вот они рассеялись по зале среди публики, барабанная пауза - на подмостки взлетела полная чертова дюжина. Это был последний штрих, подсознательно заподозрил я его еще до сцены с Ритой Райт - недаром после таких потрясающих событий (новое убийство, допрос, происшествие с твоим отцом, признание Самсона в лесу) я очутился перед ее домом (где, между прочим, встретил Василевича, у которого тоже возникли серьезные вопросы к дружку). Смутно помню, как купил зачем-то игрушечный пистолет...

- По воле Божией, - восторженно прошептал Савельич. - Он нас спас.

- Да и вы, Никита Савельевич, не оплошали.

- Ну, вы явились к этой самой Райт...

- Мне открыла невеста в подвенечном наряде, пышном, длинном. Кинозвезда колебалась, не надеть ли ей мини...

- В монастырь? - перебила Леля грубо. - Черт с ней, с невестой! Давайте по делу.

- Я по делу. - Я помолчал, припоминая. - «По-настоящему извращенные создания встречаются на нашей земле так же редко, как и святые. Не всякий день встретишь на дороге святого, но не часто встретишь и того, кто способен вырвать у вас стон, крик, где слышится также и ужас».

Школьница и Савельевич вытаращили глаза.

- Как-как? - переспросила девочка. - Повторите.

А старик проговорил с чувством:

- Как глубоко вы понимаете тайну греха.

- Это не мои слова - одного католика. В «опасных связях» французы понимали толк; и Пушкин «науку страсти нежной» недаром изучал. И вот еще одно любопытное наблюдение Мориака: все любовные связи героя «мечены одним и тем же страшным клеймом». Душевная, духовная травма - клеймо. Звезда примеряла наряды, я вошел к ней - в зеркале отразилась женщина с поцелуем-кусом под грудью - там где сердце.

- У Виктории Павловны...- начал Савельич и умолк.

- Тот же самый сине-красно-зеленый след - татуировка, древнеегипетский скарабей. Так метил свои книги и сексуальные жертвы наш герой-коллекционер. Самсон, одержимый ревностью и ненавистью, не разобрался.

Нимфочка ахнула.

- Вот почему он побоялся свалить убийство на банду!

- Верно. Василевич приблизился к тайне логическим путем: «значит, он боится самих убитых...плоти, на которой остались бы знаки». Танюша - интуитивно: «Загадка в мертвых. Их надо спрятать так, чтоб никто не нашел».

Естественно, татуировкой занялся бы следователь и в конце концов отыскал бы живую жертву... ту же Риту Райт. Так она стала невестой.

- Как это ни ужасно звучит, - прохрипел Савельич, - он мог бы вырезать из трупа зловещую мету.

- Виктория предупредила своего возлюбленного, что солнечного беса видел муж, но понял ли он его значение, осталось для них неизвестным. Преступник хотел вывезти мертвых и закопать где-то в укромном лесу, но услышал голоса нищих на улице. Пришлось замуровать их в доме.

- Все равно страшный риск.

- Выхода не было. Вольнов - мастер на все руки, ездил на шабашки, был в курсе строительства дома. За те провальные (для Самсона) тридцать минут он успел зацементировать трупы в автомобильной яме - инструмент, цемент, песок, вода, рабочий халат...все необходимое под рукой в гараже. Я как-то обратил внимание, что яма не очень глубока, но подумал: для низкорослого Самсона сойдет. Вниз вели семь ступенек, осталось шесть.

Мы, все трое, оглянулись на новенький дом в старой зелени, Савельич в который раз задал вопрос, задумчиво, словно себе самому:

- Зачем она приехала сюда? (я понял, кто «она») - Ведь чувствовала в этом доме смерть.

Наверное, как и мне, ему вспомнилось: подземные удары, разверстая могила, извлечение трупов.

- Танюша хотела похоронить близких по-настоящему, чтоб о них молились всем миром в храме.

- А умник по-глупому попался! - воскликнула Леля; Савельич пояснил:

- На умника нашелся еще больший умник.

- Поздновато нашелся... Когда я рассмотрел клеймо скарабея и окончательно понял, кто убийца, то попытался расставить ловушку - и она сработала, преступника охватила паника. Я акцентировал его внимание на Льве-Ваське и сообщил: началось официальное расследование, трупы будут искать с собакой, найдут свидетелей-нищих... Опасаясь слежки, я поехал в «Артистико», а оттуда, уже тайно - в Молчановку.

Убийца не устоял перед последним шансом - перезахоронить мертвых. И явился в полночь в серебристом спортивном костюме - «светящееся существо» из преисподней.

- Там его ждут, - заметил Савельич с удовлетворением. - Никаких смягчающих обстоятельств нету.

- Подсудимый объясняет так. В ту среду, третьего июня, несчастная жена, заговорившая о разводе, случайно обнаружила в компьютерной программе разработанный мужем план убийства - ее и сына (замечу в

скобках: так оно и получилось - так материализуются наши инфернальные фантазии!). И, опасаясь за ребенка, уговорила своего друга опередить.

- Но ведь номер у его не пройдет? - спросила Леля полу-утвердительно.

- Надеюсь. Конечно, Вольнов сочинил эту версию: Виктория слишком хорошо знала своего Сона, чтоб всерьез опасаться.

- Вы ее видели? Видели клеймо, где сердце?

- Видел.

- А я глаза закрыл, - признался Савельич. - Поверьте мне, это сатанинские знаки, грех на них и смотреть. Как покойница пошла на такое?

- Ой, да ну! Тату во всем мире в моде, она захотела, потому что - шик. Правда, Николай Васильевич?

- Танюша говорила, что сестра жила только здешним миром, тот свет - свет воздаяния - для нее не существовал. Наверное, этот обряд показался ей эротической игрой - новое, неизведанное наслаждение от прекрасных рук возлюбленного. Я, конечно, не знаток черной магии и не знаю, к каким последствиям...

- И Боже вас упаси трогать зло! - завопил старик в духе «пророка». - Последствия нам известны: смерть молодых, полных жизни людей. Магия на то и практикуется, чтоб

получить власть над жертвой. «Слова власти» - так египетская молитва называется? Новая Клеопатра оказалась рабой секс-символа.

- Значит, она не виновата, ее заколдовали!

- От беса избавиться фактически невозможно, деточка, по себе знаю!

- Нет, серьезно? По себе?

- Друзья, позвольте! Не Вольнов, а Виктория захотела убийство. Одержимые женщины, воспеты в античных трагедиях...

- Взбесившиеся бабы, - перебила нимфочка. - Она хотела от мужа освободиться, да?

- На то существуют законные способы.

- Так чего ей надо было?

- Мне кажется, утвердить с в о ю власть, привязать к себе ускользящего сообщника крепкой нитью - смертью.

- Ускользящего?

- По словам убийцы, Виктория ему уже поднадоела («печать» скарабея - обычно его прощальный знак). Однако своим планом она сумела сообщить их связи блеск новизны.

- Вот это «новое русское кино»!

- Когда-то я ее очень близко знал, но, к счастью, таких «демонических» чувств не пробудил. В тот вечер в «Артистико» она была пленительной и возбужденной, по дороге на Плющиху смеялась: настолько увлеклась Пушкиным, что ощущает себя царицей египетской. И приложила руку к груди - там,

где сердце - позже я подметил этот жест у Риты Райт. «Не банальный жест, подумалось, а загадочный знак». Так загадочно «царица» и распрощалась со мною в ту последнюю свою ночь: томно-восточным движением подняла обнаженные руки над головой, скрючила пальцы напоподобие чаши лотоса.

- Она не только сама погибла, - проговорил старик сурово. - Господи, зачем вы нам встретились на Садовом кольце?

Этот вечный вопрос «зачем» не имел ответа. Девочка сказала с удивлением:

- А я встретила Ваню, когда он шел на станцию...зачем? Нет, это несправедливо: противный карлик со своим планом остался жив, а их мы больше никогда не увидим.

- Танюшу и Ванечку - никогда, - подтвердил Савельич категорически, - потому что попадем во ад.

- Вот и папуля трясется! Нашли о чем переживать...может, его и нету.

— Ад есть!

Старик и девочка азартно заспорили о существовании вечного огня; между тем пора было ехать на погребение сына, его матери и Танюши - «похоронить по-настоящему!» - о чем молилась и ради чего погибла убогая.

Инна Булгакова

Детективные романы

1. Только никому не говори – 1987
2. Гости съезжались на дачу – 1988
3. Соня, бессонница, сон – 1990
4. Иди и убей! – 1992
5. Иначе – смерть – 1994
6. Последняя свобода – 1994
7. Красная кукла – 1995
8. Сердце статуи – 1996
9. Дом с дракончиком – 1997
10. Смерть смотрит из сада – 1997
11. Крепость ангела – 1998
12. Век кино – 1999
13. Солнце любви – 2000
14. Мать-и-мачеха – 2001
15. Литературный агент – 2002
16. Господин Праздника – 2005
17. Мадонна Бенуа - 2006
18. Зеркало для Вероники – 2009

Роман

Третий Пир (1982-1992)

Рассказы

1. Студент снимет комнату в тихом семействе - 1993

2. Горсть пепла на прибрежной поляне – 2006

Фильм

По роману “Соня, бессонница, сон” снят фильм “Без правосудия”, 1991

Подробная библиография:

http://bulgakova.org/?page_id=6

Купить и скачать

Приобрести новые книги Инны
Булгаковой можно здесь:

http://www.lulu.com/spotlight/inna_bulgakova

Сайт автора:

<http://bulgakova.org>

Электронная почта

ivbulgakova@gmail.com